

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ – 2011

Созвучье муз

stella.ru
Германия

Ольга АГЕЕВА

М. ШАГАЛУ

Зеленым почерком Шагала
Пишу о вероломном дне...
Как приземленная взлетала,
Встречая невидаль извне:
Весну провинции Шагала,
Забаву красок жития,
Необъяснимого начала,
В котором затерялась я.

К скульптуре М. Антокольского «Спиноза»

Действительность отброшена на время –
Спиноза в океане дум.
Запутанная мыслями дилемма
Во власти чередующихся лун,
В тумане философских размышлений,
Не омрачающих спокойные черты.
Непризнанная доля откровений,
Сбежавшая от вечной суеты.

*К картине Я. Иорданса
«Бобовый король»*

Эмоции по-королевски,
С гуляньем чествуют эпоху,
Что обещала, как обычно,
За пуд старанья – только кроху.
Без принуждения прощенье
С лихвою время обрело,
Наполнено вином везенья
Звенящее в руках стекло.

*К картине Леонардо да Винчи
«Дама с горностаем»*

Я скрипку слушаю и вижу
Перед собою образ дамы.
Ранимая душа печали
Не прикоснулась к жалу драмы.
Недостигаемая вечность
Позволит утонченность скрыть,
Изысканности нежность, кисти
Позволено зверьком шалить.
Пусть очи кроткого смиренья
Уводят чужеземку вдаль.
Цицилия, стыдясь томленья,
Лицо не спрятала в вуаль.

О ЛЮБВИ

Невинны амфорные бедра,
Их белизну в ночи не скрыть.
Отпущен увлеченный Эрос
По волнам сладострастья плыть.
Миг созерцания запретов
Приводит в чувственный восторг.
Обожествлен земной порок,
В нем эхо ласковых сонетов.
В ночи мерцание Венеры,
В ночи переплетенье рук,
Как сладка боль телесных мук –
Прикосновение гетеры.
Ожег поэзии желанной,
Ожег волною усмирит
Магический обряд вселенной,
Пока художник света спит.

Достичь высот,
Где меткость слова
Вмиг просветляет речи суть,
Где, музой зазвучав, немое,
Как окрыленное вспорхнуть
Стремиться в вечность.
Совершенство –
Магическая страсть поэта!
Окороновано блаженство
Слагать душою рифму света!

ВЕНЧАНИЕ

Пусть возмущенное плесканье
По водам вредного весла,
С уединением венчанье –
Озерная голубизна.

Венчание с букетом лилий,
С прохладным поцелуем брызг,
Разводы приозерных лилий –
Блуждающий затейный диск.

Свидетельница рада чести –
Немая поросль ольхи,
Муть, обнадеженная вестью,
Скрывает грязные грехи.

Венчание не с тишиною,
Жених – мой внутренний покой.
Пусть одиночество виною
Скрипит под лодочной доской.

ЦЫГАНЕ

Каскады радужных столетий
Материи, измятой днями,
Шарм темперамента столетий
Резвятся звонко с бубенцами.

Гордись свободой, безрассудством,
Богатством музыкальных чар,
Мечтой под звездами, распутством,
Их род по-королевски стар!

Неприкасаемы, как дьявол,
Но зримо – тайна простоты,
Их дочь, танцующая пава,
Для искушения мечты.

Их дочь заставит обмануться,
Подобно рому, ворожке,
Заставит с удалью разуться
И станцевать в сырой траве.

Преображение...
Цветное торжество...
Самодостаточно спокойствие и волей.
Обед молчания лесное божество,
Дает, смирившись только с осенью и долей.
Преображение...
Дубовая листва с ажуром ветхим
И тебе я внемлю,
Но лишь трава по-прежнему черства
Мрачна и оттеняет землю...

(Стихи из книги «Прошли и ночь, и день»)

Юлия МАМОЧЕВА

МАМЕ

*Ольге Юрьевне М.,
лучшей на свете маме
посвящается.*

Не печалься, милая, не надо:
Целый мир не стоит слез твоих.
Лучше вспомни, с трепетом, с отрадой,
О краях любимых и родных...

Вспомни лес, таинственный, могучий,
Шелестящий нежною листвою,
Шепот ветра, тихий и певучий,
Ручеек небесно-голубой.

Вспомни зелень мирную дубравы:
Ты ее любила с давних пор!
Шумных рек лихие переправы
И полей немислимый простор;

Вспомни радость нового рассвета:
Час, когда погаснут фонари
И цветок поднимется, согретый
Ярко-алым пламенем зари...

Вспомни с чувством, многим незнакомым,
То печаль с восторгом пополам,
Как бурлит Нева, вздымая воды
К городским гранитным берегам,

Как сияет Божий храм, святыня,
Золотом сусальным куполов...
Не ласкает душу на чужбине
Чистый звон его колоколов...

Те места, любимые, родные,
С чувством светлым вспоминай о них.
Улыбнись за милую Россию,
Целый мир не стоит слез твоих...

ПЕТЕРБУРГ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

То искришься огнем столицы,
То рыдаешь, душой скорбя...
Петербург! ты меняешь лица,
И таким я люблю тебя.

Ты в короне седой Европы
Миллионом горишь огней;
Обгоняешь, сбивая стопы,
Королевских ее коней –

Нерушимый, по-светски гордый,
Ты на русской земле рожден,
Дабы волею длани твердой
Вознестись на имперский трон!..

Я люблю тебя, город статный,
Всей горячностью нежных слов,
Слыша отзвуки славы ратной
И звенящий мотив алов.

Есть в твоей величавой силе
Мощный стержень – святая сталь,
Что флагштоком вздымает шпили
В серебристо-глухую даль.

Ты не меркни! Гори, Столица,
Синевою своих очей,
Поднимая мосты-ресницы
Под вуалью белых ночей...

Пусть горят над тобою знаки –
Мириады прохладных звезд,
И надежно хранит Исакий
Поцелуев заветных мост.

ПРОЩАЛЬНЫЙ БАЛ

Дыша прохладой городских небес,
Танцует Осень сольный полонез,
С улыбкой скорби пред лицом разлуки...
Вы вслушайтесь в торжественные звуки:
Здесь нынче роскошь смело правит бал,
Пока далёк безрадостный финал,
Аккордами резвится дождь по крышам,
И высший свет в звенящих нотах слышим!..
Вот, кажется, вступают скрипачи
Под мерный шелест дорогой парчи,
И изредка звенит хрусталь бокалов
Ожившим эхом петербургских залов:
Стаккато по блестящей мостовой...
Прощальный бал играют над Невой –
Мазурки, вальсы, чудные кадрили,
В глаза Хозяйка напустила пыли,
На радость всем устроив листопад!
Повсюду он, куда ни кинешь взгляд,
Проносится в восторге небывалом,
Горя огнём: то золотым, то алым...
Тем временем уж близится конец:
Бледнеет красной Осени венец,
И, подхвативши веера и трости,
Прощаются невидимые гости.
Последний танец – и окончен бал:
Зима сменила пышный карнавал.

Выйду в поле, залитое алым сияньем рассвета,
Чтобы встретить улыбкою первые утра часы.
И душою почувствую воздух ушедшего лета,
А босыми ногами – хрустальную свежесть росы.

Я увижу рассветного неба дрожащее пламя
Сквозь молочную дымку сокрывших его облаков;
Пробуждается мир – целый мир пред моими глазами,
Утомленный холодной тяжестью сонных оков.

Отступает с лучами зарницы ленивая дрема:
Сновидений бутоны, едва зародясь, отцвели,
Только слышится запах, родной и до дрожи знакомый,
Вновь рожденного дня и живительно влажной земли.

И волшебная сказка осенней сменяется былью –
Пролететь бы со свистом горящею лентой огня!..
Я у юной зари одолжу золоченые крылья,
Чтобы ветру над миром носить было легче меня.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЭКСПРОМТ

Vivat, Любовь!.. Bonjour, Paris!
Не ты ль ее волшебный храм?
Не ею ль дышащим сердцам
Твои пылают фонари?

Ночных соцветие огней
Хранит пьянящий аромат.
Любовь жива – поныне ей
Весь город сказочный объят!

И башни абрис кружевной
Над панорамой стройно зрим –
Здесь плут резвится озорной,
Смешливый лучник-херувим.

Ах, как поет аккордеон
Под эхо сбывшейся мечты,
И нежный колокольный звон
С блаженной льется высоты!..

Но вот я в Петербурге вновь
Гляжу на сталь холодных крыш.
И всюду чудится Любовь,
И всюду слышится: Париж!..

Я – ЧЕЛОВЕК

Я странник, гордо и нелепо
Хранимый мудростью веков.
Дитя безжизненного неба,
Дитя беспечных облаков.

Я вижу сквозь глухие стены,
Не Веря в ценность бытия,
И ядом обжигает вены
Душа мятежная моя.

Горит, пылает свежей кровью,
Питаюсь духом новых дней.
Я Ангел, сгубленный любовью,
И Демон, неподвластный ей.

Я океан, волной лазурной
От глаз сокрывший вольный брег.
Я ураган Вселенной бурной.
И мне названье – Человек.

ДИАЛОГ

(акростих)

- Что такое Любовь?
– Это горечь раскаянья
И пронзающий холод в бессонном бреду.
Слезы терпкие с привкусом злого отчаянья,
Так сокрытого лихо у всех на виду.
Окрыленная счастьем и болью прожженная,
Ты прекрасна, Любовь, в одночасье рожденная!
- А, быть может она херувима капризного
Лаконичная шутка в ответ на мечты?
Юмореска, судьбу перепевшая сызнава,
Без нелепых мотивов земной суеты?
Вдохновенного странника муза красивая?
Или сотни цветов? Или капля счастливая
Серебристого моря бездонных надежд...
- Поминутно слепая, обманно-правдивая,
Априори царей, мудрецов и невежд!

Спор рождает всегда непреложную истину –
Ей рождать суждено звон хрустальный в груди:
То терновым венцом награждает прижизненно,
Наваждением горьким горя впереди,
А то вдруг, Божьим светом сердца озаряя,
Создает атмосферу Пресветлого Рая.

Александр ФОКЕЕВ

1920 ГОД. РУССКИЙ ИСХОД

Причал выдавливал по жилам трапов
Застывший страх от воя звездных псов –
Их гон, ведомый призванным сатрапом,
Гремел, на двери двигая засов.
Причал гудел, согнувшись от рыданий,
«Борты» сжимая сумрачной волной, –
Герои предсказаний и преданий
Толпились под саванной пеленой...
Здесь след веков блистал в любом предмете,
Здесь каждый миг был шагом в Небеса
И мыслилось, что там, на чуждом свете,
Грядущему воздвигнутся леса,
Но горький чин прощального поклона
Приимет ли народная молва...

Порвались покрывала небосклона
И смысл приборой последние слова:

– Пойдите, господа, смотрите – кони!
там, в диком круге скачущих зверей, –
– Помилуйте, о Божьем ли Законе?!,
– Поручик, ну стреляйте же!.. в коней...

ПЛАЧ

Не светлым ли Солнцем земля пробудилась
от долгого сна,
Не светлым ли Солнцем земля облачилась
покровом тепла,
Не светлым ли Солнцем земля озарилась
на скорбных полях...
«Зачем, Господине, свой луч простираешь
На милого воинства тяжкий удел,
Поверженным лукам и стрелам внушаешь
Отмщенье, в крови кобьяковичей тел?».

За стеною высокою город
Просыпается долгим рассветом,
С тишиною колодезный ворот
Обручен погребальным заветом.
Только слышно: стеной непокорной
Откликается эхо несильно,
Ярославна дорогой неторной
Отправляется в сумрак могильный...
«Ой, ты Ветер, ты мой Господине,
Почему ты не вольный отныне?
На крылах своих мирных не веешь,
Только стрелы поганые сеешь,
Только милого воинство гонишь,
В ковылях мою радость хоронишь...
Ой, ты, Ветер-Ветрило,
Твоя песня постыла».

Не копья свистят над волнами Дуная,
Не ветер-ветрило звенит в тетивах:
Кукушкой неузнанной лес пролетая,
Несут Ярославну крыла-рукава...

«Полечу по Дунаю,
Путь-дороженьку знаю...

.....

Во Каяле-реке
На крутом берегу
Кругом красным трава
Обмакну рукава,
Оботру водицей
От сукровицы
Стынущую стать,
Чтобы милому встать!».

И кружится тоска неутешная,
Головою о стену колотится,
Но жестокая воля, не здешняя,
К Ярославне теперь ли воротится?
«Пробиваясь сквозь горы и гребни,
И вздымаясь волной у порогов,
Широко растекаясь, как небо,
Проторил Ты до моря дорогу,
Днепр Славутич! Ты мой, Господине,
Вперекор беспокойной године
Ты не дай кровоточить мне раной,
Из далекой земли той поганой.
Прилелей моего ты мне ладу,
Прилелей на ликующих волнах,
И тогда мне зарею не надо
Его берег слезами уж полнить».

Не светлым ли Солнцем земля пробудилась
от долгого сна,
Не светлым ли Солнцем земля облачилась
покровом тепла,
Не светлым ли Солнцем земля озарилась
на скорбных полях.

ОСЕННЕЙ БОЛИ ЗВОН...

Постою в сторонке,
Налюбуюсь вдоволь –
Звонкой стаей-тройкой,
Загулявшей в поле.

Постою не долго,
Нарыдаюсь вволю,
Но, не волка воем –
Златозвонной болью...

И небесных звонниц
Я услышу звонцы,
Над тоской околиц,
Возвестивших солнце.

ОСЕНЬ НА ВАЛААМЕ

Ступеней благодатный свет
Восходит в стынущее небо,
Расшитый золотом Завет,
Скрепляет зримо быль и небыль.
Соединяет и во мне –
И боль душевного разлада,
И то, чему в ушедшем дне
Душа была безмерно рада...
Я обретаю вновь покой,
Осенним ангелам внимая,
Живой воды черпну рукой,
Твое причастье принимая.

Вадим ЕГОРОВ

МОЙ ВНУТРЕННИЙ МИР

Мой внутренний мир наполняется сказкой,
Холодно-неясной, туманной мечтой,
И сердце поет от безудержной ласки,
Подаренной свыше Господней рукой.

Мой внутренний мир дополняет комета,
Летающая с неба в холодную ночь,
И в разуме звонко играет примета,
Ведущая разум от истины прочь.

Пусть я не люблю одинокую скрипку,
Пусть я не люблю обнаженных зеркал,
Мой разум всегда дополняет улыбка,
И место улыбки – любовный причал.

Зато я люблю невоспетые тени,
Зато я люблю свою нежную мать,
И я не бегу от холодных сомнений,
Я ими привык светорядье листать.

Мой внутренний мир наполняется сказкой,
Мой внутренний мир утопает в мечте,
И чувства танцуют в безудержном вальсе,
И боль затихает в немой красоте...

МОЙ ПОЕЗД

Мой поезд мчит меня вперед
До бесконечности дороги,
И звезд упрямый хоровод
Идет созвездием тревоги.

Мой поезд тянет пустоту
До осязания пространства
И ловит ветры на лету,
Ища немое постоянство.

Мой поезд катит в небытье
Через видения тумана,
И солнцекрылое жнивье
Его спасает от обмана.

И в пустоте холодных нив
Через всевластную погоду
Мой поезд, звуки обобщив,
Ведет железную дорогу.

Другого проще оправдать,
Чем самого себя исправить,
Лишь тот, кто любит благодать,
Сумеет жизнь свою направить.

Другому проще дать совет,
Не оставаясь безучастным,
Лишь тот, кто ищет яркий свет,
Найдет дорогу в сладострастье!

БЕРЕЗОВАЯ ЦВЕТЬ

Березовой цветью наполнено небо,
Березовый ветер уносит тоску,
И я наблюдаю за солнечной снедью,
И я забываю немую мечту.

И я забываю коварство печали,
И я забываю бесцветную ночь,
Мне волны любви тишину обещали,
Которой я нынче поддаться не прочь.

Не прочь я забыть бесконечные муки,
Не прочь я уйти от коварства надежд,
Мне ветер идет в теплокровные руки,
Мне время несет новокрылую бежь...

Березовой цветью наполнено небо,
Березовой цветью полна тишина,
И я наблюдаю за солнечной снедью,
И я ухожу от упорного сна.

Небо выпало дождями
На ладони сентября,
Я искал себя в тумане
Без огнива и огня.

Я ходил дорогой страха
Через горькую печаль,
Кто-то рвал мою рубаху,
Загоняя в спину сталь.

А потом веселым солнцем
Озарились небеса,
Я забыл свое безволье
И поверил в чудеса.

И теперь небесной манной
Простирается любовь
На кровати и диване,
И признаться, вновь и вновь...

Что ты смотришь сиротливо
На мои больные раны?
Я, извечно терпеливый,
Всеобщественный изгнанник.

Что ты смотришь удрученно
На мои большие руки?
Я, фатально увлеченный,
Раб изменчивой науки.

Что ты смотришь сиротливо?
Что ты смотришь удрученно?
Я сегодня не спесивый
И тобою покоренный!

Владимир КОРНИЛОВ

В ПРЕДЗИМЬЕ

Неуютны, ветрены, промозглы
Дни предзимья в северном краю...
Мысль угрюмой падчерицей мозга
Хмурится на лирику мою.
Видно, стих мой в эту пору скучен –
Дышит грустью северной земли.
Даже воздух в нем тоской озвучен,
Что пролили с плачем журавли...
Вновь душа, как пойманная птаха,
Рвется с криком в пасмурную высь –
Нету в ней сомнения и страха,
Что, разбившись, в Лету канет жизнь.
...И хотя судьба не на излете –
Миг ее любой боготворю,
Где душа в своем земном полете
Дарит мне небесную зарю.

Пробрызнуло дождем – и вдруг пошел снежок.
В каких-то полчаса преобразилась местность.
В низине, у реки, едва желтел стожок,
Как дивный знак страды, – сроднившей всю окрестность...
Замолкли птичий гай, людские голоса.
В предзимней тишине застыли перелески.
За снежной пеленой их поздняя краса
Приглушена в тонах, – как в древних храмах фрески...
Пейзажи все слились в безмолвное панно,
Где белый цвет один царил на всем пространстве.
...А посреди холста, крутя веретено,
Глядит уже зима в серебряном убранстве.

Я уеду в тайгу, где охотничьи наши угоды
От ближайших селений два локтя на карте любой.
Потому не хочу показного веселья сегодня.
Потому из гостей мы так рано уходим с тобой...
Пусть таежной звездой мне на компасе светится точка.
Да в напарники мне бы двоих, но надежных ребят.
...А вернусь к очагу, где останутся сын мой и дочка, –
Вновь узорчатый день мне, как праздник, подарит тебя.

С возом сена проехал вечер.
Где-то крикнул протяжно кочет.
Вьется в небо дымок из печек.
Снег скрипит, будто кто хохочет...
В избах бабы заводят тесто,
Достают из подвалов брагу.
Заждались женихов невесты –
Эй, сваты, прибавляйте шагу!

Вновь тучи серыми полотнами
Висят уныло в небесах.
Еще метелям стыть под окнами
И солнцу прятаться в лесах...
Еще в дремучести валежника
Снегам не угрожает зной.
...Глаза твои, как два подснежника,
Уже распахнуты весной.

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь.
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербы-одуванчики
Расцвели везде.
Золотится солнышко
В платьях щеголих
Звонкий жаворонушка
Песней славит их.
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чиста,
До чего же здешние
Хороши места!
Красотой особенной
Дышит все окрест.
Над весенней Родиной
Льется благовест.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Выйду на крылечко, а вокруг – тайга.
Вдаль струится речка – звонки берега.
А за нею горы, житные поля,
Милые просторы – Русская земля.
Русская до боли – даже в сердце дрожь.
В эту пору в поле вызревает рожь.
Налилась пшеница, колосист ячмень.
Синекрылой птицей распластался день.
Сердцем обмираю я среди полей:
Нет конца и края Родины моей!
...Звякаю уздечкой, тороплю коня:
Казачи за речкой, в поле, ждут меня.
Скинули папахи и сошлись на круг.
Белые рубахи вспенились вокруг.
То собрались вместе внуки Ермака
Славить в новых песнях удаль казака.
Их подхватят горы, реки и поля,
Отчие просторы, – Русская земля...

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

Из ковша Большой Медведицы
Звездной славы я не пил:
В дни «российской гололедицы» –
Всяк в ней душу остудил.
...Не бывает в жизни худшего,
Чем разбитые мечты.
Оглянись, душа заблудшая!
Отряхнись от суеты!
Коли суть твоя утеряна, –
Лишь Творец ее спасет:
Вдосталь каждому отмеряно
От Его святых щедрот.
...Но, пройдя сквозь мрак и тернии,
Обретем мы вновь с тобой
Благодать в часы вечерние
И согласие меж собой.
...Свой восторг отдам я зелени,
Светлым солнечным лесам.
...А тебе стремиться велено
К чистым горным небесам.

Вероника ВЕНЕДИКТОРОВА

ЦЫГАНКА

Мой Путь читала по руке,
Глазами черными, как ночь,
В цветастом, с бахромой, платке,
Цыганка, – вольных ветров дочь...

Ладонь мою она брала,
Обветренной рукой прохладной,
И говорила, как жила:
«Не за горой твой ненаглядный...».

Сказала, что любовь найду,
Такую, что дышать забуду!..
А я ей: «Что ты, я не жду...».
Она в ответ: «...а как же чудо?...».

Чуть улыбнувшись, мой «пророк»
Монетки даже не взяла...
И поправляя свой платок,
Под звон браслетов, прочь ушла...

О ЖЕНЩИНЕ

Я Женщина,
А значит, судьба мне быть счастливой!
Я Женщина,
И значит, ветрам наперекор,
Из Веры и Надежды
Составлю терпеливо,
Свой самый вдохновенный
И легкий натюрморт!

Я Женщина,
А значит, любви большой достойна!
Я Женщина,
И значит, изменам всем назло
Из Верности и Правды
Сотку в ночи покорно
Мужчине Моей Жизни
На счастье полотно!

Я Женщина,
А значит, немного и алхимик,
Я Женщина,
И значит, смогу я превратить
Любимых моих слезы
В жемчужины улыбок,
Ведь мне как воздух нужно
Любовь свою дарить!

ОНА

Ты уверен – ей идут твои футболки,
Тебе нравится, как сладко она спит.
Любишь ты ее за голос звонкий,
И тревожишься, когда она молчит.

Обожаешь, как она готовит тосты,
Рядом кофе пьет, пока ты ешь.
С ней безумно хорошо и просто:
Нет с ней ультиматумов, депеш...

Она гордая, но гордости в ней в меру.
Она страстная, но страсть ее нежна.
Нет, не Афродита, и не Гера...
А скорей Подруга и Жена!

Знает наизусть твои привычки,
И всегда подскажет верный путь.
Сложности любой к тебе отмычки
Подберет, – что глазом ей моргнуть!

Все, что до нее – транзит и поиск.
Значит, путь-дорога к ней вела,
Чтоб она твой заплутавший поезд,
Бережно на рельсы возвела.

ИСПАНЕЦ

Напиши мне про лето, Испанец, –
напугала меня зима...

За окном моим зимний глянец,
все в кристаллах – мосты, дома...

Расскажи, как готовишь паэлью,
«от себя» добавляя инжир...

В моем мире бушуют метели,
затаилась Москва-пломбир.

Напиши же хоть строчку, Мачо, –
только пару горячих слов!..

Я лицо по утрам в шарфик прячу
под морозный гул проводов...

Расскажи мне, как по субботам
ешь гаспачо, глядишь кино...

Ледоход мой во льду. За бортом,
лишь моя Москва-эскимо...

Нарисуй, как садится солнце,
отражаясь в морской воде,

Как песок попадает в сланцы,
обжигая ступни тебе...

В моем городе трубы в небо
выпускают молочный дым,

Все покрыто глазурью снега,
все становится ледяным...

И приправь письмо чили-перцем,
от которого все горит,

Пусть растает замерзшее сердце,
как в сиесту «плышет» Мадрид...

СВЕТОФОРЫ

Его светофоры опять горят
Пугающим красным светом.
И нет ей дороги уже назад, –
Закончилась этим летом...

А тут еще Осень пришла на чай,
Обугая в дождь несмелый.
В друзья постучалась к ней невзначай,
Прикинувшись самой белой.

Она без вопросов пустила в дом,
И тапочки предложила.
А Осень с порога, тряся зонтом,
Напомнила. Все, что было...

Мерцая огнями, ища тепла,
Москву покидал день.
И Осень осталась с ней до утра.
Неон, потолок, тень...

Картинки мелькали всю ночь,
В ряд. Никак не забыть о том,
Чьи светофоры опять горят
Пугающим красным огнем...

Константин ВУКОЛОВ

ТОКОВАЛИ ГЛУХАРИ...

Ночь в полотнище зари, как в вуали,
На поляне глухари токовали.
Звали песнями они, тосковали,
Переливами подруг завлекали.

Древний танец глухари исполняли,
Обо всем, что не любовь, забывали.
По бездонной тишине песни плыли,
В них страдали глухари и любили.

Глухариные бои в брачном танце.
Как же сильно за любовь надо драться.
Стоит драться за нее, стоит биться
И любить, как глухари, научиться.

До рассвета глухари не смолкали,
Все на свете за любовь отдавали.
Липы медом золотым истекали,
Как же сладко глухари токовали.

ГРУСТИ МАМИНОЙ ПОРТРЕТ

Отчий дом, сирень, крылечко,
А за домом – в ветлах речка,
Пробирается деревней,
Огородами кружит.

И от самого порога
Начинается дорога,
В мир неведомый, загадочный
Торопится-бежит.

Увела меня дорога
От родимого порога.
До крутого поворота
Мама мне смотрела вслед.

Куст сиреневого цвета
Отцвел к началу лета
Навсегда напишет память
Грусти маминой портрет.

То, что память написала,
В трудный час не раз спасало,
О себе напоминало,
Излучало добрый свет.

Дом, сирень, крыльцо, дорога
И прощанье у порога.
А всего дороже мама –
Никого дороже нет.

Жизни первая дорога
От родимого порога.
И по ней я снова к дому
Возвращаюсь много лет.

Куст сиреневый встречает,
Тонкой веткой покачает.
Это все, что здесь осталось.
Дома нет и мамы нет.

КАТЯТСЯ ГОРОШИНЫ...

Катятся горошины –
Наши дни счастливые.
Светлые, хорошие,
Только торопливые.
Небеса расцвечены
Золотыми звездами.
Знали, что навечно мы
Друг для друга созданы.
Стройная, красивая,
Как береза белая.
Для тебя, любимая,
Все, что хочешь, сделаю.
Ссоры бесплодные
Чтоб тебя не ранили,
Взгляда василькового
Слезы не туманили.
Ласковая, нежная,
Ты – мое Высочество.
Мне с тобой по-прежнему
Целоваться хочется.
Будут годы быстрые
Щедрой горстью брошены.
Звонкие и чистые
Катятся горошины.
Звонкие и чистые
Катятся...

Я ПО ТЕБЕ СХОЖУ С УМА...

Я по тебе схожу с ума,
Искал, хотел, мечтал об этом,
Когда озябшая зима
Мне станет самым знойным летом.

Звучи во мне, тебя прошу,
Красивой песней, не смолкая.
Я по тебе с ума схожу,
На свете ты одна такая.

Тебя смешат мои слова,
Упрямо повторяю снова:
«Я по тебе схожу с ума!»
Не знаю, что же в них смешного?

Я, как иссохшая земля,
Ты – теплый дождь, с небес сошедший,
И неприступная стена...
Тебе не нужен сумасшедший.

ВЯЖЕТСЯ КРУЖЕВО...

Кануло в прошлое
Время ушедшее,
Дни беззаботные
И сумасшедшие.
В кружеве лет
Кружево дней –
Музыка жизни моей.
Встречи желанные,
Сборища шумные
И расставания
Наши бездумные.
Лучшие годы
Как же забыть,
Вы научили любить.
Желтыми листьями
Раннею осенью
Годы прекрасные
Глупо разбросаны.
Сколько еще
Их упадет,
Сколько воды утечет?
Жизни узорные
Переплетения,
Просто ли, сложно,
Имеет значение.
Счастье вплести
Не позабыть.
Где его тонкая нить?

Марк ЛУЦКИЙ

ИЗ ЦИКЛА «ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАРИСОВКИ»

МАНСАРДЫ ПАРИЖА

*«Не могло быть ничего более омерзительного,
чем эта мансарда с желтыми грязными стенами,
пропахшими нищетой...»*

О. Бальзак «Шагреновая кожа»

Давно изученная тема,
Ну, что добавишь в эту суть?
Трюизм – «Парижская богема
В мансардах начинала путь».

Бальзак, Сезанн и Модильяни,
Руссо, Ван Гог, Эмиль Золя...
Они в мансардах начинали –
Из окон не видна земля.

Здесь шалый дождь намного ближе,
Стучит нещадно в потолок,
И часто струйки стены лижут,
Сухой не сыщешь уголок.

Но продолжали путь упорный,
Талант помноживши на труд.
Спустившись вниз подъездом темным,
Творенья их века живут.

Им славы занимать не надо –
Глядели в небо с бурых крыш.
Кому приют дала мансарда,
Тот часто покорял Париж.

ВЕНЕЦИЯ

Венеция туристу представляется:
«Вот Мостик Вздохов, рядом – Гранд Канал,
Собор Святого Марка возвышается...»
Приятно! Вот и тезку повстречал!

И площадь островная с Марком связана!
По ней я с удовольствием брожу.
Дворцы, колонны... Многое рассказано!
Шедевры неподвластны типажу.

А росписи! Здесь рай и муки адские!
И надо всем – Венеции венец.
Здесь все, буквально все! – венецианское:
Стекло! Гондолы! Дожи, наконец!

Завечерело. Блекнет краска сонная,
И слышно из старинного окна:
«Молилась ли ты на ночь, Дездемона, а?» –
Нет, не молилась верная жена...

Вновь мириады огоньков. Галактика!
Так ночь обозначает свой приход.
Венецию качает Адриатика
И песню колыбельную поет.

САН-МАРИНО

Конец автомобильного броска,
И возникает дивная картина –
Взирает на долины свысока
Столица государства Сан-Марино.

Давным-давно пришел каменотес,
Чтоб основать республику Свободы.
И на горе Титано град возрос,
Преодолев препоны и невзгоды.

В течение пятнадцати веков
Имеет герб и флаг, свои законы.
Витают башни в пене облаков,
На улицах – туристов легионы.

Сияет солнце. Склоны. Зелень рощ.
Но вдруг Всевышний проявил коварство –
Из скромной тучки брызнул мелкий дождь,
И полностью промокло государство.

АМСТЕРДАМУ

Амстердам – особый город,
Европейское окно.
Ты возвел кварталы гордо,
Суша, море – все одно!

Ты не зря попал в анналы
Книг, гравюр, картин и саг.
Амстердамские каналы
И с российским схожий флаг.

Был нам в море старшим братом,
Вспоминаешь здесь о том:
Петр – великий реформатор,
Шлюп сработал топором.

Амстердам. Любые кланы
Утверждают здесь статут.
Тут косяк с марихуаной
Вам легально подадут.

Наблюдаешь не напрасно
Рой, смешенье языков.
Здесь найдешь в Квартале Красном
Дам со всех материков.

В окнах – кротость и бравада,
Но, заметить мы должны:
Посещать квартал сей надо
Всё же лучше без жены.

Будто гончая по следу,
Ты идешь под взглядом дам ...

Я к тебе еще приеду,
Либеральный Амстердам!

Моисей БОРОДА

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес и вновь увидел мир,
Который он, осмеянный, покинул,
Чтоб позже возродиться как кумир
Для тех же, кто тогда его отринул.

И вновь, как встарь, Пилат ему сказал:
Увы, пришлец! Я умываю руки!
Ты слышал сам – народ ко мне воззвал:
«Распни его! На смерть его! На муки!».

Кто ты для них? И что им – твой венец?
Ты нес им свет? Но свет им не по нраву.
В твоём начале был уж твой конец.
И вот – тебя меняют на Варавву.

Кто им Варавва? Он – один из них.
Разбойник? Что ж: зато в нём все понятно.
Ну, что, пришлец, ты так внезапно стих?
Не понимаешь? Говорю невнятно?

Пойми: им – жить! По мелкому греша,
Давя других, склоняясь ниц пред властью.
А надо – так ломая и круша
Все, что лежит на их пути к их счастью.

Для них в вино ты воду превращал, –
Они тогда тебе рукоплескали, –
И Лазаря из мертвых воскрешал.
И что? Не те ж сейчас «Распни!» орали?

Не те? Другие? Что ж, пусть будет так.
Но ведь другим-то имя – легионы!
И только очарованный простак
Не видит зла, своей мечтой плененный.

Ты их простил? За что же их прощать?
Как всякий раб – завистливы, продажны.
Тебя предали? Предадут опять!
Да будь ты Бог – и это им не важно...

А-а, истина! Где ж им ее искать?
А впрочем, если и найдут – так что же?
К чему б им ложь на правду вдруг менять?
Не вышло бы в конце – себе дороже.

И что есть грех, ты странный человек?
Не есть ли он – от жизни отказаться?
В погоне за мечтой, ей посвятить свой век –
И, может быть, обманутым остаться.

А я? Что – я? Почти от плоти их,
Моей судьбой над ними вознесенный.
И вместе – раб, зависимый от них.
И может больше, чем они стесненный.

А ты-то сам... Не ты ли говорил:
«Иди за мной! Я – свет! Спасенье близко!».
По счастью, ты немногих соблазнил –
Нам жить верней во мраке истин низких.

Мне? Отпустить – тебя?! Освободить?!
Ты слышишь рев – там, за дворца стеною?
Нет, свету тьму навряд ли победить...
Мне жаль тебя. Да, жаль, того не скрою...

Но мне пора. Меня уж ждут дела.
Ты видел: я спасти тебя старался.
Да вот – не вышло. Видно, подвела
Тебя звезда твоя, а то б ты жить остался.

А там – кто знает? Может... может быть,
Повел бы нас к сияющему Храму...
Но поздно – уж судьба перерезает нить.
И смерть глядит тебе в лицо упрямо.

Прощай же, неприкаянный пришлец,
Вместилище надежд, мечты, наитий!
Мне путь назад, в холодный мой дворец.
Тебе ж – на крест. – Эй, стража, уведите!

Надежда ВОТИНЦЕВА

ШАТРОВЫЙ ХРАМ

Венчая живописную вершину,
Возвысившись на острове святом,
Никольский скит, подобно исполину,
Застыл на небосводе голубом.
Шатровый храм стоит так одиноко!
Сверкает золотым куполом во тьме
У входа в бухту Ладоги глубокой,
Красуется в туманной тишине.
Священный уголок земного рая,
Где вековые сосны до небес,
И плещут волны, скалы омывая,
У пристани стоит поклонный крест.
Мох стелется широкими коврами,
Гармония присутствует во всем,
Порой земли не чувствуешь ногами,
На время забываешь о былом.
Душа найдет здесь полную свободу,
Приобретая веру и покой,
И, вдохновившись дивною природой,
Частичку счастья унесет с собой!

Марина РЕШЕТОВА

ПРОЩАЙ

Я прекращаю это действие, обрываю –
Закончился, изжился мой роман.
Перечеркнув былое, забываю
Любовь, что так похожа на обман.

Я все оставляю в прошлом – надоело
И каждый день с иллюзией вставать,
И свою жизнь раскрашивая белым,
Тебя как символ жизни рисовать.

Моя любовь на дно души упала,
А слезы вновь разлиться норовят,
Но, кажется, я очень сильной стала –
Мне люди это часто говорят.

Тебя забуду, кажется что странно...
И мне бы никогда не вспоминать
Былого счастья выжженные раны,
Которым очень долго заживать.

Теперь я стала легкой и свободной,
Раз потерять смогла – смогу найти.
Прощай и уходи куда угодно –
У нас с тобой различные пути.

Срываю нити оплетавшие запястья
И сердце затянувшие мое.
Прощай. Желаю тебе счастья.
Все кончилось. Мы больше не вдвоем.

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Чужое счастье – зависти предлог,
И подлости, и дикой мести жажда.
Я эти чувства видела однажды,
Переступая совести порог.

Перетерпеть обиду не смогу,
И будто бы какая-то задача,
Назад не отступая и не плача
Подножку ставить своему врагу.

Я не плохая, просто человек,
Я женщина – люблю, надеюсь, верю.
Я странный мир другим аршином мерю,
За своим счастьем ускоряя бег.

Но вот чужое счастье, что порой
Построено на чьей-нибудь обиде,
Такое счастье – в самом пошлом виде,
Нечестной стоит обозвать игрой.

Хороших нет людей и нет плохих,
Но каждый шаг имеет шаг ответный.
А истина единая бессмертна –
Добра не будет на слезах других.

Я вижу суть, не вижу одного –
Сна. Не уснуть. Да что это такое!
Чужое счастье не дает покоя –
Оно ценою счастья моего.

НИ СЛОВА БОЛЬШЕ И НИ ВЗГЛЯДА

Ни слова больше и ни взгляда
Друг другу нам не подарить,
Мы никогда не будем рядом –
Былое вновь не сотворить.

Шаги, но не тебе навстречу,
Ни писем, ни звонков не жду.
Все говорят что время лечит,
Обиды гонит и вражду.

Начать сначала не надеюсь,
И я не стану отрицать –
Я завтра не тобой согреюсь
И не тебя мне целовать.

И не тебе мне больше верить,
Когда захочешь говорить,
Другого ласкою лелеять
И за любовь благодарить.

Заснуть с другим и просыпаться,
И чтобы как мечтала я –
Счастливой быть, а не казаться,
Что будто бы счастливая.

Ни взгляда больше и ни слова!
А всё что было – позади.
И сердце затрепещет снова
Не по тебе в моей груди.

Тебя не буду звать в мольбе,
И я теперь сказать так рада:
«Любовь другому, а тебе
Ни слова больше и ни взгляда».

Галина ТАЛАНОВА

Равнодушная катит река –
Год за годом
Плывут пароходы.
Устает, затекает рука,
Сияясь ветки пригнуть с небосвода.
Их ломает от сочных плодов,
Что увидело цепкое око.
Где те ветки, что ниже голов,
Где июль, где не столь одиноко?
Я все та же:
Еще молода.
Я не верю, что солнце – к закату...
Каждый год – возвращаюсь сюда,
Только годы идут без возврата.
Смело яблони в небо растут,
Оплетая веранду ветвями.
Облаков оживает лоскут,
Словно парус, надутый ветрами.
Лишь за кромку озер унесло
Столько близких, стоявших стеною.
Под верандою сгнило весло
От воды, подкатившей весною...

Город расплавленным душил асфальтом
И невозможностью в смоге летать.
Птица проделала в воздухе сальто,
Начали нервно крыла трепетать.
На небоскреб налетела с размаху,
Брошенным камнем на землю легла,
Оба крыла положила на плаху –
Там, где сгущалась от выхлопов мгла.

Так быстро молодость прошла!
Так незаметно усвистела!
Самой себе теперь смешна,
Что так счастливой быть хотела.
Все тот же воздух
И тоска.
И сосны вечно зеленеют.
И горстку серого песка
Все между пальцев руки веют,
Пересыпают...
Ноги – мнут...
Как по доске стиральной бродишь,
И с пятки – кожи стерт лоскут –
И боль унять к воде уходишь.
Вода былая утекла:
И ты в другой остудишь ноги.
Все изумрудней, глубже мгла,
Все незаметнее тревоги.

Дым ест глаза,
Сгущаясь над водою...
И, как в тумане, растворился луг.
Тебя не вижу...
Брежу вновь строкою,
Сплетаю вязь,
Как труженик-паук.
Горят дома.
Все гуще дым пожара.
И ничего нельзя остановить.
Стрекозы, одуревши от угара,
Спускаются на озеро попить.
Горят леса.
Огонь прибит грозюю.
Но в двух шагах не вижу ничего.
И промываю глаз своей слезою.
И понимаю: не сказать всего.
Как ни плети из строчек паутину –
В нее не попадетсЯ важный шмель.
Не проявить знакомую картину,
Сгущаются предчувствия потерь.

Тоска подкралась, будто кошка:
О сердце трется,
Шерсть столбом.
Но дым от печки не взовьется.
Наполнен им остывший дом,
Все вспоминаю о котором,
Но нету в нем того огня,
Чтоб прошлогодних листьев ворох
Поджечь,
Себя за все вина.

Заел конвейер быта и труда.
Здесь изменить немного мы в силах.
Манила недоступностью звезда.
Зачем мерцала для таких бескрылых?
Был омут неба озера черней,
Что отражало звезды, их качая.
Кувшинки, как головки тонких змей,
В оцепененье чутком замирая,
Так охраняли отраженье то! –
Не погрузить его в ковши ладоней.
...Моя звезда, кажись мне золотой,
Пока лицом не выцветешь в бездолье!

...Усталость, служба, ссоры, суета.
Назад не тянет даже оглянуться.
В затылок смотрит олово-звезда.
И, как от пули, хочется пригнуться.

Бессмысленно руки устало тянуть –
Чужую звезду никогда не приблизить.
Рассыпаны по небу звезды, как ртуть,
Что капельки яда –
Не надо бы видеть.
Мерцают холодной своей белизной,
В июльской ночи, как роса, испаряясь.
Вновь мир поражает своей кривизной,
И та кривизна так близка нам – на зависть!
И все-таки мы отразились не так,
И снова не поняли близкую душу.
И луч от звезды прячем в потный кулак,
Боясь, что вдруг выскользнет мигом наружу.

ССОРА

Нажал на газ.
Дорога – скатерть.
Жмет на педаль,
Что было сил,
Он в ссоре голос весь истратил,
Но, бросив спичку, не спалил
Весь дом...
И сам остался целым,
Но душил ревность, темный зверь.
Лицо – все выбелено мелом,
Слаб крик,
Что вышвырнут за дверь.
Все беспричинно, странно, быстро,
Как сон нетрезвого ума.
Бензином налита канистра,
Пока в душе сгущалась тьма.
Довел он ревность до экстаза.
Пока ж – по наледи шоссе
Летит,
Прибавив столько газа,
Что все на встречной полосе
В испуге жмутся нервно к краю.
А он летит,
Не чуя рук,
Как будто гонит волчью стаю,
Что воет на высокий сук,
Держащий фосфорное блюдо
Луны,
Разлившей мертвый свет.
И сердце ждет, ослепнув, чуда,
Пока не хлынет в ночь рассвет.

Показалось:
Выловил звезду,
Воду зачерпнув ковшом ладоней,
Побывав в горячечном бреду
В безмятежном заспанном затоне.
Показалось:
В жизни будет свет –
Ровный, ослепляющий, бездонный,
Проявивший женский силуэт
В жизни,
Где недостаток выпал скромный.
Показалось,
Что звезде мерцать
Даже в неприкаянности быта,
Чтоб тихонько счастьем обрастать,
Позабить разбитое корыто.
Думалось,
Что можно зарядить
Жизни бег,
Как фосфорные стрелки.
Только надо
Сильно полюбить,
А не думать об обычной грелке.

Воду к дому бережно донес –
Не ушла меж пальцев по дороге.
Лишь звезда оплавилась, как воск –
Долго он топтался на пороге.

Было лето нещадно щедрó.
Пах асфальтом и плавился город.
От добра вновь искал он добро,
Был душою по-прежнему молод.
Как капустаница,
Белый волан
Над землею порхал от ракеток.
Груз страстей запирался в чулан.
Шевелились листочки средь веток –
То вот этот, а то вот – другой...
Шевеление это страшило:
Куст как будто был весь неживой,
Шевельнуть веткой не было силы.
Шевеленье безвольным листком,
Задышавшим вдруг жизнью отдельной,
Словно ветер подкрался ползком,
Разрушая мир полный и цельный.
И хотелось летать, как волан,
Отражаясь от сетки упрямо,
И не помнить, что лет караван,
Все идет по пескам окаянным.
Он смотрел на парящий волан,
Отбивая ракеткой подачу,
А в душе назревал ураган,
Что сметет жизнь любимой в придачу.

Идет полоса раздраженья –
Я снова в себя ухожу.
С тобою мои отношенья
Пришли к своему рубежу.
Закрою ракушечьи створки,
Зароюсь у берега в ил.
Шиповник зацвел на пригорке,
Что время на осень – забыл.
Забыл,
Что придется сурово
На землю ронять лепестки.
Безудержным цветом, махрово
Цветет...
И дожди столь близки,
Пойдут, чередуясь со снегом,
А после ударит мороз.
...Потом – с переменным успехом! –
Решать будем вечный вопрос.
Зачем полоса раздраженья –
Идет и идет на меня?
С тобою мои отношенья
Отчетливей день ото дня.

Скрипят разошедшиеся доски –
Качает, словно на волнах.
По пояс в ил вросли подмости,
А сердце сковывает страх.
Оно стучит,
Как бы по шпалам,
Вильнуть пытаюсь под откос...
Оса своим медовым жалом
Целует мне ладонь взасос,
Кружит над дрогнувшей рукою,
К которой тянешь ты ладонь...
Чем сердце нынче успокою? –
Тем, что почувствую огонь
Твоей протянутой ладони,
Игру искрящихся зрачков.
Настил –
И рухнув, не утонет
В нагроможденье облаков.

Осыпается грунт под ногами.
Волны дюн,
Сплюшь зыбучий песок.
И за воздух хватаясь руками,
Ищешь взглядом мираж тех дорог,
По которым так в юности бредил,
И казалось: уж даже нашел.
Ветер дунул – и мир обесцветил.
Лишь песчаная буря, как шелк,
Липнет к телу
И ластится грозно.
И не видишь дороги назад.
Иногда возвращаться не поздно.
И бредешь сквозь песок наугад.

Разминулись в юности далекой:
Мимо счастья
Крылья пронесли...
Взгляд, зарытый в памяти глубокой,
Вырастает, как из-под земли,
Словно гриб, –
Вчера был мох ворсистый,
А сегодня – вырвался из пут.
Иногда случается все быстро –
И хватает нескольких минут,
Чтоб понять,
Что можно жить сначала,
Зачеркнув, все заново начать.
В лодке, что ржавеет у причала,
Стеклотканью дыры залатать.
Наплевать на то,
Что нету весел,
Что у речки – глинистое дно...
В жизни не бывает много весен,
Но не все судьбой предрешено.
Пусть не будет осень золотою,
Но хотя бы не было снегов.
От тебя морщины вряд ли скрою,
Обещая лучший из миров,
Ставши беззащитной стрекозою,
Что пропела лето все в лугах
И парить могла перед грозой,
Радугу предвидя в облаках.

Пришла весна,
Но нынче не твоя.
Губами ловишь этот талый воздух.
Опасны крыш заросшие края
Сосульками,
Взращенными на водах.
Сосульки
Ловишь прямо на лету:
Обрубят жизнь –
Ты не моргнешь и глазом.
Летят сосульки, портя высоту,
По воздуху,
Отравленному газом.
Но ловят лица ветер перемен,
Что освежает их струею влаги.
Я не ищу теперь – любви взамен, –
Разорванной,
Как смятый лист бумаги, –
Любовь другую...
Ноги приросли
К колдобинам худеющего наста.
Не отрываться больше от земли!
Но сердце бьется
Часто, часто, часто...
И выпрыгнуть,
Как птица, норовит,
Чтоб возвратиться на бесцветье веток,
Где вить гнездо
Ей жизнь сама велит,
А защитит от «хищных»
Шелест лета.

Мне больше нечего сказать:
Две разошедшиеся льдины.
И руку, если и подать,
То не изменит суть картины,
Где вскрылась черная вода,
Что пузырится бурой пеной
И нас разносит навсегда,
Просвет все ширя постепенно.
Да. Так бывает...
Все росло
В нас напряжение и зрело...
Тебя куда-то понесло,
Меня бессмысленно задело.
Теперь две льдины в тишине
Разносит резвою водою.
И коршун рыщет в вышине:
Не промелькнет ли в тьме живое?
Но только пенится река,
И льды идут своей дорогой.
И опускается рука.
...И остаешься недотрогой.

Ольга ЛИДКЕ

ЗИМА

Кружится зима снегопадом
Средь пышных сосновых ветвей,
Проходит холодным парадом
Студеный суровый борей.

Зима балагурит метелью,
Дарящей трескучий мороз,
Снежинки резной канителью
Бодрят до радостных слез.

Какая детишкам отрада
В трескучий январский мороз
Слепить себе снежную бабу,
Приделав морковину-нос.

Чтоб бабе не холодно было
Ведро нахлобучат на лоб,
А чтобы совсем не застыла –
Поставят в пушистый сугроб.

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

На березках нынче всюду
Серебрится паутина,
Осени я не забуду
Золотую середину...

Зорька свежая вставала.
Листья, падая, кружились,
Под ногами увядая,
И почти с землей сроднились.

Ивушка стоит на склоне.
Ветви опустила низко
И качается в поклоне.
А зима уж близко-близко.

Утро девицей румяной
Встретит пору золотую,
Паутиной серебряной
Напрядет кудель седую.

Все в природе увядает.
Журавли взлетают клином...
А у осени сгорает
Золотая середина.

Елена ЯХНЕНКО

ИРОНИЧНЫЕ СТИХИ

НЕ СЛОЖИЛОСЬ

Вновь ни ответа, ни привета
И не спешат другие времена,
И впереди не вижу света,
И понимаю: не нужна!

С какой надеждой я писала,
Воздав достоинствам своим,
Но, видно, этого так мало
И взор ты обратил к другим.

Надежда тихо умирает,
Уже не будет встречи дня.
Ведь сердце чувствует и знает,
Что ты не выберешь меня.

О чем мечталось – не сложилось
И жизнь опять в туманной мгле...
Да черт с тобой, *работодатель*,
Чай не последний на земле.

О СЕБЕ

Ах, я такая разная:
Счастливая – несчастная,
Богатая и бедная,
Послушная и вредная.
Безумная влюбленная,
До неба вознесенная,
И брошенная женщина,
Что болью оголенная.
Влюбляюсь и страдаю,
Живу и погибаю.

Я разная такая:
То добрая, то злая,
Простая, но и сложная,
Беспечно осторожная,
Порой правдиво ложная,
Приятно невозможная –
Вся противоположная.
Безудержно манящая
И сдержанно дарящая.
То смуглая, то белая,
Совсем не загорелая.
Цветущая и вялая,
Вся от забот усталая.
То быстрая как молния,
То черепаха сонная.
Взлетаю да и падаю,
То к раю, а то к аду я.

*Но неизменность
Трижды мне дана:
Я женщина
Я мама,
Я жена.*

ИЗ ЦИКЛА «МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ»

ПЛЕВОК ПРОТИВ ВЕТРА

Как я хотел попасть в Париж
И плюнуть с Эйфелевой башни,
Чтоб город сразу же поник
И не крутил с туристом шашни.

А то сверкает и блестит,
И льет шампанское рекою,
Чарует, душу бередит
И манит, манит за собою.

Увы, в кармане ни-фи-га
И жизнь, кажись, проходит даром.
Над Сеной светится Париж
И чувствуешь себя клошаром...

Да, я в Париже, Боже мой!
Увидел город в стиле «ретро»
И плюнул с башни, но плевков тот
Оказался против ветра.

МУЗА НА СОБЕСЕДОВАНИИ...

Поэт:

«Хочу найти такую Музу,
Чтоб не была Творцу обузой.
Чтоб не пила и не курила,
И на французском говорила.
Да, чтоб не только вдохновляла,
Но и в быту мне помогала:
Могла готовить, убрать,
И если надо – постирать;
Покупки сделать за свой счет,
Чтоб мой обрадовать живот;
Свозить на отдых, на Ибицу,
Чтобы Поэт мог вдохновиться!
И не мешать, немедля скрыться,
Коль захочу я насладиться
Любовью женщин и вином...
И не стыдить меня потом».

Но Муза лишь взглянула хмуро:

«Поэт, по-твоему, я дура?».

Ольга РАВЧЕНКО

ПЕРЕВОДЫ

ОТЖИВШИЙ ФЛЮГЕР

Стойким сердцем отмечен флюгер
в книге у времени.
(Между двух страниц:
между землею и небом).

Отболев, распластался
на литере старых крыш.
Музыкальным цветком башни,
луною ветров
покидает древо креста,
роняя свои лепестки,
чтоб упасть на холод могильных плит
на съедение дикой горчице
перекрестного эха.

Ты лежишь под акацией.
Помни о смерти!
Не могло твое сердце стучать,
потому что ты был железным...

Но собою владел:
довольствуйся этим!
Опускайся ко дну
под зеленую жирную землю
в поисках огненной славы,
даже если издали позовут тебя
грустные башни
и услышишь не флюгеры –
крики твоих друзей.
Утопай
в зеленоватом сукне
своего ложа.
Ни монахиня в белом,
ни страж,
ни луна на ущербе,
ни в небе Венера,
ни рассеянный пономарь
монастырский
не вспомнят твои леденящие душу крики.
Прячься глубже,
иначе тебя увезут
старьевщики.
Если б мог я
отдать тебе друга –
свое сердце,
такое неверное!

Федерико Гарсия Лорка (Мадрид), декабрь 1920

ЦИКАДА!

Марии Луизе

Цикада!
Счастливая ты!
На ложе земном умираешь,
упившись светом.

От нив и дубрав
ты знаешь секрет жизни.
Откровеньем в тебе –
сказка старенькой феи,
внимавшей рождению травы.

Цикада!
Счастливая ты!
Умираешь под кровью
сплошь голубого сердца.
Свет –
суть Бог, снисходящий на землю,
а солнце –
его пропустившая брешь.

Цикада!
Счастливая ты!
В агонии чувствуешь всю
значимость неба.

Все живое, входящее в смерти врата,
идет, поникнув главою.
В забыты.
С мыслью-речью. Беззвучно...
Скорбно кутаясь в тишину –
мантию смерти.

Только ты,
зачарованная цикада,
источая звук, умираешь,
преображённая Богом
в свет небес и звучание.

Цикада!
Счастливая ты!
Тебя кутает в свою мантию
сам
Дух Святой: свет.

Над полями уснувшими
ты слывешь
с предвечных времен
полнозвучной звездой,
подругой лягушек
и темных сверчков.
Твои золотые гробницы –
в лучах колыбельной
солнца ветров.

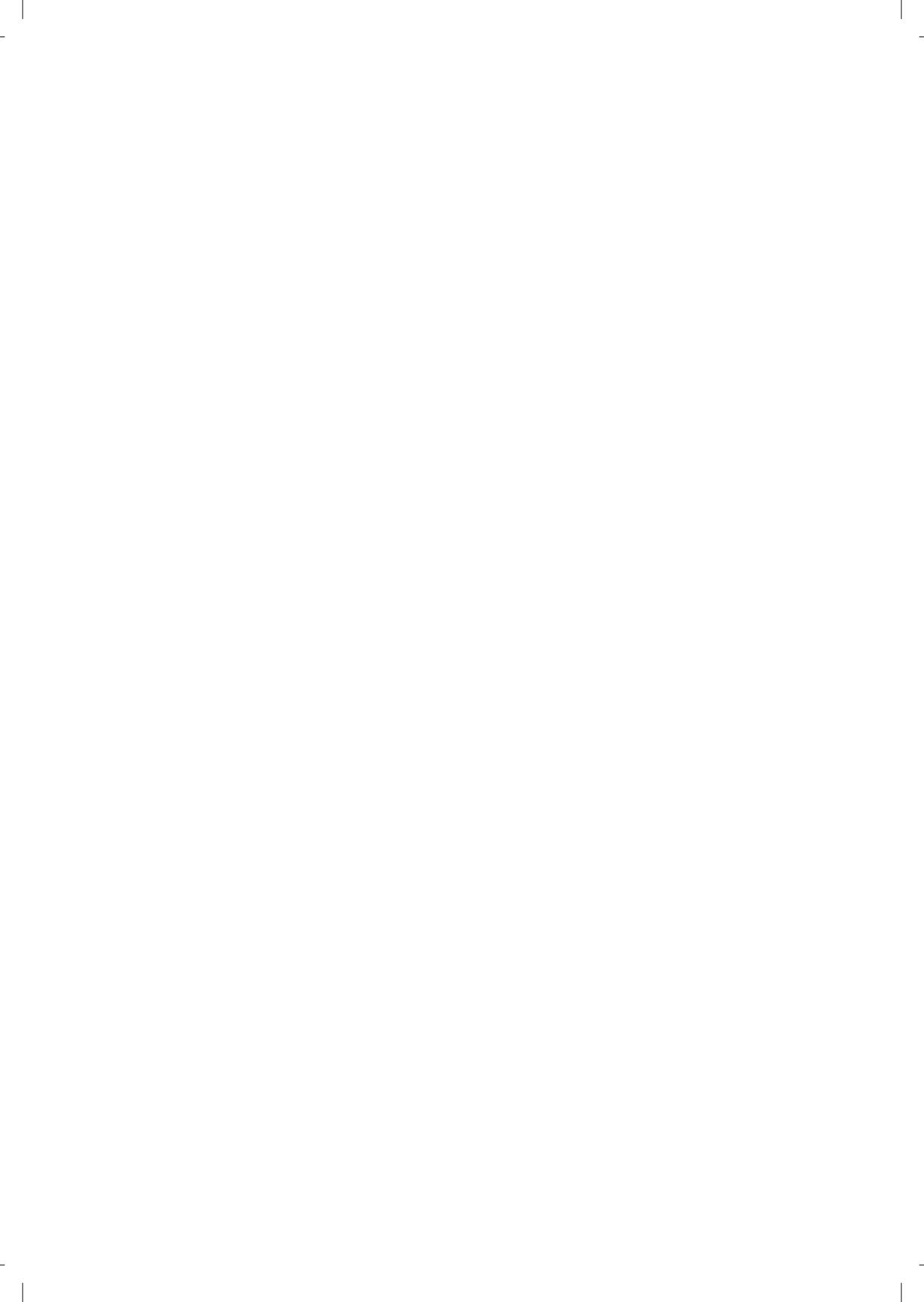
Оно нежно ранит тебя
крепостью Лета
и уносит с собой твою душу,
чтоб обратить ее в свет.

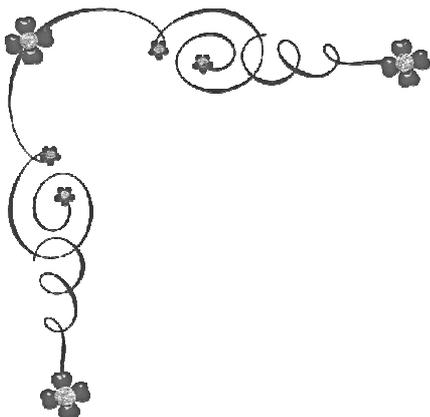
Обернись, мое сердце,
цикадой над божьими нивами
и умри
клейким пением раненым
в ясном небе,
а когда ты испустишь дух,
пусть предсказанная мною женщина
разбросает тебя в пыли
своими руками.

Превращайся на поле, кровь,
в розоватый мягкий суглинок,
и крестьяне усталые пусть
в тебя вонзают мотыги!

Цикада!
Счастливая ты!
Тебя ранит незримыми шпагами
небо!

Фуэнтэ Вакерос (Гранада), 3 августа 1918

Иван АНТОНИ

РЖА

Мы встретились, как было условлено, в городском парке и, найдя свободную скамью, удобно расположились на ней. Разговор зашел об аусзидлерских проблемах (аусзидлер – немец, эмигрировавший в Германию из республик бывшего Советского Союза): сетовали на трудности, ругали кого-то, предлагали что-то. Все как обычно.

Я раскрыл книгу и предложил послушать небольшой рассказ, прочитанный мной три дня назад и вызвавший бурное негодование в связи с фальсификацией событий, описанных в нем. Вместе с тем он породил и сомнения в правомерности моего протеста. Эта неопределенность навязчиво преследовала меня, и для ее разрешения я намеревался воспользоваться мнением друзей, считая, что коллегиальность – лучший способ решения спорных вопросов, требующих конкретного ответа. Словом, опираясь на моих земляков, я хотел утвердиться в одном из двух взаимоисключающих мнений.

Речь в рассказе шла о событиях, происходивших более полувека назад, а именно, о бесчинствах фашистов, вторгшихся на территорию Советского Союза. Тема, в общем-то, основательно избитая и до дыр затертая не одним поколением советских писателей. Так вот, когда героя рассказа, израненного и измученного, фашисты загнали в конюшню, там он увидел страшную картину: на полу лежали дети, ручки которых были прибиты к полу ржавыми гвоздями, а на

лицах несчастных жертв зверской расправы застыл ужас и боль от невыносимых страданий. Я прочел рассказ и задал вопрос: могли ли фашисты действительно так жестоко надругаться над детьми? Другими словами: правдоподобна ли картина изуверства?

Мнения слушателей разделились. Первый, для определенности назовем его «убежденный антифашист», сказал, что от этих гадов всего можно ожидать. И хотя расправа описана в художественной, а не в документальной форме, то есть, описанная картина есть плод фантазии писателя, она вполне могла быть в действительности. В подтверждение своего мнения он сослался на прочитанные в детстве рассказы, в которых писалось, что фашисты вырезали на спинах красноармейцев звезды, а с военнопленных сдирали кожу и делали из нее дамские сумочки, перчатки и абажуры. Так что, заключил он, рассказ правдоподобен. А если этого не было, то все равно, так фашистам и надо! Вообще, про них следует как можно чаще писать всякие гадости, чтобы люди их ненавидели и не поддерживали бы неофашистские партии на выборах!

Второй слушатель, назовем его «циничный реалист», высказался отрицательно. Он не стал приводить примеры из книг, прочитанных им, как и «антифашистом», тоже в далеком детстве, считая, что названные рассказы, возможно, были написаны по заказу руководителей страны. Цель этих произведений – вызвать в людях непримиримую ненависть к фашистам, что в Советском Союзе было адекватно патриотизму и любви к социалистической Родине. Ярким примером подобных произведений является печально известная статья-обращение «Убей немца». Она вызвала у советского народа ненависть ко всем немцам и трагически отразилась на судьбах российских немцев, их сограждан.

Что касается рассказа в целом, то он назвал его эхом отгремевших баталий заказных советских писак, соревновавшихся друг

с другом в измышлениях о зверствах фашистов. О картине же истязания детей отозвался как о пошлой бессмыслице, рожденной больной фантазией автора. Он читал в детстве о том, что в концлагерях брали кровь у детей для переливания раненым солдатам вермахта. Но это дело, хотя и позорное для цивилизованных людей, можно еще как-то объяснить практическим назначением акции. А вот для чего нужны были изуверства, описанные в рассказе, он не понимает и потому считает ложью, не делающей чести автору произведения.

«Антифашист» принялся с пеной у рта возражать ему, но «реалист» твердо стоял на своем мнении, и мирная дискуссия быстро переросла в яростную перепалку сторон. Чтобы охладить эмоции оппонентов, забывших приличие, наклеивая оскорбительные ярлыки друг на друга, я задал им второй, более простой вопрос: возможно ли в конюшне прибить руки к полу? Спорщики мгновенно прекратили бурную перепалку и недоуменно переглянулись: что за странный вопрос? Почему же нет? Конечно возможно! Тогда я, родившийся в деревне и потому хорошо знавший устройство конюшен, заметил, что никаких полов в конюшнях нет. Лошади в конюшне стоят на земле.

«Антифашист», в сердцах сплюнув в сторону, презрительно обозвал меня «дер-ревней». Но я сделал вид, что не расслышал. Желая все же непременно победить в споре, «антифашист» стал лихорадочно искать выход и, представьте себе, нашел! Он сказал, что длинными гвоздями прибить руки к земле возможно (надо отдать должное сообразительности оппонента!). Очень длинными, конечно. Не известно, к тому же, как фашисты мучили детей перед смертью. Может быть, замучили их, а потом хладнокровно прибили ручки к земле. Эти гады на все способны!

– Для чего же в конюшне длинные гвозди? – удивленно спросил я.

– Ну, ... вешать хомуты ... веревки там разные ... – сбрую в общем.

– Их нельзя вешать в конюшне, – решительно заявил я, – потому что в ней влажно! Сбруя начнет преть и сгниет! Вешают ее в сухом помещении и не на гвозди, а на толстые деревянные штыри, вбитые в стену.

– Ну, может быть, они просто так были забиты!

– Крестьяне просто так ничего не делают, все только по необходимости! К тому же гвозди всегда были большим дефицитом. Забивать их просто так было бы непростительной бесхозяйственностью!

«Реалист» не вмешивался в полемику; и так ясно, что оппонент просто изворачивается, настаивая на своем мнении «из принципа». Однако, задетый за живое «антифашист», пытался все же найти выход. Очень уж ему не хотелось быть побежденным.

– Ну, значит, фашисты заперли детей в конюшне и пошли искать гвозди!

– Ржавые гвозди, – уточнил я, сославшись на текст рассказа, – которые надо было откуда-то вытащить, а потом еще и выпрямить, потому что прямыми они не вытаскиваются. Значит, ты считаешь, что фашисты носили с собой в рюкзаках гвоздодеры и молотки? ... Или связки ржавых гвоздей и молотки?

«Антифашист», недовольно насупившись, молчал. Я выдержал небольшую паузу и задал последний вопрос:

– Скажите, а кому-нибудь из вас приходилось хоть раз в жизни видеть застывший ужас и боль от невыносимых страданий на лицах мертвецов?

Собеседники удивленно уставились на меня.

– Должен сказать, что мне приходилось видеть синюшные лица угоревших, утопленников и повешенных людей, конечно же, мучившихся перед смертью. Видел я и лица умерших «нормально»,

так сказать, в теплой постели. Но ни разу не видел гримасы ужаса и боли! Это потому, полагаю, что с наступлением смерти все мышцы тела, в том числе и мышцы лица, расслабляются, и лицо приобретает выражение упокоенное и отрешенное.

– К чему это ты? – вяло переспросил «антифашист»; он не желал продолжения разговора, в котором ему не удалось доказать свою правоту.

– А к тому, что все описанное в данной сцене рассказа – сплошная ложь! Если бы фашистам хотелось смерти детей, то они бы просто перестреляли их, и дело с концом! В крайнем случае, загнали бы в конюшню и сожгли вместе с ней, как об этом неоднократно писалось в литературе военных и первых послевоенных лет. Но не стали бы заниматься поиском, выпрямлением и забиванием в ручки детей ржавых гвоздей!

– По-твоему, было бы лучше, если бы фашисты сожгли детей?

– Я этого не говорил! Нет, конечно, нисколько не лучше! И первое, и второе – позор для цивилизованных людей! Но ответьте мне: для чего автору нужно было городить эту галиматью с прибитыми детскими ручками?

«Антифашист» неопределенно пожал плечами. Захотелось, мол, вот и написал. На то ведь и художественная литература! Пиши, что хочешь!

В разговор вмешался «реалист».

– Я думаю, дело здесь в том, что все мыслимые методы зверских убийств были уже описаны предшественниками нашего писателя и не вызвали бы у читателя должных эмоций, начини он повторять кем-то уже написанное. А ему непременно нужны были эмоции, ненависть к фашистам, вот он и придумал эту изуверскую сцену.

Только по недомыслию своему описал неосуществимое изуверство.

Высказав свое предположение, «реалист» вдруг удивленно хмыкнул, в глазах у него заплясали чертики, а по лицу расплылась восхищенно-ехидная улыбка:

– Мужики! А ведь своего он добился! Пролез-таки в книгу молодых дарований! Выжал слезу из глаз редактора, вызвал сострадание к зверски замученным детишкам и ненависть к проклятым фашистам пробудил! И растроганный до глубины души редактор поместил лживый рассказ в книгу! Теперь, наверное, наш писатель, наше молодое далеко идущее дарование, окрыленный успехом, ломает голову над изобретением новых сцен ужасных убийств, ибо во второй раз над описанной им однажды картиной зверств рыдать никто не станет! Старо! Новое подавай! Круче прежнего!

– Но вызвал же он ненависть к фашистам? – ухватился за спасительную мысль «антифашист». – Значит, есть все же польза от его рассказа?

«Реалист» кисло улыбнулся и с сожалением посмотрел на него.

– Думаешь, мы одни такие умники? Одни мы догадались о лжи? Найдутся и другие! А разные неонацисты используют этот рассказ в качестве доказательства, что все, мол, написанное о том времени – ложь! Что хорошие, мол, были фашисты! Их просто оклеветали! Это ты называешь пользой?

«Антифашист» окончательно сник. Даже жалко его стало.

Я утвердился во мнении о недопустимости опубликования заведомой лжи, даже если это делается из благих намерений, и решил сменить тему разговора. Все же сегодня воскресенье, выходной день, завтра на работу; надо бы отдыхать, а не расстраиваться. Но «реалист» решил, видимо, сделать что-то вроде обобщения дискуссии.

– И вообще, можно ли граждан Германии, участников этой войны, всех поголовно считать фашистами в том смысле, что все они были изуверами и так далее? Можно ли позорный ярлык «фашист» клеить на всех?

– Могли бы не идти на службу к фашистам, вот и не были бы фашистами, – пробурчал недовольным тоном «антифашист».

– А куда же они, по-твоему, должны были идти? Или ты думаешь, в Германии было иначе, чем в Советском Союзе? И здесь, и там выбор был невелик: либо ты берешь оружие и идешь убивать, либо отказываешься брать его, и тогда тебя отправляют в концлагерь.

– Не пойму, к чему ты клонишь? – пробурчал «антифашист».

– А к тому, что не надо всех под одну гребенку стричь! Не надо создавать жупел кровожадного врага! Убежден, что мало было тех, кто упражнялся в изуверствах над противником. Солдаты вермахта проливали кровь так же, как и советские солдаты, были таким же пушечным мясом в руках правителей государства, соломой, горевшей в огне войны. Это писатели представили нам, будто враги – изуверы, а наши воины – всегда освободители! Что же касается автора рассказа, ему я так сказал бы: бесстрашно плевать на мертвого льва и пинать его ногами, зная, что ничем не рискуешь – не красит «храбреца»!

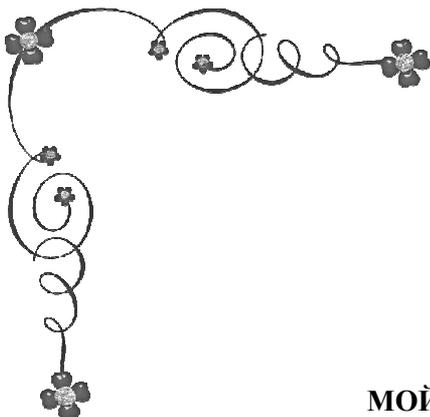
Помолчав немного, закончил:

– Вообще, какой-то застарелой ржой несет от «реализма» рассказа, как будто бы ничего не изменилось в России за прошедшие после войны годы. Как и прежде приторным елеем льется хвала мудрому руководству страны, верной дорогой ведущего нас ... И это – вопреки реалиям жизни!

Солнце скрылось за холмом, и вечерняя прохлада перешла в сырость. Поеживаясь, мы собрали вещи и отправились по домам. Надо с вечера приготовиться к работе.

Хорошо! Хорошо, что к работе, а не к бою!

Раиса ШИЛЛИМАТ

МОЙ ВАВИЛОН

Сегодня начало нового полугодия – я вхожу первый раз в класс. Негромкий разноязыкий гомон. Передо мной очередной Вавилон в миниатюре – мой Вавилон: белые, черные, желтые лица. Молодые, не очень молодые, и совсем даже не молодые. В классе чувствуется легкое напряжение: в глазах у одних легкая тревога, у других ироническая усмешка, у третьих показное безразличие.

Своих, имевших еще не так давно один адрес на всех, вижу сразу. Даже если они еще не произнесли ни слова. Надо сказать, что этот феномен отмечают все наши, живущие здесь, в Германии – мы узнаем друг друга в любой толпе с первого взгляда. Меня, естественно, тоже узнают – сразу начинают шептаться, но вовсе не от радости: сквозит скепсис и недоверие. Мне знаком ход их мыслей: это что ж такое получается? Ехали за тридевять земель, и вот – приехали! Пришли учиться, ждали учителя – носителя языка, чтобы припасть, так сказать, к первоисточнику, а тут – на тебе! Чему она может нас научить? Мне остается только улыбнуться про себя – в моей педагогической практике это не первые соотечественники.

Овладеть немецким языком для людей, давно уже вышедших из детского возраста, да к тому же, если еще и преподавание ведется на том же языке – это даже не один пуд соли съесть, а много больше, к тому же соли, перемешанной пополам с перцем. Вот здесь-то,

даже для тех, кто очень способен к языкам, и начинается хождение по мукам. Недавно одна моя ученица из российских немцев, совершенно отчаявшаяся постичь язык своих предков (и вовсе не из-за лени), в ответ на упреки сотрудника немецкого социального ведомства, что время идет, а они по-прежнему не понимают друг друга, посоветовала ему самому заняться изучением русского языка. По ее словам, от такой вдруг открывшейся заманчивой перспективы, белобровое лицо чиновника стало цвета родного советского флага.

В последние годы русский язык перестал быть экзотом в этой стране. Выходят многочисленные газеты, журналы, русская речь звучит в университетах и библиотеках – чем можно по праву гордиться – в магазинах, в плавательных бассейнах и зоопарках.

Учить язык страны проживания – святая обязанность (или жестокая необходимость) каждого иностранца. Два года я буду вести эту группу на интеграционных курсах. Потом мы накроем стол, на котором будут лакомства, приготовленные совсем не по рецептам из мудреных кулинарных книг, а те, что часто готовят простые люди в Турции, Нигерии, Аргентине или в Индии. Мы будем танцевать свои танцы, и петь каждый свои песни. Это будет прощанье. Дальше я передам группу другому доценту, а сама снова возьму «нулевиков», то есть людей, совсем, или почти совсем не говорящих по-немецки.

Я здороваюсь с классом на турецком, испанском, еще на нескольких языках, в том числе на китайском, и, конечно же, на русском. Люди улыбаются, услышав приветствие на родном языке, я чувствую, как они успокаиваются, напряжение спадает.

Пишу на доске свое имя. Я говорю, что я, как и все они, тоже иностранка, что я русская, что моя родина Россия, мой родной язык – русский. Я знаю, что сегодня далеко не все в группе поняли,

что это за страна такая – Руссланд, где она находится, и что это за национальность – руссин. Но слово «иностранка» понимают все. Однажды, примерно через месяц после начала занятий в одной из групп, пятидесятилетняя красавица Бабаджана вдруг вручила мне подарок – красивый пакет, полный сладостей. Как оказалось, у нее родился первый внук, а в Афганистане есть обычай – угощать уважаемых людей. Конечно же, на следующий день я пришла тоже не с пустыми руками: ползунки для малыша и открытка, подписанная по-немецки и по-русски: «Малыш, пусть будет много солнца в твоей жизни!». Счастливая новоиспеченная бабушка прочитала надпись, и вдруг бросилась меня обнимать, приговаривая на русском: «Ты – русская!» Как оказалось, она узнала кириллицу, потому что много лет назад, в Афганистане, учила русский...

Недоверие, с которым меня встретили русскоязычные учащиеся, быстро улетучивается. На переменах подходят с вопросами, и я тихонько (правила запрещают говорить в классе в процессе обучения на каком-либо иностранном языке) объясняю все, что они не поняли. Да и за советами обращаются, приносят письма от местных властей – помогаю с переводом. Теперь они оценили, что у них есть перед другими учащимися одно преимущество – учитель, владеющий их родным языком.

Постепенно словарный запас немецкого моих подопечных увеличивается, мы начинаем сносно коммуницировать. Теперь уже все понимают, кто я и откуда. Я всегда рассказываю о России, особенно люблю переводить наши пословицы: повторение – мать учения, терпенье и труд все перетрут и так далее. Часто мне задают вопросы, правда ли то, что показывают и рассказывают о моей стране по немецкому телевидению. Я говорю о стереотипах, о способах подачи информации, и о многом другом. На вопрос учащихся о гражд-

данстве я отвечаю, что в моем кармане лежит немецкий паспорт, но от этого я не перестала быть русской, что существующее в немецком языке понятие «нойе Хаймат – новая Родина», для русского языка – нонсенс. Ведь немецкое Хаймат этимологически связано со словом хайм – дом, а русское Родина связано с местом рождения, которое никак не может быть новым.

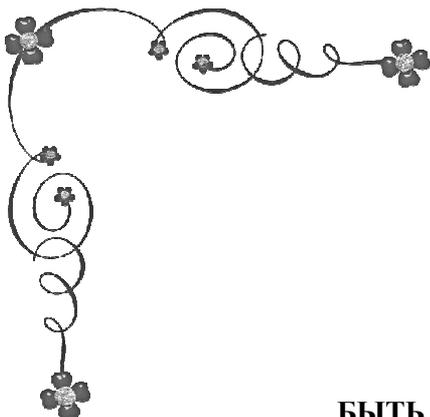
Когда я расстанусь с очередной группой, я знаю: не только у меня, но и у моей страны появилось много новых друзей.

Не так давно я решила зарегистрироваться на сайте «Одноклассники» – вдруг кто из моих однокашников откликнется. Увы, ни один одноклассник, ни один однокурсник не отыскался. Но один старый знакомый все-таки заглянул. В послании стояло: «Привет! Когда успела Родину продать?».

Что ж, тот, кто писал эти слова, имеет свои представления о любви к Родине. Пригласить бы этого замшелого патриота ко мне в класс на пару недель!

Завтра у меня очередной урок. Может, рассказать слушателям о «привете» от старого знакомого? Да нет, не стоит. Думается, что у людей, по разным причинам оказавшихся на чужбине, и которые видят Родину только во сне, отрицательных эмоций и так достаточно.

Инна ИОХВИДОВИЧ

БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

Улеглась она за полночь, чтобы поменьше времени провести в дреме или бессоннице. Привычно, при укладывании своего небольшого исхудавшего тела в постель, закружилась голова. Она прикрыла веки, чтобы головокружение прошло побыстрей. Наконец полегчало, и можно было открыть глаза в темноту.

В ногах, где обычно пристраивался Бонька, было непривычно прохладно, и Роза Наумовна ощутила слезный прилив.

«Не смей, не расклеиваться, все равно ничего не поделаешь и ничем не поможешь, ему моему малышу», – рационально объясняла-утешала она себя, слезы же помимо воли заливали щеки...

И все ей припоминалось, что когда собиралась покидать родину, то как пришлось оформлять множество документов и на беспородного, на дворняжку Боньку, и как прожили они здесь вместе, в маленькой социальной квартире в южногерманском Фрайбурге последние одинокие свои годы. Как выгуливала она его, так и не привыкшего к поводку, и тихо, чтобы не услышали другие собачники, уговаривала своего любимца: «Ну, Боничка, подожди немного, вот сейчас придем домой и там я сниму с тебя поводок». И он, внимая, повиновался ей, и безропотно шел. И тот дикий случай, когда Бонька поднял лапку у газона, а какая-то пожилая немка что-то, непонимая ее, Розой Наумовной, истерически кричала и показывала

на железный щит, на котором была нарисована испражняющаяся собака, перечеркнутая диагональной чертой. Старуха кричала и вослед им, что-то про русских варваров...

Роза Наумовна шла с виновато опущенной головой, и Бонька тоже будто бы чувствовал себя опозоренным. И побрели они прочь, а если бы у обоих были силы, то и побежали б что есть мочи...

Острое чувство вины перед собакой снова, как и тогда, когда впервые она не смогла его вывести сама, охватило ее. «Все это треклятое позиционное головокружение, – плакала она, – в придачу с вестибулярным невритом».

Как, однако, были недовольны сын с невесткой и внуками, все жившие неподалеку, что им приходилось выгуливать Боньку. Если б еще пес был хоть какой-нибудь да породы, упрекали внук с внучкой, а то ведь неудобно им водить на поводке неказистую дворняжку. К тому ж, всем им было некогда, и оттого перед ними Роза Наумовна испытывала смущение за свою хворь.

Хорошо, хоть стала служба по медицинскому уходу приходить к ней, и она за какие-то, подчас и небольшие деньги, упрашивала кого-нибудь из приходивших к ней вывести несчастную собаку, не выгулять даже, а просто, чтобы та смогла облегчиться... Сама Роза Наумовна и с палочкой ходить уже не могла, она только лишь толкала впереди себя тележку, за которую же сама и держалась.

Но вот неделю назад, перед ночью приключилась с Бонькой беда, самая настоящая беда. Он не лег, как всегда, в ноги своей старой хозяйке, а начал визжа крутиться вокруг собственной оси... Перепуганная Роза Наумовна позвонила сыну. И тот, хоть и был недоволен, но приехал. Забрал задыхавшегося Боньку к ветеринару. Плачущей матери заметил: «Успокойся, ветеринария у немцев на высоте, так что не волнуйся!». Розе Наумовне очень бы хотелось поверить в сыновы слова, да почему-то не верилось.

Через час позвонил сын и объяснил, что он оставил собаку у ветеринара, тот положил его под капельницу, в барокамеру. И снова начал попрекать ее тем, что предупреждал о том, чтоб не брала с собой в эмиграцию эту дворнягу, и кто знает, во что еще обойдется ему лечение этой псины. Он и не думал скрывать от матери своего недовольства... Плачущая Роза Наумовна попыталась заверить, что она все ему оплатит из своего пособия по старости, да не тут-то было. Сын даже не захотел выслушать ее, он просто положил телефонную трубку и в ухо Розе Наумовне понеслись частые отбойные гудки.

На следующее утро оказалось, что песику лучше не стало. И на предложение усыпить животное сын дал свое согласие. «Пойми ты, – сочувствовал он матери, – Бонька твой был уже не жилец. Врач мне объяснил, что у него от старости стал непригодным вестибулярный аппарат. А животные, потерявшие чувство равновесия, не могут жить. Поэтому усыпление было вызвано жизненной необходимостью».

Роза Наумовна молча только кивала головой, она не могла говорить, боясь расплакаться и тем вызвать недовольство сына. А думалось ей в те минуты только одно, ведь и у нее, наверное, тоже из-за возраста были неполадки вестибулярного аппарата, и оттого все вокруг вращалось и вращалось, тошнило, и хотелось рвать, а часто она и рвала. А хотелось ей одного: чтобы и ее, как и ее животное, тоже усыпили, и ничего б тогда не знала и ни от чего б не мучилась. Но говорить про это она не решилась.

Нынче, днями, после Бонькиного ухода, после бессонных ночей Розе Наумовне дремалось, особенно после напряжения, после еды, которая вдруг превратилась в тяжелую работу?!. А сама еда-то была вроде «детского питания», пюрированная, в основном. Больше всего полюбила она завтраки овсяной кашей. Мелко смолотую овсяную крупу не приходилось даже варить, она просто заливалась кипятком,

и через пять-семь минут ее уже можно было есть. Она долго держала во рту эту кашу, как гурман, наслаждаясь ее вкусом.

– Знаешь, Олечка, – как-то сказала она внучке, случайно забежавшей к ней, – если бы мне когда-нибудь сказали, что я предпочту овсянку какому-нибудь деликатесу или салату «оливье», например, я б не поверила. А вот поди ж ты?!

Юная девушка недоверчиво смотрела на нее...

Да, по-другому, иному, все было теперь в ее существовании. Словно младенец перепутавший день с ночью, она бодрствовала ночами, чтобы потом почти беспрерывно дремать днем. Ночами, когда не спалось, вспоминалось прошлое. «Наверное, потому все припоминается и припоминается, – часто говорила она громким шепотом в темноте, – что нынче, после переезда в эту самую Германию у меня никаких контактов ни с кем нет. Был один Бонька, да и того не стало. Там, хоть и жили вместе в одной квартире, тяжело казалось, тесно, разъехаться хотели, жильё разменять, да вместо этого вот сюда приехали. Теперь у всех, даже у внуков свои квартиры, а что толку-то, все друг другу точно чужие. Никто друг о друге и знать-то особо не хочет. У каждого все свое. Может, оно и современно, может, и правильно, да только видно не для меня. Наверное потому, что уже старая, зажилась на свете. Хорошо Левочке, – вспоминала она своего покойного мужа, – умер себе мгновенно, от инфаркта пятидесяти шести лет от роду и хорошо ему, душе его... Вот уж кто не знал ни остеопороза, ни артроза, ни остеохондроза, ни тем более этого проклятого головокружения. Вот, всем хочется жить долго, да как-то люди не думают ни о болезнях, ни о специфически старческих недомоганиях... Об Альцгеймере, Паркинсоне, о старческом маразме думать никому не хочется. А самое страшное – эта ужасающая беспомощность. Впервые помнится, я ощутила ее,

когда не смогла стать на табуретку, чтобы снять со шкафа обувную коробку. Именно тогда мне и пришло в голову, что дурацкая поговорка «Старость – не радость». Ведь на самом деле: «Старость – это жуть, это настоящая жизненная трагедия человека, что еще не умер, но уже и не жив! И ничего ж поделать нельзя», – она даже всплеснула руками. Как это поэтесса правильно выразила:

*«Себе сединами светя,
Я и себе не обещала,
Что буду вечное дитя.
Но все ж неловко мне невольно,
Всем увяданье очевидно.
Я знаю – почему так больно,
Но почему так стыдно, стыдно?».**

Размышления о старческой немощи навели ее на мысли о детской беспомощности, примерещилось ей, что снова она укутывает в пеленки сыночка, а потом и внучку, и внука... Но неожиданно ясное осознание того, что дети вырастают и становятся большими и сильными, а ей предстоит лишь еще большая болезненность, а может быть, даже неподвижность, повергла ее не в отчаяние – нет, а в бессловесный тоскливый ступор...

Внутренний вопль вернул ее к поискам выхода из всей этой безнадеги:

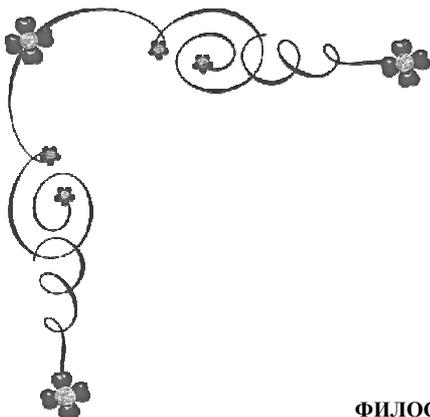
«Нет, нет и нет, правы немецкие психологи, нужно вырабатывать в себе позитивное мышление, нужно отбрасывать все темное, ужасающее, и культивировать, самой растить в себе радостное сознание, хотя бы просто оттого, что ты уже пришел в этот мир, что можешь, пусть и слезящимися, вечно красными глазами, но *видеть*

и солнышко, и зеленую листву, и птиц в их непостижимом полете... Да чудо просто жить на свете, надо быть благодарной хотя бы за это...».

И начала Роза Наумовна перебирать те, не столь уж частые в ее жизни события, которые считала она когда-то счастливыми. На душе и вправду будто полегчало... Вот дошла она и до переселения всей своей семьи на жительство в Германию. Стала припоминать, что ж хорошего-то было с нею уже здесь? К чему-то припомнилась чья-то, кого-то наверняка из великих, фраза про то, что «язык больше, чем кровь». И внезапно она словно «услыхала», как та женщина, уже пожилая, уже старуха-немка кричала на нее и на Боньку, что они – *русские!* Она не знала, что радостная улыбка раздвинула ее губы. «Счастье приходит, когда его и не ждешь», – совершенно разулыбалась она. Ведь всю немаленькую жизнь, из-за своей характерной семитской, откровенно еврейской внешности, страдала Роза Наумовна *там* и, внезапно, *здесь* она оказалась – *русской!!!*

– Да ради одного этого, – уже громко сказала темноте Роза Наумовна, – стоило приехать!

* Из стихотворения Елены Шварц.

Татьяна КАЙЗЕР

ФИЛОСОФСКИЕ СКАЗКИ

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

В одном большом супермаркете одного большого города стоял Турникет.

Мимо него шли люди, как правило, давно привыкшие к подобным «вахтерам» и не было особой нужды тормозить их. Все как в отлаженном механизме: поток посетителей втекает в магазин через одни шлюзы, прогулявшись между бесконечных рядов полок и витрин, вытекает через другие – уже мимо кассы.

Наш турникет, в отличии от своих собратьев, вовсе не был ни придирой, ни занудой. У него не было этакой контролерской жилки – ощущения своей значимости при наблюдении за порядком, когда просто удовольствие получаешь от самого контроля. Турникет был достаточно юн и еще не испорчен подсказками своих бывалых коллег, находивших утешение тщеславию вообще служить как бы преградой среди всеобщей вседозволенности, ссылаясь на строгие инструкции. Хотя иногда он мог себе позволить слегка поприжать пышные формы какой-нибудь посетительницы, или слегка поддать пинка зазевавшемуся визитеру, или озорно замереть перед носом чопорной пожилой дамы. А порой и вопреки инструкции даже слегка крутнуться назад, чтобы какой-нибудь ребенок не защемил себя. Словом, обыкновенный турникет в универсаме.

Эту женщину Турникет заметил давно. Она поначалу вызывала у него досаду и легкое раздражение: как можно умудриться намотать ручки сумки на поручни или зацепиться кистями шарфа. Но потом стал находить все это даже забавным, ожидая очередной казус с ней. Однажды случилось ей соскочить с высокой модной танкетки прямо перед спускавшимся вниз эскалатором. Она охнула от неожиданности, залилась краской в большой досаде на себя. Из карманчика блузки вылетел проездной билет с фотографией.

«Василиса...», – успел прочитать Турникет, пока женщина поднимала билет.

Теперь она уже не была для него незнакомкой. Ах, если бы он мог запросто обратиться к ней по имени. Самому непонятно, откуда вдруг стала накатывать робость. Он нарочно медлил, чтобы она как можно дольше оставалась в контакте с ним, в его объятьях. Турникету стало доставлять удовольствие в такт вращению напевать по слогам ее имя: «Ва-си-ли-са». Он весь день вращался по часовой стрелке. И поэтому ему казалось, что он может убыстрять бег времени, чтобы скорее наступал вечер – время ее долгожданного прихода. Да, он уже поймал себя на том, что нетерпеливо дожидается ее появления в магазине. И даже, если она благополучно не зацепится чем-нибудь за поручни вертушки, он все равно замедлит движение, лишь бы она оперлась на него. Коллеги по магазину давно заметили его уловки, и эта тема для разговора непременно была следующей после обычных обсуждений привычек и повадок покупателей.

Со временем стал он замечать и другое. Почему-то впопыхах она влетала в турникет, когда через него уже проходил один господин, всегда зябко кутающийся в шарф. Чем он вызвал интерес у женщины? Ведь иногда казалось, что она поджидала его нарочно. Однажды она так стремительно проследовала за ним, что едва не оказалась с ним вместе в пространстве между поручнями турникета.

Турникет видел, как она вспыхнула, почувствовал, как вспотела ее ладонь. Торопливые извинения легко отскочили от не повернувшейся спины господина. Так он был задумчив. Что еще сделать, чтобы привлечь его внимание, она не знала. Ей уже были знакомы и весь его обычный набор покупок, и те полки, у которых он мог дольше всего задержаться.

А если бы Турникет мог проследить за ней дальше за пределами супермаркета, то увидел бы, что иногда она поджидала этого незнакомца у входа в стоящий неподалеку католический храм. В обычные дни входящих туда было не так уж много, чтобы она надеялась затеряться в толпе. А в дни праздников он приходил туда настолько раньше, что и увидеть его она не могла. Только услышать.

Да, он был органистом в этом храме. Василиса считала, что католики также верят в Христа как и ее земляки – православные христиане. Потому легко было понять, что в религии она была мало сведуща. Там, откуда она приехала, народ тоже посещал храмы, родственники были верующими, но обычаи были другими, да и праздники не совпадали. Особенно ее удивляло, что во время службы все чинно рассаживались по скамьям, поднимаясь только во время чтения молитв или опускаясь затем на колени.

Но самым большим потрясением была для нее органная музыка, которую прежде она могла слышать только по телевизору.

Женщина была в этом городе чужой. Языковой барьер, робость и непонятные люди, которые пугали почему-то своей приветливостью, – удерживали ее на расстоянии ото всех. В храм она стала приходить, потому что жила неподалеку, потому что не было какого-либо круга общения, потому что ей понравилось, что он всегда днем открыт и можно посидеть в тишине и посмотреть на горящие свечи.

Василиса часто вспоминала первую встречу с Органистом. Служба уже заканчивалась, когда вдруг все повернулись в обратную сторону от алтаря и начали аплодировать человеку, который находился высоко на хорах у перил и отвечал поклонами. Впервые она почувствовала, что сердце как-то болезненно, но по-особому, сжалось. Когда она увидела его метрах в двух от себя, подумала, что вот еще одно очередное разочарование в ее не такой уж богатой событиями жизни. У него не было яркой внешности, напротив, с залысинами лоб, глаза прячутся за толстыми линзами очков, заметная сутулость и... летающие руки. И как бы из-за боязни, чтобы они вдруг не стали крыльями, он их постоянно укрывал под шарфом.

Женщина была не из робких и в родных краях она давно бы все разузнала про него. А тут из-за ощущения одиночества, слабого знания языка и обратиться-то за информацией было не к кому. Оставалось только полагаться на опыт и интуицию.

Судя по всему, Органист был одинок, так как сам покупал в магазине продукты. Она, конечно, что-то слышала о целибате – безбрачии католиков и монахов, но решила, что сана священника он не имеет. Органист тоже заметил эту необычную женщину. Ни разу не услышав ее речи, он, однако, считал ее иностранкой. В храм приходило много разных людей. Они заметно отличались от его земляков – до черноты смуглые от обилия солнца выходцы из Индостана, точеные женщины из юго-восточной Азии, африканцы. Женщина была привлекательна тем, что была похожа на ребенка, оказавшегося в новой обстановке и растерявшегося. Ее частое появление в храме не говорило, однако, о ее набожности. Что-то в ней настораживало его. Здесь, конечно, никого не удивить энергичными женщинами, которые не только самостоятельны по жизни, но еще и самонадеянны в желаниях подстроить все в жизни под себя.

Но этих он знал, и умел с ними общаться.

А эта – молчаливая и не отводящая взгляда женщина – то ли за-
таившаяся охотница, то ли как пропавший заблудившийся ребенок.

Его отношения с женщинами имели небогатый опыт. В свои со-
рок лет он еще не испытал желания кого-то впустить в свою жизнь.
И мысли о семье просто не посещали его. Друзей-приятелей было
немного. Его миром, его жизнью была музыка. Если бы храм не за-
крывался после вечерней мессы, он бы оставался там до полуночи.

Орган, как и храм, уже отпраздновал вековой юбилей. И време-
нами у него получалось нечто похожее на стариковское брюзжание.
Инструмент уже не мог с прежней страстностью, мощью своих труб
следовать за виртуозностью музыканта. А его молодому другу не
понятна была такая вековая усталость, нерасторопность, даже мед-
лительность и сухость. Орган был мудрее и понимал, что страсть
суть страдания, и уже не спешил отзываться на страстные импуль-
сы, исходящие от музыканта.

Для органиста же мечтою, желанием, возлюбленной была музы-
ка. С ней он мог общаться часами, быть открытым, не бояться ду-
шевных порывов, разве что быть отвергнутым, но это уже было бы
за гранью жизни.

Было время Адвентов. Эти четыре недели перед Рождеством бы-
ли особыми днями. Хотя давно уже из прежних знаний об этом вре-
мени остались только удобные в обществе потребления понятия:
время хорошего проведения досуга, покупка рождественских по-
дарков, посещение рождественских ярмарок с горячим глинтвей-
ном, вином, сосисками и стеками, жареными каштанами и минда-
лем, залитыми в сиропе яблоками, и время восторженного почти
детского ожидания исполнения заветных желаний. А ведь были
времена, когда думалось больше о душе, об очищении, о посте –
ограничении не только в еде, но и в развлечениях.

Давно уже в магазинах и их витринах самые лучшие места заняла атрибутика рождественских праздников. Казалось просто невозможно что-нибудь еще придумать или чем-нибудь еще привлечь просто искушенного изобилием покупателя. Но каждый год армия творческих людей, изобретателей изощряется в создании чего-нибудь небывалого, необыкновенного.

Однажды Турникет услышал разговор двух гламурных глянце-вых журналов. Они обсуждали тему нынешнего повального в обществе увлечения фэнтези и всякими паранормальными штучками. А когда речь пошла о вероятности общения с некоей Феей-волшебницей, которая в состоянии исполнить любую пусть даже самую невероятную мечту, фантазию, Турникет уже не мог оставаться равнодушным.

– Ах! Где же ее можно встретить?

– Да, где угодно! И Фея сама выбирает, чьи бы желания исполнить. Нужно только, чтобы это была главная мечта.

Погруженного в мечтания Турникета вдруг слегка похлопали по плечу.

Маленькая женщина с отливавшими серебром волосами, добрыми искрящимися смехом глазами, кутаясь в меховую накидку, опералась на руку молодой спутницы.

Турникет молниеносно открыл им дорогу, досадуя на свою оплошность.

– Очень похвально, что вы корите себя, а не сердитесь на тех, кто прервал ваши размышления, – проговорила Фея-волшебница. А ведь это была именно она.

Изумленный турникет замер. Судьба давала ему шанс. И все вокруг это поняли и застыли в ожидании. Нет! Ни за что он бы не озвучил свое желание. Но фее и не нужно было говорить о мечте.

Мудрая Волшебница нашла очень трогательным желание Турникета превратиться в юношу. Отчего же не помочь влюбленному?

Она только кивнула своей спутнице, и они удалились. Вечер чудес начинался. И впереди было еще много-много дел. Порой достаточно только одного взмаха руки (конечно, если в ней волшебная палочка), чтобы сделать кого-то счастливым.

Наступал Сочельник. Магазины все закрывались пораньше, чтобы и у торгового люда была возможность не только добраться до дома в это время авто-пробок, но и как-то успеть подготовиться к празднику. Опять же для иных понятие сочельника уже накрепко связалось с неперменным атрибутом праздничного стола – рождественским гусем, заниматься которым нужно не менее четырех часов.

А ведь это время раньше уделялось как раз тому, чтобы люди смогли подготовиться к праздничной рождественской службе.

Попавший на сияющую улицу Турникет, был сначала ошеломлен красотой вечернего города. Но потом правильно рассчитал, или сердцем (уже!) почувствовал, где может встретить свою возлюбленную. К Храму уже стекались люди.

Казалось в такой толпе просто невозможно кого-то отыскать. Но, то и дело раздавались приветствия радушно обнимающихся людей, смех и радостные возгласы детей, которым в такое позднее время совсем не грозило отправляться спать. Волшебная ночь. Светлая ночь.

Турникет уже отчаялся встретить Василису, когда вдруг увидел ее на скамье рядом с исповедальной. Лучшего места, чтобы наблюдать за органистом, и придумать было нельзя. Пробраться к ней не было никакой возможности. Храм был полон. Стояли даже в проходах, за колоннами. Все пространство освещалось только трепещущими свечами. Вместе с хором все пели песню, ставшую рождест-

венским гимном «Тихая ночь, святая ночь». Заканчивалось время ожидания таинства.

И вдруг как взрыв – электрический свет залил храм, и в ту же секунду всей своей мощью выдохнул и столетний орган. Ощущение какого-то волнующего трепета.

Василису потрясло вдруг открывшееся ей неистовое желание – стать тенью органиста, которого уже ни на секунду не оставила бы одного...

Это была безумная мечта. Ей даже почудилось, что она воспарила к нему.

Это ли движение углядел Турникет, или вспыхнувшая страсть обуглила его любовь, но только настигло его сумасшедшее желание, чтобы только ему принадлежала эта девушка. В то же мгновение музыкант взмолился о своей заветной мечте – стать органом, чтобы, наконец, в полноте обладать единственной чарующей, волнующей музыкой, способной вознести к небесам.

На хорах кроме органиста никого не было, а потому никто и не увидел, как тот дал новую жизнь и силу органу, издав новый мощный сладостный стон, слившись с волшебной музыкой. Каждый из присутствующих прочувствовал этот необычайный момент, который уже более двух тысячелетий делает всех как бы сопричастными торжественному таинству – явлению в жизнь божественного младенца.

У кого-то затрепетала душа, у кого-то дух взмыл в небеса, кого-то ангел коснулся крылом. Равнодушных не было. В радостном песнопении слились голоса и орган.

Растаяли неприятные воспоминания, обиды, огорчения и беды. Только радость, только вера, только надежды на самое доброе и светлое.

Сочельник близился к концу. А с ним и время волшебства. Женщина опустошенная не исполненным желанием, тихо покинула храм, бесцельно устремившись по ярко освещенной праздничной улице. Проходя мимо сверкающего витринами супермаркета, случайно бросила взгляд на как-то необычно поникший турникет... Она чувствовала себя даже не как золушка, убежавшая с бала, а как человек, которому вдруг все стало неинтересно. Надоевшая заграница, одиночество, быстро пролетающие годы...

Слегка утомленная событиями, седовласая фея сидела в своей гостиной у камина и маленькими глотками пила ароматный напиток из трав, искусно заваренный помощницей. Она вспоминала о своей сегодняшней работе.

На плазменном экране стены поначалу открылась изумительная панорама планеты Земля, потом поплыли снежные Альпы, яркие огни городов, счастливые лица.

Вот возник образ убеленного сединой очень пожилого господина из дома престарелых. Осуществится его желание встретить в их заведении такого же страстного любителя шахмат как и он, с кем бы можно было проводить за доской уже заметно отмеренное время. А вот раздался радостный возглас студента, получившего долгожданный грант на продолжение учебы в одном старинном университете.

Проплывают лица, много радостных лиц. Сколько удовольствия получили те, кто смог одарить своих близких и друзей. А сколько счастливых детей заснули этой ночью в объятьях своих вожаделенных игрушек! На экране тем временем совсем близко у торгового центра показалась афишная тумба, пожелавшая стать длинноногой моделью. Почему бы и нет? Ведь может же исполниться мечта Экрана телевизора в витрине, который пожелал стать путешественни-

ком, чтобы самому посмотреть те красивые места, куда он призывал всех своими рекламными фильмами.

Тут помощница заметила, как нахмурилась фея.

– Вспомнились желания, которыми люди сами же погубили свои мечты, – со вздохом произнесла Волшебница.

Теперь на экране возник Молодой человек, глядящий на себя в зеркало в туалетной комнате огромного казино. В пустом взгляде не видно было никакой прежней мечты о творчестве в собственной мастерской. Мечта похоронена неистовым желанием мгновенного огромного выигрыша, который заставил бы всех окружающих лопнуть от зависти.

Следом, словно из сугробов, выплыл на экран красивый прошлого века особняк. Там могла жить еще какая-нибудь добрая фея. Но предстала пожилая дама, которая в одиночестве, с горькой обидой на судьбу, закусив губу, мысленно возмущенно упрекала в неблагодарности к ней своих детей. Она загадала о встрече с ними, но они так и не слетелись в безрадостное от постоянных укоров родительское гнездо.

Снова на экране город сверкал гирляндами огней. Вздохнула Волшебница о мечте, подаренной влюбленному Турникету:

– Какая могла получиться сказка у него и его возлюбленной! Как нелегко бывает устоять перед искушениями.

Тут Фея улыбнулась, вспомнив Органиста, давшего новую жизнь вековому инструменту в Храме. Он отныне навсегда будет со своей любимой музыкой.

Экран погас.

– Желания всегда исполнятся, если они не ущемляют волю других, – произнесла мудрая Фея, укладывая свою волшебную палочку

в футляр, который затем и унесла помощница в укромное место до следующего Сочельника.

Хрустальный колокольный перезвон всех церквей города уже стих. Сыпал обильный рождественский снег. Каждая снежинка, какой бы неповторимой она не была, все равно формой где-то напоминала ту звезду, которая пару тысячелетий назад засияла в ночном небе, поддерживая миллионы людей на их пути к своему Спасителю.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ О ПРОСТОМ КАРАНДАШЕ

В одном маленьком городке, стоявшем на берегу красивого озера и отражавшем цепь высоких горных вершин, жила фея Волшебница.

Она могла читать не только мысли и желания людей, но и слышать разговоры окружающих предметов. Однажды она услышала такую историю.

На старомодном письменном столе стояла красивая ваза-карандашница. Там всегда царил идеальный порядок, за которым присматривал строгий педантичный Простой Карандаш. Он любил делать замечания по любому поводу, был непримирим к ошибкам и повсюду их подчеркивал: у своих коллег, своих близких, в книгах и тетрадях. Верная его спутница Резинка только терпеливо вздыхала и иногда торопилась быстро и незаметно стереть его резкую пометку в рукописи или ехидное замечание на полях книги, а то и загородить других от высказанного им раздражения. Они так давно были тесно связаны друг с другом соединявшим их золотым кольцом, что считались самой образцовой супружеской парой.

Добродушная резинка терпеливо сносила все придирки Карандаша и как преданная нянька ухаживала за ним, когда у него обламывался гриф.

За ними с почтением наблюдали цветные карандаши, фломастеры, ручки, среди которых были и старинные со скрипучими перьями и современные шариковые.

В общем, жили достаточно дружно. Если и посмеивались над своими коллегами и их ошибками, то дружески и незлобиво. И вот однажды появилась в карандашнице новая странная пара. Ручка с необыкновенными колыхающимися перьями ярко розового цвета и

блестящим брелком с подвесками. Она любила покапризничать, писала только тогда, когда ей нравился держащий ее в руках, и при этом немисливо кокетничала.

Ее спутником был толстый самонадеянный Маркер в ярко оранжевом смокинге с причудливой вязью блестящих букв. Он был нетороплив, вальяжен и если делал какие-то пометки в текстах книг и рукописях, то непременно толстой жирной очень заметной полосой. Исправлять после него уже никто не пытался. Он осыпал Красавицу-ручку комплиментами, заметно оттеснял от нее других, и они часто вместе отсутствовали подолгу в вазе.

Обитатели карандашницы потом судачили о них целый день, строя всяческие предположения. А иные мечтательно вздыхали о каком-нибудь подобном романе.

Простого Карандаша со временем это стало раздражать. Он начинал сравнивать себя с толстым волокитой и становился еще более подтянутым и сухим.

Ведь как не знать: Маркер только подчеркивал ошибки, хотя и мог закрашивать целые абзацы, а Карандаш еще и исправлял их. Мягкая резинка не принимала участия в пересудах, понимая ограниченную жизнь тех, кто завидовал, и быстротечность яркой жизни тех, кому завидовали. Она с грустью замечала, каким становился Карандаш. У него бывали, конечно, и прежде флирты с цветными карандашами и ручками. Его вдохновляли их восторги его интеллектном, манерами, старомодным воспитанием. Горделиво воспринимал он такое поклонение.

А тут вдруг Карандаш становился каким-то суетливым, таким неуклюжим, чаще крошился и ломался в присутствии Красавицы-ручки. И даже несколько раз торопливо и раздраженно пытался скинуть с себя кольцо вместе с резинкой.

Насмешница только заразительно смеялась, встряхивая звонкими брелками. И лгнула к толстяку Маркеру. Но настал день, когда запасы Маркера иссякли и его выдворили из вазы-карандашницы за ненужностью. Красавица недолго погрузила и остановила внимание на Карандаше – очень уж ей imponировало, с каким почтением относятся к нему обитатели вазы. А тот от такого внимания просто потерял голову, спешил исполнить любой каприз прелестницы. Он рассказывал ей много забавных историй-казусов, приключавшихся с работающими вместе с ним писателями, блистал своей эрудицией и сарказмом. Он стал так тяготиться резинкой и та молча оставила его одного. Да и в кольце больше не стало надобности. Однако, без этого привычного украшения всем сразу открылась лысая макушка Карандаша. И крошки графита неаккуратно сыпались на его одежду. Если теперь случалось ему притупиться или сломаться, в Красавице-ручке все чаще и чаще стало возникать недовольство, раздражение и... скука. А когда случилась серьезная поломка, она и вовсе отвернулась от Карандаша. А тут появился и новый маркер, на этот раз зеленого цвета.

Обитатели карандашницы начали потихоньку посмеиваться над незадачливым чопорным Карандашом. И несколько раз складывалась ситуация, когда его за унылый и расстроенный вид едва не выдворили из вазы. Резинка с грустью наблюдала за происходящим, с болью посматривала на своего поникшего постаревшего друга. И тогда она попросила Волшебницу, если это поможет Карандашу, вновь соединить с ним кольцом. Добрая фея, конечно же, исполнила просьбу Резинки. И даже не столько потому, что как говорят, старый друг лучше новых двух. Просто, когда целое распадается на части, – неизменно ускоряется процесс разрушения. А целым любой союз делает только любовь. И только без любви старость бывает немощной.

Меняются времена, а с ними и мода. Каких только ручек и карандашей не создала техническая мысль. Но по-прежнему самые уважаемые в вазе-карандашнице – Простой карандаш с Резинкой с их неизменной готовностью навскидку что-то быстро набросать, легко найти и исправить ошибку, сделать удаляемые заметки на полях и страницах рукописей и книг.

Мальш уселся за бабушкин письменный стол, потянулся к карандашнице, вытащил фломастер и попробовал написать на листе буквы. Жирная полоса неожиданно съехала в сторону. Исправить букву не получилось, попробовал убрать пальцем – получилось еще хуже. Взял ручку – но буквы валялись на бок. А если пробовал их поставить – выходили просто какие-то заросли из закорючек.

Наконец, он взял карандаш. Написал букву, другую, с сопением вывел слова «Дорогой дедушка Мороз». А дальше получились слова-желания: самокат, фонарик, «лего», мяч. Уже устав, торопливо вывел подпись – «Рома». Посмотрел на свою работу и вдруг глаза наполнились обидой – в слове «дедушка» написана лишняя буква «у» после буквы «ш», в слове «лего» на конце непонятная загогулина, а в слове «мяч» – «я» повернута в обратную сторону. Волшебница ласково перевернула карандаш в руках Мальша, и Резинка ментально стерла неправильные буквы и загогулины. Теперь можно было заново аккуратно вписать правильные буквы.

Давно наступила ночь. Мальш видел свои счастливые сны. Фея-Волшебница отдыхала от праздничных хлопот. Карандаш в задумчивости наблюдал за мерцающими огоньками елки. Вспоминал, скольким детям помог он написать новогодние письма деду Морозу... Он покосился на дремавшую Резинку и с нежной ворчливостью добавил: «Вместе помогли...».

ИСКРЫ РАДОСТИ

Посвящается Насте

В одной очень-очень красивой солнечной стране жила маленькая девочка. С самого детства окружали ее с одной стороны горы, с другой – бесконечное теплое море.

Но девочка чувствовала себя очень одинокой. У нее не было ни друзей, ни кошки, ни собаки. И тогда она сочинила сказку, как однажды зимой в сочельник появился у нее друг-снеговик. Только он был такой молчаливый, видно, очень сильно застудил горлышко. И тогда девочка связала ему красивый пушистый шарфик. Она проводила с ним много времени. Он был непременным участником всех ее игр. А еще маленькая девочка любила рассказывать снеговика всякие истории и свои тайны. Он молчаливо выслушивал ее и только ласково утирал своим шарфом ее слезы обид и одиночества. А на ночь девочка непременно забирала его с собой в постель и в обнимку с ним засыпала.

Дни сменяли ночи. В который раз понедельник следовал за воскресеньем. И однажды, проснувшись, девочка обнаружила только тяжелый мокрый шарф друга-снеговика. Может слишком горячими были ее слезы накануне... С той поры девочка больше не заводила друзей, чтобы потом не было сердечной боли от расставания с ними. Но сочиненная сказка, где-то затерявшись, продолжала жить своей жизнью.

Шли годы, десятилетия. Как в калейдоскопе менялись события, друзья-приятели, какие-то привязанности. Но что-то мешало расцвести им в настоящую дружбу. Всегда где-то в глубине души оставалось тревожное ожидание грустной развязки отношений.

Вновь наступило самое замечательное время года – Рождество. Только сейчас это было необыкновенное волшебное Рождество.

Взрослая женщина жила уже давно вдали от теплого ласкового моря. Под окнами большие круглые сугробы прятали припаркованные машины. А сами окна превращали дома в сказочные декорации своими мерцающими огоньками, звездами, рождественскими дугами и каруселями. Игривые снежинки все пытались вовлечь в свои хороводы фонарные столбы, но те только жмурились такому баловству и старательно присматривали за прохожими, чтобы те не влетали в сугробы. Редкие машины торопились доставить своих хозяев в места, где их нетерпеливо дожидались... может быть, только уютное одиночество.

Наряженная елка в комнате блистала в окружении разноцветных коробок с подарками. Горели все четыре свечи рождественского венка. Мерцающие блики отражались на рамках с фотографиями счастливого семейства и крохотной малышки, гуляли по клавишам открытого инструмента. Женщина уютно устроилась на диване. Под рукой у плеча сладко посапывала пушистым комочком... малышка. Такого волшебного Рождества для нее еще не было. Ближе и роднее этой крохи не было никого в целом свете. И она чувствовала за него такую огромную ответственность, что порой ощущала откуда-то из глубины идущий необъяснимый страх.

И тут припомнилась когда-то сочиненная ею сказка. Это там были страхи одиночества и потери. Так, нужно срочно отыскать ее и переделать. Чтобы не осталось следа от мучительного ощущения покинутости и безысходности. Изменить все так, чтобы однажды снеговик, в очередной раз выслушав грустные истории девочки, стал рассказывать ей о волшебной стране, где все дружат друг с другом, где если и появляются обиды – так сразу исчезают, чтобы

случайно не поцарапать сердца. Там никто не сидит и не ждет появления друга. Там просто радуются всем событиям жизни и спешат доставить быстрее радость другим. Искорки радости они передают друг другу и всем, кто к ним присоединяется.

Вот и девочке снеговик оставит такую искорку, когда придет время и ему идти к кому-то другому на помощь. И девочке, самое главное, надо будет постараться не дать погаснуть этой искорке, постоянно подпитывать ее желаниями дарить кому-нибудь свои улыбки, ласковые и добрые слова. Никогда еще так сладко не засыпалось девочке. И когда наутро девочка, проснувшись, не обнаружила рядом с собой снеговика, она поверила, что он понес дальше другим искорки дружбы. А на память ей он оставил любимый пушистый шарфик, который она связала для него, чтобы было тепло его горлышку.

Женщина улыбнулась этим детским воспоминаниям. Страхи растаяли.

Она обязательно познакомит малышку с искорками радости. И хотя дочь для нее самая большая радость в жизни, она будет счастлива, когда придет время, и та понесет свои искры радости в большой и прекрасный мир.

Дай, Боже, с мудростью смотреть в спину уходящих в будущее детей!

НИЧЕГО

В одном небольшом селении жили два соседа. Как-то днем встретились они на улице, поприветствовали друг друга и остановились для разговора.

– Как дела? – спрашивает первый.

– Да, ничего, – отвечает другой.

– Спешишь куда по делу?

– Да, ничего, подождет! Жена послала на рынок торговать яблоками из нашего сада.

– Ну и как? Много наторговал?

– Да, ничего. Только вот детворе-то игрушки купил, а жене на скороварку – не хватило.

– Сварливая она у тебя. Достанется тебе, покивал головой сосед.

– Да, ничего, обойдется!

Приходит, наконец, муж домой, а жена сердитая встречает: ничего не успела толком приготовить, да еще свои сорванцы с соседскими ребятишками подрались.

Наседает на мужа:

– Пора бы уже их уму-разуму поучить?

– Да, ничего, успеется!

К вечеру непогода на дворе разыгралась. Ветер как стукнул в окошко – так ставни на одной петле и повисли. Растолкала жена задремавшего мужа:

– Сходи-ка, почини ставни, а то сорвутся и в щепы разлетятся.

Пошел муж чинить, да кому охота в потемках возиться? Привалил ставни камнями – вроде, ничего, получилось.

А наутро случилось Радости по тому селу прокатиться в сторону ярмарки. Много чего доброго она людям в окна, в подставленные ладони плескала – и света, и смеха, и успеха, и удачи.

Да только в приваленные наглухо ставни и досталось-то – ничего!

Позже прознала про все то жена от соседей, да к мужу с упреками. А он почесал затылок задумчиво:

– Да, ничего, в следующий раз достанется!

А Ничего довольное ухмыляется, в азарте руки потирает. Уж коли прилепилось оно к человеку, значит, только оно у него и будет. Во всем только одно Ничего и будет.

А как же иначе: ведь человек Ему силу-то и дарит всякий раз, когда Ничего поминает.

Вот и крепнет Ничего, ширится и постепенно заполняет собой пространство, дела, жизнь человека.

Кому ли не знать, что жизнь-то наполнять надо только хорошим?

Тогда и вокруг будет хорошо, в делах будет хорошо.

В вашей жизни только все и хорошо будет!

ПРОЯВЛЕННОЕ

*Ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы,
и тайного, что не было бы узнано.
(Библия, Мат., 10-26)*

В одном старом-престаром доме некогда жило одно семейство. Сколько уж поколений сменилось, а дом все продолжал нести свою службу. Была там просторная пустынная зала с большим камином.

В лихую военную годину влетела в дымоход бомба и чудом не разорвалась в камине. Ее, конечно, убрали, но с тех пор камином больше не пользовались, загородив его тяжелой искусного литья решеткой. Все же раз в два-три года приглашали трубочиста привести в порядок дымоход.

Однажды в один из Сочельников молодому хозяину старого дома пришла в голову мысль: развлечь гостивших у него племянников неожиданным появлением Вайнахтсмана из камина. Он предварительно наполовину отодвинул чугунную решетку, изобретательно замаскировал мешок с подарками у задней стенки камина – не было смысла тащить его через дымоход, а сам в костюме рождественского деда пробрался по трубе... Как раз этой осенью дымоход опять прочистили...

Зала была празднично убрана. Посередине красовалась огромная елка, во всех шарах которой отражались волнующиеся язычки пламени свечей. Особенно красивый старинный канделябр стоял на каминной полке. Его и зажигали-то, пожалуй, раз в год, в сочельник. Тогда же заводили и стоявшую тут же старинную музыкальную шкатулку с рождественскими песнями.

Веселье было в самом разгаре, когда из камина показался Вайнахтсман. Радостный ребячий визг, изумленные вскрики сестры и матери напомнили ему далекое безоблачное детство, чудный запах корицы, любимые руки бабушки, нежно пытающиеся сделать пробор в его вихрастой кудрявой шевелюре. Неожиданно он обратил внимание на измазанные сажей белые манжеты рукавов. На слетевшем с головы колпаке тоже красовалось пятно сажи. С досадой попробовал отряхнуть, стереть пятна – не получилось. Он конфузливо улыбнулся. Хорошо щеки были нарумянены, иначе все увидали бы, как густо он покраснел. Однако никто, казалось, и не замечал грязных пятен. Все окружили его и стали весело разбирать подарки из заветного мешка, показывая их друг другу.

Упавший головной убор подхватил малыш и натянул себе на голову. Колпак сиял белоснежной опушкой.

«Наваждение какое-то!», – подумал мужчина и взглянул на свой рукав. Тот оставался с черным пятном. Он растеряно опустил в кресло у стены камина... и нырнул в прошлое, чего в общей суматохе никто и не заметил.

В том же старинном доме тихое время послеобеденного сна. Маленький мальчик пробрался в сумеречную залу, остановился у камина, просунул руки через узоры каминной ширмы и чиркнул спичкой. Пламя высветило фотографию, где был запечатлен мужчина, опиравшийся на висевший на шее автомат. Смотрел он как-то без интереса, как бы стараясь прикрыть оружием какие-то медали или значки на груди. Это была фотография деда, единственная присланная с фронта. Мальчик его никогда не видел, но знал, что он погиб. Бабушка часто говорила, что красивой шевелюрой внук пошел в деда. Но этот военный в нацистской форме был ему с некоторых пор очень не приятен. Эта фотография в рамке всегда стояла на комодке в комнате у бабушки.

Однажды у них в гостях была приятельница мамы с дочерью. Девочка была старше мальчика года на три-четыре, не по годам сообразительна. Оттого и с удовольствием была отправлена с мальчиком прогуляться по дому, чтобы женщины могли о чем-то своем поговорить. Детская комната гостью не заинтересовала. В кабинете-библиотеке они тоже долго не задержались, из столовой, прихватив ягоды и кексы, выскочили на веранду. Покатавшись в качалке, постреляв косточками вишен в птиц на лужайке, они заглянули и в комнату к бабушке. Бабушкино рукоделье привлекло внимание гостей. Разглядывая вязаные салфетки, она вдруг увидела на одной из них в рамке военного. Какая-то недетская ненависть вспыхнула в глазах девочки, прошипевшей: «Фашист!».

Она потребовала от него недетского поступка – уничтожить эту фотографию. Тогда от нее он впервые услышал слово «Холокост» и то, что люди его национальности в неоплатном долгу перед всеми. Она много чего знала, и он беспрекословно подчинился какой-то исходившей от нее силе.

И вот теперь эта единственная фотография деда догорала в камине, а на мальчика уже накатывал ужас от сотворенного. Как сказать об этом бабушке? Он лишил ее последней фотографии деда. А ведь не раз он слышал, как та, глядя на этот снимок, что-то шептала. Содеянное так и осталось его тайной, никто не обнаружил золы, запаха. После бесчисленных поисков фотографии по дому, все вроде бы забылось, только бабушка перестала улыбаться, принимать участие в его играх. А потом и она покинула их, открыв ему горе потери.

Мужчина еще раз попытался стряхнуть сажу с манжеты.

Вот он уже подросток. Каникулы. У них в гостях мамина кухи-на, молодая женщина, недавно возвратившаяся из дальних краев.

Она со смехом рассказывает маме о своей парижской жизни, а его нарочито именует своим кавалером. Ах, если бы она знала, какими свидениями она расцветила его комнату. Однажды он обнаружил, что со случайно оставленной после ремонта стремянки можно прекрасно наблюдать в окно, как плещется в ванной эта женщина. Она выбирала время, когда все предавались послеобеденному отдыху, и подросток мог подолгу сидеть на стремянке никем не замеченным. Он и прежде любил рисовать, а тут уже весь блокнот был изрисован женскими телами. Ему уже попадались журналы с обнаженными красотками, а друзья-приятели делились возможными и невозможными событиями своей жизни. Фантазия дальше подсказывала сюжеты. И он рисовал уже целые комиксы с этой постоянной обнаженной героиней. Похоже, она почувствовала его разбуженный интерес, и ей нравилось, как он вспыхивал и заливался краской, стремительно убегая от искусительницы. Это не ускользнуло от внимания матери. Стремянка была убрана. А ему настойчиво предлагали начинать готовиться к занятиям в гимназии, к отъезду.

Взять с собой эти блокноты он не мог, и оставлять рисунки тоже не решался. Верный друг камин должен был помочь огнем очиститься от этих неприличных рисунков, греховных фантазий, вызывающих чувство стыда. И на этот раз все сошло с рук.

Картины прошлого проносились с такой стремительной скоростью, что во всеобщей праздничной суете как-то незаметно было его молчаливое уединение. Смех. Музыка. Пение. Декламация стихов.

Вновь он у камина. Он уже наловчился отодвигать решетку, чтобы делать кострище у дальней стенки камина. Негодование сменяет апатию, раздражение провоцирует ругательства. Да что такое они себе позволяют – эти женщины в его жизни. Ведь

в отношениях – никаких обязательств. У каждого своя жизнь. А если временами тянет друг к другу, так это извечная человеческая природа – желать удовольствий.

Эта женщина даже особо не запомнилась. Несколько встреч, взаимное удовлетворение, никаких перспектив в отношениях. Если что-то и обещал – так это, считай, до третьих петухов. А дальше в новом дне какие-то новые события, встречи, связи.

И вот теперь в руках письмо, да еще с фотографией ребенка. Нет, он ничего не обещал, никаких разговоров вообще о беременности не было. Обычная интрижка. Как это часто бывает: возникают какие-то люди в суете будней, жизни, совместные тусовки, а потом – то ли исчезают, то ли деваются куда-то на время, чтобы потом вновь всплыть отношениям...

Несется река жизни когда бурно, с водоворотами, когда очень медленно, так, что хочется все кинуть и бежать на другой край земли.

И жизнь какая-то неустроенная, хотя есть и дом, и родня, близкие люди, но очерчен круг, и никому шагу нет за черту к себе любимому...

Вновь приступ раздражения, и письмо летит в огонь, соревнуясь в быстроте с мыслью: «А надо было все-таки взглянуть хотя бы на адрес»...

Как-то кольнуло сердце. Это что еще? Растерялся.

Неожиданно стыд плеснул жаром в лицо. В погоне за удовольствиями, в суете упущено нечто главное в жизни. Слава Богу, что такое открытие сделано!

Мужчина встал, еще раз отряхнулся. Да, все облетело. Сажа облетела... Ее как будто и не было. Что за странные игры камина?

Почему понадобилось вдруг выплыть из далекого прошлого этим давно забытым событиям? Тем моментам, о которых говорят: «Если бы можно было переписать жизнь заново, уберечься от ошибок!».

Кто знает, может, у каждого есть нечто – совершенный пропуск, о котором бы очень хотелось забыть, спрятать его за тяжелой каминной ажурной решеткой? Память постарается сделать это для души, ведь иногда так хочется забыть о неприятном событии, подобно страусу, спрятавшему голову в песок.

Однако всему рано или поздно – свой черед. Пусть грехи проявленные, видны только нам самим, они – строительный материал нашего опыта жизни, как и раскаяние.

Какое все же удивительное волшебное время Рождество! Вместе с известным каждому Таинством рождения Спасителя происходит всякий раз рождение и в нас самих чего-то нового, чистого и удивительного.

Не упустить бы повод – начать новый год с чистого листа.

Лишь расчистить завалы памяти, и сразу станет заметно, что светлее в нас самих и вокруг.

А снег все сыпал и сыпал на дома и каминные дымоходы, на сады и парки, на шпили церквей и телебашни, на города и веси...

Нелли ВИСТ

ОБЫЧАЙ БИТЬ ПОСУДУ НА СЧАСТЬЕ

Совсем недавно я была приглашена на свадьбу. Сама свадьба и большинство традиций мало чем отличались от свадеб в России, разве что пьяных не было. И жених молодец, и невеста красавица. Все было на высшем уровне! Но вот одна традиция или обычай, меня приятно поразила. Перед официальной регистрацией брака, затем венчанием в церкви, имеет место еще одно предсвадебное празднование. Гости приглашаются на «Polterabend», что в переводе на русский язык означает – вечер битья посуды. На это празднование приходят соседи, друзья, близкие, одноклассники, коллеги, знакомые и незнакомые – все, кто хочет поздравить молодых. Снимается помещение или ставятся большие палатки: напитки, музыка, легкая закуска и веселье до утра. Но самое главное – все кто приходят, приносят с собой тарелки, цветочные горшки, вазы и прочее (только не стекло), подходят к молодым и все это разбивают на мелкие кусочки, приговаривая:

– На счастье!!!

Молодоженам вручаются цветы, сувенирчики и небольшие подарки. А молодые приветствуют и угощают пришедших. В конце вечера жених с невестой сметают все осколки под визг, крик и танцы развеселившейся толпы.

Деревни в Германии очень отличаются от русских деревень. Как правило, – это частный сектор, большие ухоженные двух- и трехэтажные особняки или виллы, с цветочными газонами, подстриженными деревьями, со свежескошенной травой у дома, в которых живет более обеспеченная часть населения страны. Эти деревни или поселки, как у нас говорят,

городского типа, находятся недалеко от больших городов или являются почти окраиной города. Они оснащены всем необходимым: магазины, автозаправки, пожарные, полиция, медпункт и прочие блага цивилизации. Но в селе нет большой индустрии, чистый воздух, тишина и покой! Вот в одном из таких поселков, откуда родом жених, и отмечали этот праздник. Народу пришло очень много, наверное, все население поселка, плюс друзья, знакомые, бывшие одноклассники и сослуживцы – около трехсот человек. Точно определить, сколько именно гостей прибыло, было сложно, ибо одни только подходили, а другие уже уходили. Музыка, танцы, аттракционы. Преподносили в дар цветы, небольшие сувениры и конвертики.

Я поинтересовалась у родителей жениха, которые были родом из этой деревни:

– Что значит эта традиция?

И вот что услышала в ответ.

– Это очень древняя традиция, своего рода, знак внимания и уважения к односельчанам, потому что в формировании и воспитании личности ребенка, будущего семьянина-мужа и отца семейства (так же и жены-матери) принимали участие не только родные и близкие, а так же все односельчане, в том числе школа, детский сад и т.д. А люди, пришедшие на праздник, принимают эту благодарность и ценят ее.

Затем мать жениха поведала историю, которая уже стала семейным преданием, как зародилась эта традиция в деревне:

«Давно это было. Пришла осень, время свадеб. Той осенью в нашем небольшом селе предвиделось две свадьбы. Женил своего старшего сына Юргена, Матиас Беккер. Беккеры стояли крепко на ногах, они имели большие угодья, много скота. Хозяйство приносило хорошие доходы. Сам старик Беккер был жадноват и хитроват, из всего выгадывал выгоду. Вот к примеру, даже в том году. По весне пошел падеж скота, многие хозяйства не досчитались коров, свиней и самое главное – лошадей. Куда крестьянину без лошади?! Очень тяжело пришлось особенно тем, у кого и так почти ничего не было. Беккеры услужливо одалживали своим соседям лошадей, но под большой залог или высокий процент. Кстати, а самого

Матиаса горе обошло стороной. Конечно, шушукались бабы в селе по этому поводу.

Еще одна свадьба намечалась в нашем селе у Петра Шульца. Горе прямо-таки поселилось в их доме в том году. После Рождества слегла мать Петра, и никакие врачи не смогли ей помочь. В конце января она скончалась. Остался старый Шульц один со своим сыном и бедным скарбом. По весне околели две коровы, правда, телята остались живы. А через недельку одна из лошадей тоже сгинула. Шульцы вели скромное хозяйство, но в основном старик промышлял на каменоломне. Он разбивал большие камни, которые продавал на строительство, а некоторые обрабатывал для кладбищенских надгробий. Сын красивый, высокий, добрый хлопец помогал ему во всем. Но много ли вдвоем заработаешь на крепком камне?

Без женщины в доме было сложно: некому обед сварить, постирать, коров подоить, скот покормить. Совсем замучились мужики без женской помощи. Приглянулась Петеру славная девушка из соседнего села Анна-Мария, и нрава веселого, и работящая, и вдобавок – красавица. Да с красоты воду не пить. Жила она в многодетной бедной семье. Приглянулись молодые друг другу и решили по осени свадьбу сыграть. Уже и сватов послали и согласие получили.

Начали думать отец с сыном, на что же свадьбу справлять? Урожай выдался не плохой, на предстоящий год и корма для скота, и запасов для себя достаточно, но излишков нет. На каменоломне дела не ахти как идут, нужна техника и оборудование, да хотя бы лошадей побольше. И решили они продать на ярмарке старую соху и борону, а на вырученные деньги жеребеночка купить и пару бочек пива, да еще чего на предстоящую свадьбу.

Запряг Петер старенькую кобылку, уложил соху и борону и отправился с утра пораньше в город на ярмарку. Старик дома на хозяйстве остался.

До обеда простоял Петер со своим товаром, и никто ни разу не остановился и не посмотрел в его сторону. Да и верно: кому нужны по осени соха и борона?

А на ярмаркелюдно, весело! Скоморохи веселят публику, музыка играет, пиво, сладости, ароматные булочки.

Рядом с Петером торговал порохом и патронами молодой разудалый парень. Бойко шла у него торговля, даже очередь выстраивалась. Время от времени подходили к соседу скоморохи, обменивались словами, видимо знакомые, и выкрикивали на всю ярмарку о необходимости приобрести порох и патроны для осенней охоты и долгой зимы.

Во время небольшой паузы спросил сосед Петера:

– Что продаешь приятель?

– Да вот соху и борону.

– А кому ж они по осени нужны, ты до весны сбереги, там и подороже продашь!

– Это я и сам понимаю. Да вот жениться надумал, не на что пиво купить на свадьбу.

– Ну, не переживай. А живешь-то где?

– Сразу за городом, в небольшой деревне.

– А невеста хороша?

– Красавица!!

Подозвал он скоморохов, сказал что-то. И завертелось дело. Стали скоморохи на всю ярмарку песни петь да покупателей созывать, что мол молодец женится на красавице, а старые очень добротные соха и борона, почти за бесценок продаются. И стали подходить к Петеру люди. Сначала он продал борону и чуть позже соху и очень удачно продал. Купил он пива, копченых колбасок и всего необходимого, а часть денег для жеребеночка отложил. Перед тем как домой отправиться, пригласил соседа, продающего порох, и его друга-скомороха к себе на свадьбу.

– Да с большим удовольствием, – ответили они. – Мы прямо сейчас с тобой бы поехали и переночевали у тебя, если не возражаешь? Нам в городе оставаться – никакого резона нет. Так и решили.

Старый Шульц после того, как сына на ярмарку отправил, управился со скотом, починил забор, подмел и прибрал, как мог в доме. Хотел было чистую тарелку в буфете взять, а там паутина и паук жирный на красивой бутербродной тарелке сидит.

– Да, нет хозяйюшки в доме, – посетовал старик.

Чтобы не стыдно перед невесткой было, которая через пару деньков захозяйничает здесь, решил он всю посуду перемыть и в буфете прибрать.

Вынес посуду во двор, перемыл ее и оставил на столе в саду сушиться. А сам занялся другими делами в доме. И в это самое время налетел сильный ветер, разогнал кур, посрывал оставшиеся яблоки на ветках, раскидал и разворотил все во дворе, перебил все крынки на заборе и посуду, сохнувшую на столе.

Бывает в этих местах так, налетит враз ветер, набеснуется, все переломает и тут же тишина, как ни в чем не бывало.

Вышел старик во двор, а там... Только собрал все черепки в кучу, лишь одна бутербродница уцелела, незаметный отколышек возле ручки, оставил он ее, жалко было выбрасывать. В это самое время сын с гостями домой вернулся. Отужинали с общей посуды. Поутру гости решили хозяевам помочь крышу починить и сено на сеновал скидать. Осень, скоро дожди нагрянут. Увидели соседи, что работа большая серьезная у Шульцев, хоть и имеется подмога, но за день не справятся, а на небе темные тучи гуляют. С одной стороны соседи подошли, с другой, и закипела работа.

К вечеру с крышей и сеном справились. Пригласил Петер всех отужинать с ними, только попросил с собой посуду принести, ибо ветер всю перебил.

Благодарные хозяева открыли бочку пива, вынесли копченые сосиски и радушно угощали соседей.

Тут же подошли родители невестки вместе с Анной-Марией, обговорить некоторые детали, предстоящей свадьбы. Удивилась мать невестки:

– Что это гости к вам со своею посудой идут?

Встал Петер, выложил аккуратно хлеб с красивой, отколотой бутербродницы и бросил ее к ногам невесты, воскликнув:

– На счастье! Пусть старая посуда вдребезги на счастье разбивается, а новая на счастье собирается!

Рассказал он про вчерашний ветер, который всю посуду перебил.

И стоило только начать! Посыпалась посуда на счастье, полетели осколки! Детвора увидев это, тут же по всему селу разнесла:

– У Шульцев посуду на счастье бьют и всех соседей приглашают!!!

Подходили новые и новые соседи, вскоре все село собралось здесь, всем хватило пива и копченых колбасок. А кто не желает свежего пива?! Подходящие благодарили хозяина и молодых, отпив пива и откусив колбасы, кидали тарелки на счастье. Многие подходили с подарками: кто с корзиной яблок, кто нес сыр, копчености, несколько новых чашек или тарелок, отрез ткани, кувшин с цветами и многое другое. Скоморох со своим другом играли на дудочке и бубне, веселили пришедших. Веселье длилось до утра, под утро разгоряченная публика, под веселые шутки, смех и прибаутки, танцуя на осколках, заставила будущих супругов сместь все обломки в кучу.

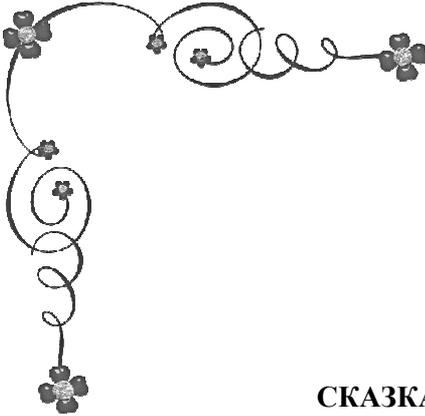
И на следующий день соседи, кто еще не успел, подносили небольшие подарки для молодых, в знак благодарности за то, что никто не остался забытым.

Так и появился этот обычай. А через пару дней свадьбу сыграли. После свадьбы гости из города осмотрели каменоломню и предложили семье Шульц открыть новое дело. Строились новые города и дороги, а для этого нужен был камень. Продавец пороха оказался знатным взрывником, умел верно заложить шурф и правильно рассчитать направление взрыва. А скоморох, его друг, был грамотным и знающим человеком по этой части. Так открылось новое предприятие, а село стало расширяться и богатеть.

Ну, а что касается Бекеров, свадьба была богатой, запахи от всевозможных яств разносились далеко за пределы села, но никто из односельчан не был приглашен на свадьбу, и даже соседских ребятишек, как положено, не угостили сладостями. На следующее утро после свадьбы, Бекеры обнаружили у ворот дома кучу свежего вонючего навоза.

Получай по заслугам!».

Виталий БОНДАРЬ

СКАЗКА О ТУФЕЛЬКЕ

– Не кажется ли тебе, что все вдруг может исчезнуть?

– Никогда!

А.С. Грин «Бегущая по волнам»

Однажды я шел по улице имени Золушки и нашел туфельку.

«Странно, – подумал я, – город молодой, послереволюционный, последних сто лет здесь не ступала нога ни одной принцессы».

Я положил туфельку в саквояж и свернул в проулок Санди Пруэля. На весенних деревьях распускалась первая листва, а в воздухе витал аромат исцеляющей не востребованности. Я видел, что дорога ведет на вершину холма, за которым скрывается, то ли морской простор, то ли спуск к городской свалке. Впрочем, статуя бегущей женщины, высящаяся вдали, внушала мысль о первом.

Я шел и не мог поверить в счастье. Еще в поезде меня не покидало предчувствие, что с поездкой на восток придется повременить. Размытая грань между Вчера и Завтра стала приобретать очертание, когда поезд поравнялся со станцией, и пустоту вагона заполнила плотная атмосфера Настоящего. Она-то и вытолкнула меня наружу, оставив на незнакомом перроне с пустым кейсом и членским биле-

том «Союза неизвестных писателей». И все-таки я был уверен, что любое отклонение – лишь продолжение пути.

«Бывает так, что окольная тропа короче прямой», – подумал я и шагнул в неизвестность.

– Гостиница кварталом выше, – усмехнулся моему удостоверению постовой и махнул жезлом. – Спросите площадь «Иванушки дурачка», вам любой покажет. Только будьте осторожны, в городе частят метеоритные дожди...

Я пожал плечами и улыбнулся в ответ: «Я люблю дождь»...

Я шел по мостовой, нисколько не тревожась тому обстоятельству, что вокруг исчезали предметы. Та вещь, на которую падал метеорит, в мгновение превращалась в прах и золу. Я старательно отыскивал среди них следы Золушки. Блестки, золотистые волосы – все указывало на то, что направление верно.

Свернув на проспект «Творчества Андерсена в новом переводе», я неожиданно натолкнулся на странного человека.

«Еще никому не удалось увернуться от метеорита», – загадочно сказал он и шмыгнул в закоулок с табличкой «Ошибка Пелевина».

Я хотел было его окликнуть, но того и след простыл. Лишь запах йода свидетельствовал о болезни мужчины, либо о близости моря. Я пошел на этот запах, как зверь на приманку, и вскоре окончательно выбился из сил. Бесконечная череда улиц и переулков с замысловатыми литературными названиями привела меня к пирсу, уткнув в подножие постамента.

Щурясь от солнца, я нехотя запрокинул голову и был поражен величием открывшегося зрелища. В дымчатом ореоле, блистающем бронзой нимбе, надомной возвышалась статуя девушки. Ее простертые к небу руки, воздушные волосы, сама фигура, словно

вылитая из воска, выражали невесомую грацию и в то же время редкую целеустремленность. Казалось, она готовится к прыжку, влекомая неведомой силой... И тут я заметил, что на одной ноге красавицы недостает туфельки. Словно удар молнии меня пронзила страшная догадка.

«Так вот кому принадлежит находка! Чья-то злая шутка или розыгрыш наивного туриста? – я уже слышал, как взревели от хохота трибуны. – Возможно, это представление устраивает невидимый зритель с каждым заезжим простаком не чуждым сантиментов. Вот тебе и город благодарных читателей».

С трудом приходя в себя, я не различал голосов вокруг, пока громкие выкрики не вернули меня к действительности. Грубая брань между мужчиной и женщиной заставили меня обернуться.

Похоже, выяснение отношений достигло апогея, так как человек в кителе расхохотался и, язвительно приложив руку к фуражке, пошел прочь. Послав вдогонку окурков, его спутница достала зеркальце и, поправив белые локоны, направилась в мою сторону. На ее запястье виднелись свежие синяки. Поравнявшись, она вдруг покачнулась и, не устояв на шпильке, схватилась за мое плечо. Злобно зашипев, блондинка стащила туфлю и в сердцах швырнула ее в кусты. Ярость в глазах женщины готова была разгореться с новой силой, когда она взглянула на меня... Словно оглушенные, застыли мы не в силах пошевелиться.

– Вы так похожи на эту статую! – сказал я наконец.

– Это моя бабушка.

– Тогда возьмите, – я протянул находку. – Туфелька принадлежит вам!

– Как странно, в детстве у меня была такая же, но она осталась в прошлом.

– А вы примерьте! Туфелька непростая, она вернет вас себе... так же, как город подарил мне встречу с вами!

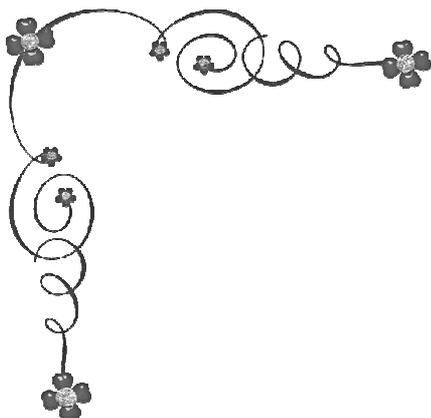
– Увы, времена сказок прошли, и я не недостойна ее владельца.

– Не нужно «сурового века», что бы узнать под грязной одеждой Золушку! Ваше платье замарано и грубо, но под его рваниной скрывается нежный цветок. Первая же утренняя роса смоеет с него пыль, и он заблагоухает. Позвольте вернуть вам счастье!

– Мне кажется, я уже счастлива. Но если вы... тот, кого я забыла, пообещайте, что мы никогда не перейдем на «ты»...

С тех пор мы не расстаемся. Иногда, когда я вижу, как в ее лице гаснет свет, мне кажется, что я сплю в поезде, а мимо пролетает бумажный город. Тогда я больно щипаю себя за ухо... Чтобы не уснуть.

Наталья ГАРБЕР

ЭТЮД

Они играли вместе. Два рояля на сцене – белый и черный – как две огромных ладони. Видимо, они договорились, что все будет честно. Поэтому после каждой сюиты или ноктюрна они менялись местами. Марусин был крупный огромный мужик с большими руками, кровь с молоком, под два метра ростом. Мунь Чень – маленький вьетнамец, еле дотягивающий до полутора метров и юркий как лавочник.

Около каждого рояля стоял крутящийся стульчик. Когда они менялись местами, Мунь Чень выкручивал стульчик до максимальной высоты, а Марусин спускал его до минимальной. В результате Марусин выглядел как взрослый, усевшийся на детский трехколесный велосипед, а Мунь Чень едва доставал ногами до педалей. Они играли этюды для двух роялей, автора я не помню, только скрип выворачиваемых и вворачиваемых табуреточек. Еще помню Марусинские всплески – он играл сочно, будто сажал звуки в грядку и они у него там разрастались как в сказке. А Мунь Чень был нежный и звонкий: играя, он покачивался как цветок на ветру и излучал не звуки, а тонкий запах. Нежный запах ванили в кондитерской лавочке.

В конце второго отделения запах ванильного сада ясно держался в воздухе, и у меня слегка кружилась голова. Они кланялись, почти держась за руки, как дети – большой и маленький. Мунь Чень после

концерта вернулся домой, и больше я о нем не слышала. Знатоки говорят, этот концерт был его звездным часом. Марусин вскоре тоже уехал, но в Англию – и сделал себе ослепительное имя на Западе.

Лет через двадцать я увидела телеинтервью Марусина. Он велел журналистке перестать называть себя исполнителем.

– Как же вы сами определяете свои отношения с инструментом? – удивилась та.

Марусин задумался и сказал:

– Я с ним живу.

– Бывает, что вы слушаете свои старые записи и недовольны ими, потому что сегодня совершенно иначе воспринимаете эту музыку?

– Нет, я всегда очень внимательно относился к записям. Я с полной отдачей стремился достичь наивысших результатов в своем школярском состоянии, то есть приблизительно до 45-летнего возраста. Результат был всегда настолько серьезен и искренен, что никогда не раздражал меня впоследствии.

Он очень рано понял, что нужно срочно бежать от времени, подниматься над ним, как над национальностью. Становиться надкультурным и вневременным. Его эмиграция была частью этого плана. Он говорил, что признак настоящего произведения искусства именно в том, что, отделившись от своего создателя, оно выстраивается само – по законам времени, в котором живет и развивается человечество. И не устаревает.

Журналистка спросила его о судьбе известного пианиста. Марусин придвинулся к собеседнице как к роялю.

– Он не поднялся до настоящего величия, потому что недостаточно серьезно работал над собой в философском отношении. Довольно рано развился, твердо верил в свое изумительное дарование

и обладал громадной энергетической силой. Но так никогда и не поднялся до духовных высот, на которых человек уподобляется Создателю. И время его за это погубило. Основная работа при любом даровании идет внутри. Мы все это знаем, читали ж в книжках. Но почти никто эту работу не делает, потому что она очень серьезна и тяжела. Играя Шопена, мелочной лавки из души не выкинешь, а она мешает звучать.

Камера взяла общий план, и я отметила, что у шестидесятилетнего Марусина по-прежнему огромный рост, молодой голос, отличная пластика и задорный вид. Он заиграл глазами, журналистка подалась вперед и игриво сказала:

– Вы так резки в суждениях!

Марусин в ответ подскочил, нажав ногой на несуществующую педаль.

– Как же не быть резким, если мы говорим о культуре – ведь от нее зависит существование планеты, ее благополучие, развитие! И вы ждете, что я буду дипломатично отстаивать свое творческие кредо?!

Он надвинулся на собеседницу с такой страстью, что девушка слегка отпрянула. Марусин тут же быстро откинулся, как если б закончил играть этюд. Журналистка испугалась, что потеряла контакт, вскинула микрофон и с надеждой спросила:

– Скажите, должен ли музыкант рассказывать о своей жизни, быть открытым для публики, для прессы?

– Должен или не должен – это личное дело каждого, правда? – пианист выпрямился в кресле, вскинув руки как птица. Потом быстро продолжил. – Зависит, прежде всего, от характера. Но вопрос этот стоит поднять на метафизическую высоту. Художник, я думаю, обязан быть открытым и чистым, как кристалл. Каждый, кто ставит

себе великие цели, должен от мелочной лавки душевной стремиться к космической чистоте!

Последний аккорд своей речи Марусин подкрепил тем же резким, отрывающимся от клавиш движением руки, которым заканчивал когда-то играть ноктюрн с Мунь Ченем. Журналистка почему-то радостно рассмеялась, я – тоже.

Интервью закончилось, на телеэкране пошли титры на фоне записи вчерашнего концерта Марусина. Он играл Шопена – сосредоточенно и страстно. В окне концертного зала белела звезда. В зале бурно дышали женщины и распускались невидимые цветы.

Несколько бутонов выпало из телевизора на ковер моей комнаты. Я подобрала их и поставила в вазу. Они до сих пор стоят на окне и пахнут свободой.

ЛОНДОН ЕМУ ПОНРАВИЛСЯ

Лондон ему нравился, потому что в нем богатые люди одеваются просто. Он и оделся просто, когда приехал – зашел в Harrod's и оделся. Пиджак, рубашка, брюки, цилиндр, трость – куда уж проще, даже без галстука.

И что же? Все на него оборачивались: «Ишь, разделся, как павлин!». Но английский он знал не в совершенстве, так что слов не разобрал. Кроме того, взрослые в толпе шептались тихо, а глазами выражали приличествующую британцам дистанцию. А молодежь, конечно, шумела и пальцами показывала, но что с них взять: они ж шалуны, да еще половина из них мулаты, как и он. Горячая кровь! Так что в ответ на смешки и улюлюканье наш герой только улыбался и приподнимал цилиндр. И для себя решил, что вполне достаточно понравился лондонской публике.

Так, в прекрасном настроении, бормоча «как dandy лондонский одет – и наконец увидел свет...», он не спеша добрал до Букингемского дворца. Не задумавшись, пускают туда сегодня или нет, путешественник просто вошел в ворота, продефилировал по дорожке сада между высоких, отменно подстриженных кустов, и оказался у широкого озера. Повернулся и... увидел королеву.

Монаршая особа сидела в задумчивости, у ног ее играла белая собачка английской породы. Королеве наш герой очень обрадовался, потому что та была одета почти столь же просто, как и он: шляпка, костюмчик, перчатки, туфельки – все очень скромно и, что важно, ровнехонько по последней моде, которая была ему известна.

Осталось решить, как к королеве подойти. Он подумал так: времена сегодня демократические, а я человек не безвестный. Подойду прогулочным шагом, заведу с высокородной особой приятную бе-

седу, а потом поэму напишу или, может, повесть. А если Муза закапризничает, так по возвращении домой просто придумаю историю для друзей – и пусть гадают, было иль нет.

С этими мыслями он приосанился и медленно подошел к Ее Величеству, уважительно играя тросточкой. Раскланялся, собрался было что-то сказать, а та посмотрела на него и говорит: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». И собачка тут же залаяла, вторя ей: «Ай, ай!».

Наш национальный герой подумал, вынул из кармана потертый блокнотик и карандашом в нем начеркал:

*«В высоком лондонском кругу
Моя придирчивая Муза
Не хочет должного союза,
И я с ней спорить не могу».*

Убрал записную книжечку в карман, откланялся и пошел дальше – парк был великолепен, а в голове уже начинали кружиться легкие строчки.

Татьяна ГУРЬЕВА

ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ ДЛЯ СТАРЫХ ВЕЩЕЙ

Когда я приступила, наконец, к разбору старого ящика с вещами, чудом сохранившимися от переезда со старой квартиры, зажатого в кладовке кастрюлями, старым пылесосом и банками с засахаренным вареньем, в голове появились странные мысли. Вещи, как люди, старели, теряли актуальность и угасали. Но справедливо ли это? Неужели вот эта истертая шляпка с пером и стеклянрусом не может кого-то порадовать?

Или эта брошь в виде цветка, с отломанной застежкой, расцвеченная всеми цветами радуги. Я представляла себе, сколько радости и энергии дарили незатейливые безделушки женщинам, готовившим себя к таинству преображения. Это таинственное состояние больше всего интересовало меня. Покойная свекровь рассказывала мне, что неизменным атрибутом женщины довоенного и послевоенного поколения был тюбик губной помады. Даже в военные годы женщины умели наспех «сделать» себе лицо. Иметь при себе зеркальце было необязательным. Свекровь предпочитала черный карандаш, которым рисовала брови. Это было модно – тонкие, выгнутые дугой брови в стиле Марлен Дитрих. А почему я вспомнила Марлен? Наверное потому, что она тоже была, как и моя свекровь, певицей. В свое время низкий голос с хрипотцой приобрел популярность благодаря образу Лолы-Лолы, певички из портового кабака, – героини фильма «Голубой ангел». Но великолепная Марлен выбивалась из образа простой кабацкой певицы. Уже тогда было понятно, что это восходящая звезда кинематографа. Кроме того, что совсем немаловажно, Марлен встретила своего режиссера Джозефа фон Штенберга, который и создал

то, что вошло в историю кинематографии – символ, образ, микс из непостижимой сексуальности, утонченности и холодной сдержанности. В том числе и нарисованное лицо. Видимо женщины разных времен понимали, что лицо можно нарисовать как портрет на холсте, выпячивая одни черты лица и затушевывая другие. А песни, которые исполняла Марлен низким хрипловатым голосом?

«Мальчики толпятся возле меня, как мотыльки вокруг огня. И если их крылышки горят, это не моя вина».

Ну и текст! Фантастика! Брызги шампанского!

Голос, который призывно устремляет слушателя к счастью или катастрофе – какая разница, западает в душу. Голос моей свекрови, оперной певицы Люси, напоминал голос великой Соломии Крушельницкой. Оперные арии – символ музыкального эстетизма, утончают вкусы и, если вы заметили, никогда не выходят из моды. Женственность тоже никогда не выходит из моды. Перед второй мировой ее было особенно много. Шляпки и броши, замысловатые фасоны платьев и пальто, туфли на шпильке, перчатки и никакого минимализма. Шик, блеск, красота! Вопреки сложным временам, вопреки подступившей войне, вопреки нацизму. Да здравствует невероятная женственность, которая, в конце концов, спасет мир!

Свекровь была очень женственной и хрупкой, похожей на лилию – королевский цветок с примесью жасмина. И даже ее подушечка источала подобный запах. А горло! Какие нежные звуки оно издавало. Когда из окон доносилось пение, люди улыбались. Поют – значит, счастливы. Значит, в доме мир. А если в доме горе, окна зашторены тяжелыми шторами как во время налетов. Там, за шторами, порхала она среди своих любимых хрустальных вазочек с фруктами. А вот Марлен была соткана из противоречий и недоговоренностей. «... Даже если бы у нее не было ничего, кроме голоса, им одним она могла бы разбивать сердца. Но она еще обладает таким прекрасным телом и таким бесконечным очарованием лица», — писал один из знаменитых поклонников женщины-загадки Эрнест Хемингуэй.

Я знала, что жизнь Марлен не была такой уж легкой и невесомой, как ее легенда. Однако, после ее появления оставался шлейф духов, миф

о прекрасной Женщине, сказка... Неразгаданная мистерия об ангеле, спустившемся с небес. Зачем кому-то знать, что за этим стоит обыкновенная индустрия. Пластика, новая прическа, контуры лица и фигуры, взмах ресниц, скулы, сводящие с ума, и запах – аромат *Angelique Encens* – «Голубой ангел». Даже духи этой удивительной даме посвятил великий парфюмер маэстро Крид, и они стали визитной карточкой Марлен.

Платочек с легким запахом духов я обнаружила среди лоскутков кружевного вечернего Люсиного платья. Платье несло в себе замысел отчаянной авантюры. Фантазируя и перемещаясь во времени, я представила себе, что в нем собиралась встретить после войны мужа моя свекровь. Тоненькая как березка, с девичьей фигуркой оперная певица, она не просто шила себе платья, она создавала образ. В том числе и трагический. Когда шьется подобное платье, ты же не знаешь, вернется с войны твой любимый или нет. Возможно крой и моделирование фасона отвлекают тебя от невеселых мыслей, что всякое может быть. Настроение платья невольно передалось и мне. Разложив лоскутки на твердой поверхности, я анализировала проймы, прошвы, вставку из кружев, складки и вытачки. Что делать? Платье неумолимо восставало из пепла как Феникс. Удивительные прежние ткани не расплзались, а четко ложились на размеченные мелом места. Порой они напоминали мне крылья бабочки, с которых стряхнули пыльцу.

Жаль того времени, когда каждая женщина сочиняла свой фасон за швейной машинкой, представляя себя в самых выигрышных позах. Наверное, после долгожданной встречи, они бы выпили коньяку или крепленого вина с замысловатым названием вроде «Курдамюр» или ликеру «Северное сияние», за здоровье вернувшегося. А потом платье, шурша, спустилось бы к ногам, как старая кожа, обнажая вождеденное тело, потянувшееся к ласке. Скатерть, залитая вином, слезы, смешавшись, дополняли картину встречи. Наверное, белая сорочка мужа стала великовата, он же похудел и ссутулился. Но прежние вещи вернули его к прежней жизни. Он всегда любил белые накрахмаленные сорочки. И музыку патефона, тихую, потому что она пела всегда под патефон для него. А пластинки

создавали настроение. Прищур любимых серых глаз был гораздо желаннее, чем взгляды всех невероятных красавцев мира вместе взятых. И руки..., конечно, они тоже оставались прежними, знакомыми, но не совсем... после стольких лет разлуки!

Лиловая бархатная портьера помогла сохранить ей равновесие, когда она устремилась в спальню, а сил идти, как оказалось, не было. И ватные ноги в туфлях на высоком каблуке сослужили плохую службу. А если она их сбросит, что поможет ей сохранить изящность и утонченность, которую он так любил и ценил в ней? Получалось, что она не шла, а подтягивала тело вслед за ним, теряя на ходу шпильки, мысли, брошку, и себя, чтобы возродиться для новой жизни...

Жизнь продолжалась в новом качестве, а платье сыграло свою роль... Старые вещи помогали сыграть роли, поддерживали как проверенные друзья в сложные минуты жизни и уходили... Я понимаю, что платье с кружевными вставками хранили долго, не в силах расстаться с ним. И даже лоскутки играли свою роль, заставив задуматься над тем, как мы играем свои роли, приходим и уходим, оставляя после себя события значимые и не очень...

Потом я вспомнила, как у меня сжалось сердце, когда осенним ненастным днем мы избавлялись от старых вещей перед переездом. Ратиновое пальто, костюмы, вышедшие из моды, галстуки с незатейливым рисунком. Тогда в моде все было сдержанное и неброское.

Макинтош, соломенная шляпа произвели в свое время на кого-то впечатление, но... Сердце болело, мне казалось, я хороню своих друзей, что-то ушло из моей жизни безвозвратно... Я просмотрела собственный гардероб. Конечно, ничего похожего на вещи в стиле Марлен Дитрих я не находила. Почему-то было мало вечерних платьев, платьев-коктейль, бальных, видимо, я не Женщина-праздник. Не думая особенно над тем, почему так произошло, пыталась смоделировать и понять, за что меня любит мой муж. Не пресна ли я, не обиденна, и не утратила ли тот редкий статус любовницы, который навсегда придает женщине блеск в глазах, кураж, авантюрное настроение... Парча, ажур, атлас, нежный мех, брюссельские кружева, органза – не могу похвастаться, что всего этого было

в избытке. А также – декольтированных сарафанов, горжеток, боа, накидок, горностаевых палантинов... Видимо, я была простой обыкновенной женщиной, обладательницей невыразительного скучного гардероба.

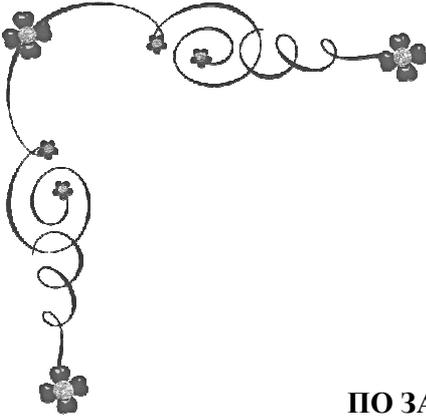
«Ш-ш-ш-ш...», – прошуршало в ответ. Шелест шелковых лоскутков, которые я сложила в сундучок вместе с кружевным платочком и старенькой пудреницей из агата, остановил меня в желании провозгласить миру нашу общую с Люсей тайну.

– Какая же ты барахольщица! – заявила мне мама.

– Пусть, – сказала я сама себе.

Храня преемственность Люсиной жизни, возможно, я сохраняю свое, личное? Кто знает?

Леонид ВАТНИК

ПО ЗАГРАНИЦАМ

Здравствуйте, проходите... Да, мне звонила Надежда Петровна, рекомендовала... Хотя – мы с ней не родственники... Нет, я к вам лично ничего не имею, просто «нашим» не сдаю. Сначала вселятся, потом канючить начинают: «Дорого-дорого». А заканчивается обычными обвинениями – уехала и от земляков отреклась. На самом деле все наоборот: с год как воскресную детскую школу открыла и кроме директорства, догадаетесь, что преподаю?.. Родной язык и литературу!..

Да, да, сложности, ... а помещение, а учителя? Во-первых, педагоги с большими претензиями, считают, что, если они там были профессорами, то и у меня – профессора; во-вторых, родители хороши: мы же на самокупаемости...

...Сюда, пожалуйста, эта дверь ко мне, а вам в квартиру на втором этаже, ... мебель удобно заносить... Вот и салон. Правда, очень мило?! Просторно.

Несколько лет назад у меня собралась большая компания Новый год встречать и без места никто не остался. Пригласила эмигрантов предыдущей волны, такие благообразные старики и старушки. Сначала некоторые, кто меня не знает, завели свой обычный разговор:

– Ах, Маргариточка, ну вы совсем не похожи на ту, что недавно ОТТУДА, даже странно.

А как выпили, да закусили, то при открытых окнах грянули:

*Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.*

И голоса не дребезжали, и давление не подскочило. А вы говорите – забыли. Все помнится.

Но настоящее чувство к отеческим гробам, если можно так выразиться, я ощутила еще до всего, при старой власти, во время нашей длительной командировки... Осторожно, порог, здесь спальня, ... еще одна... Можно присесть – и вид из окна. Неплохо?..

Ну да, ... послали за кордон мужа, а я с ним... Что вы на меня так смотрите? Думаете: как ЭТУ да за границу пустили? Ага, не отпирайтесь, я все знаю. Так вот, скажу прямо: я – коренного происхождения, хоть и рыжеволосая, и имя – Маргарита – на мысль наводит. Фамилия у меня по мужу, вот он действительно... Но особенный, проверенный. Мой Миша – гений синхронного перевода. Крутили-вертели, а лучше его – нет. И, несмотря ни на что, в случаях неурядиц с основным составом, брали наверх... Ну, туда, к самим... Настоящую проверку Миша прошел в Африке, когда вместе с делегацией «потерялся», и посольство на Мадагаскаре не могло их найти. Из МИДа мне звонили, паниковали, думали, что он мне телефонировал. Я в Мишанин институт побежала: может им что известно? Один умник с его кафедры комментировал:

– Такие, как ваш муж, когда свое государство замыслили, место для него выбирали, и, знаете, Маргарита Анатольевна, в одном из проектов был назван Мадагаскар. Может, ваш благоверный из новейших отцов-основателей?.. Шучу.

Видите, как издевались! Но я ни секунды не сомневалась, что скоро муженек объявится. Потом выяснилось, что принимающая сторона завезла их для ознакомления с экзотикой на какой-то туристический островок, да забыли сказать, что обратный самолет через две недели. Мол, отдыхайте, наслаждайтесь. А денег, помните, тогда обменивалось только на кофе, ни позвонить, ни уплыть. Так наши там на одних бананах, как обезьяны, жили. Вот и вся проблема! Мог сбежать, но не сбежал.

Я своего Мишаню знаю, как облупленного. На самом деле он «Лев»... Да-да, по гороскопу. Политика их не интересует. Львы тело свое любят, любят им... Не спорьте, я в перестройку курсы по звездам вела, знаю,

что говорю... Он целый день голый по квартире ходит, на свои ноги поглядывает, строчит переводы – уже за литературные взялся – и больше ему ничего в жизни не надо. Все голый. Бывает я ему:

– Хотя дети и взрослые, но постеснялся бы!

Так он рукописью прикроет: вот так – перед, вот так – зад, расхаживает туда-сюда, по очереди маскирует то – то, то – другое, и туда-сюда, туда-сюда. Что вы смущаетесь? Ничего особенного. Мы люди современные.

После истории с островом все поняли, что Мишаня надежный человек, и его по переводческой линии направили в наше посольство, к чехам. Ну, а я – не просто довеском – факультет культпросветработы как-никак окончила и диссертацию защитила... Зачем вам название темы? Вы что, из Академии Наук?.. Так вот, в посольской школе работа на общественных началах для меня нашлась: детские утренники, елки, 8 Марта; сама сценарии пишу, репетирую. Я, конечно, в багаже привезла боевую подругу: швейную машинку подольского завода. Мы с ней – с самого института. У Мишани – словари, а у меня – она, голубушка.

Дипломаты дипломатами, а как маскарадный костюм пошить, то их жены ну ничего не могут. Помню, одну такую остановила, говорю:

– Вашему Сереженьке нужен костюм волшебника.

А она так беспардонно:

– И где его взять?

Я, конечно, возмутилась.

– Тебя что, в детстве мама шить не учила?

Она глазами хлопает.

– Нет, меня не учили.

– Ну, так поди купи, если не можешь.

Она вдруг, как окрысится, укусить готова.

– Что вы себе позволяете?!

А что я позволяю? Правду сказала. Не для себя же стараюсь. Директор школы между нами бегаёт, успокаивает. Короче, забрала она ребенка из спектакля и здороваться перестала. Но я вижу, что через них, неумех,

представление сорвется, и давай свою ненаглядную швейную эксплуатировать. Тут она и начала капризничать. Мишаня, хоть и не слесарь, но голову имеет, поглядел, пощупал и говорит:

– Видишь этот болтик? Ему – конец, сносился. Пора в ремонт.

И понесла. В ихнюю мастерскую. Они поглядели – все вежливо – и предложили сделать чистку. Чистку так чистку. Оставила на неделю. А сама иголкой – вручную – терплю.

Прихожу, когда положено. Выставляют машинку, она блестит, братья славяне улыбаются и – счет за чистку.

– А болтик?

– Нету, пани, болтика к этой модели. Рады были обслужить, заходите еще.

Трех-тебе-дох! Вот номер. Что делать? Несу в другую ихнюю починку.

Там еще более сладко меня встречают, смотрят больную, говорят:

– Болтик мы поищем, но без чистки не беремся.

– Какая еще чистка, ее уже чистили!

– Да, будьте любезны, посмотрите сами, чистили, но не дочистили.

Ну, куда деваться от гладких гадов?!

– Ладно, берите.

И ушла моя помощница еще на неделю. А я опять – за иглу. Шутки что ли: сам посол обещал посетить спектакль.

Прихожу, деньги они берут за чистку, а болта нет.

– Увы, запчастей не имеется, очень ценная модель, прямо «антик».

– Какой антик, всего двадцать лет назад сделана.

– Сожалею. Может, продадите для коллекции? Мы ее в витрине поставим, как символ портняжного ремесла.

Трех-тебе-дох! Дудки!

Забрала домой. Что делать? А ничего! Не уступать – и все. Ждать. Тут телеграмма от свекрови по поводу нашей квартиры. Есть возможность сдать ее года на два. Нужно лететь самой, договариваться. Ага! Вот и удача. Я пакую машинку – и в аэропорт. А тут зима – задержка рейса.

Прилетаю только вечером, беру такси и прямо к пункту ремонта. Спешу: завтра выходной, а в понедельник с утра к нотариусу – и возвращаться. Выволакиваю страдальницу мою из багажника, в дверь ломлюсь. Куда там: закрыто! Ну, думаю, все, сейчас заплачу. Гляжу: за мутным стеклом тень какая-то. Я давай колотить; стучу, что есть мочи. Эта тень как-то неуклюже к дверям подбирается и оттуда мужским голосом орет:

– Закрыто! Закрыто!

А я не отступаю, рву ручку. Взыли петли, вылезает мятая рожа и по матери меня:

– Разуй глаза, туды-растуды, который час знаешь? Закрыто, тебе говорят!

Я изловчилась, в щель машинку вдвинула, чтоб он не захлопнул, и прямо в эту помятость кричу:

– Мил человек, мне только болтик, понимаешь, один только болтик!

Он от неожиданности аж отпрянул, а я за ним, и дверь на замок. Чую, от мужика так сивухой прет, что не продохнуть с мороза. Но мне все равно, продолжаю талдычить про болтик. Ставлю свое чадо на замызганный прилавок и футляр снимаю.

Мужик совсем озверел.

– Пошла вон...! Отдохнуть не дают... ПРИДУШУ!

Но тронуть боится: понимает, что много принял и со мной ему не совладать. Тут его ошалелый взгляд упал на то место, куда я тычу. Наверно в голове у него что-то разомкнулось, только вижу: он под прилавком шарит и оттуда чемоданчик фибровый вытаскивает. Мат стоит несусветный, под эту музыку откидывается крышка, а там – трех-тебедох! – железного хлама немерено! Мужик то на меня, злобно, то на столик в углу зыркает. На том столике стакан недопитый магнитит его; бутылку, видно, успел засунуть куда-то. И бегаёт он глазами туда-сюда, туда-сюда, костерит всех святых, а рукой вот так вот – не глядя! – в желудке того чемодана возится. Потом достает большим и указательным пальцами мелкое что-то и, опять же вслепую, в мою машинку вставляет. Щелчок! Колесо машинки ловко крутанул, а она, милая, в ответ: чух-чух, чух-чух, чух-чух – работает!

Я прямо обниматься полезла, деньги ему сую, а он чуть не плачет от досады:

– Пошла вон, растуды-туды, вместе со своими погаными деньгами! Понаехали, даже расплатиться по-человечески не могут, басурманы проклятые! Закрыто, понимаешь!!!

Я конечно вошла в положение, футляр накинула – и за дверь. Замок клацнул.

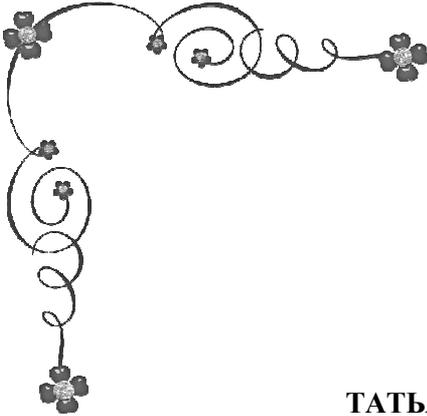
Стою на пороге. Тишина, снежинки падают, темень.

И хоть железная подруга руки обрывает, пот с меня течет, а я – счастливая... Вот счастливая – и все! И на том крыльце почувствовала себя настоящей патриоткой. И такая до сих пор. То-то и оно... А ты – Канада, Канада...

... Мда, и как решим? Тут – центр и метро рядом... Нет, при всем уважении... Жить же надо, есть-пить, и наше, и дочкино авто свое берут... Ну я не виновата, что ты только сейчас эмиграцию оформил. Думать надо было раньше, когда дома были дешевые. Мы под Мишанину зарплату кредит брали. Банк – куда ему деться? – деньги дал, хоть из четырех в семье только один работал, так что успевать надо было... Ой, только не будем про детей... Кстати, какого они возраста?.. Хулиганят?.. Жаль. Мы, в отличии от всяких там случайных школок, специализируемся на трудновоспитуемых... Ладно, все равно приводи. У меня наши традиционные, проверенные временем методики. О таких и не слыхивали в этой тупой Северной Америке...

Тебе здесь нравится!? Что может нравится? Одни гомики... Одежда – дрянь, еда – еще хуже. И ты мне рассказываешь, как дома было тяжело!? Ах, оставь. Лучше родной стороны ничего быть не может. Это я поняла давно, еще до эмиграции...

Татьяна МАРТЫНОВА

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Я ходила как безумная по Парижу. С моего лица не сходила улыбка. Был чудесный январский день, мой день. День ангела. Именины. Татьянин день. Никто об этом в Париже не знал. Но мой ангел-хранитель знал точно. Я была в мой день в городе моей мечты. И погода была по-настоящему весенней, как в мой день рождения...

В Париже светило солнце, надо мной было голубое небо с белоснежными перистыми облаками, и очень тепло для зимы – плюс десять. В воздухе даже пахло весной. А еще свободой, может даже покоем, размеренностью и, конечно, Сеной. Я перешла через мост. Notre-Dame de Paris манил меня своими квадратными башнями и причудливыми узорами из камня. И не одну меня. В этот солнечный день здесь было полно людей: и перед площадью, и в сквере, и на набережной. Дети играли в песочнице в сквере у собора, катались на качелях, убегали от родителей, а те с удовольствием догоняли их или просто, сидя на скамейке, наблюдали за ними с довольной улыбкой. Влюбленные бродили, обнимаясь и целуясь, по набережной; старички сидели на скамейках и радовались теплым лучам солнца; дамы в шляпках выгуливали собачек в пальтишках... Я шла по улицам и радовалась этому городу-чуду. И вот снова мост, я в очередной раз переходила Сену. Мимо меня проносились машины, автобусы, мотоллеры и велосипеды. Кто-то куда-то спешил. А кто-то просто проходил мимо. Людей было много. Много и таких же как я, с фотоаппаратами. Красота ведь необыкновенная. По Сене проплывали один за другим прогулочные катера. Они то исчезали, то снова появлялись из-под очередного

моста. Солнце готовилось уже садиться, и в свете его лучей и без того красивые и величественные здания приобретали волшебные светящиеся контуры. Башни, купола, фонари, река, мосты, люди... Я не знала, что фотографировать в первую очередь. Я вертелась из стороны в сторону, выбирала мотив, настраивала резкость, фотографировала. А потом снова и снова... Какая невообразимая красота! Как запечатлеть мне все это так, чтобы и на фото сохранилось это присутствие чуда...

– Excusez-moi...

Я обернулась.

– Parlez-vous francais?

– No, German and English.

Передо мной стояли двое мужчин. Один из них, азиатской наружности, обращался ко мне.

– А вы бы не могли сфотографировать меня с другом? – спросил он уже на английском.

– Да, конечно.

Мужчина протянул мне свою мини-сони.

– Нажать надо вот тут.

– Да, я знаю.

Я сделала одно фото, потом второе, для гарантии...

– А вы фотограф? – этот вопрос мне задал уже второй мужчина, вполне европейской и очень привлекательной наружности.

– Нет, но я хочу им стать.

– А откуда вы? – продолжил он разговор.

– Из Украины. А вы?

– Я из Парижа, вот другу город показываю. А вы здесь надолго?

– Нет, сегодня вечером я уже улетаю. Я в Париже проездом. Всего на пару часов. Но я всегда хотела увидеть этот город. Поэтому не смогла усидеть в аэропорту.

– И что, нравится?

– Безумно. Это просто фантастика! Очень красивый город.

– Вы тоже. Знаете, а я даже сфотографировал вас.

Он показал мне несколько кадров, которые сделал здесь, на мосту, когда я фотографировала...

– О, обычно это я фотографирую людей. А тут сама попала в кадр. Приятно.

– Вы очень красивая. И такая увлеченная... А... скажите, вы бы не хотели погулять по Парижу в компании?

– Не поняла...

– Я хотел бы показать вам мой Париж, хотя бы немного. Мне бы хотелось погулять с вами по городу хотя бы пару часов.

– Oh, oui, merci. Это было бы чудесно.

Он переговорил со своим другом. Тот сначала с непониманием слушал и смотрел на него, потом у него на лице появилась понимающая улыбка, он перевел взгляд на меня, улыбнулся и сказал другу: «Да, нет проблем. Я тебя понимаю, такая чудесная женщина...».

А потом обратился ко мне: «Приятной вам прогулки. Париж – чудесный город. Особенно, если вам его показывает парижанин...».

И мы пошли гулять по набережной. Мой спутник выглядел так, как в моем понимании и должен выглядеть француз: высокий, стройный, кучерявый, темноглазый, элегантный, с немного соблазняющей улыбкой. Не особенно красив, но привлекателен – с шармом, как говорят. Я спрятала фотокамеру в сумку. Мы оба не очень хорошо знали английский, а потому больше молчали, чем говорили. И гуляли. И время от времени смотрели друг на друга... Когда я увидела Эйфелеву Башню, невольно остановилась. Ни с того ни с сего на глаза мои накатились слезы. Слезы радости и умиления. Мой спутник взял меня за руку.

– Ты такая красивая. Ты – как мой любимый Париж...

А потом мы дошли к Pont Neuf, одному из самых известных и красивых мостов Парижа.

– Я давно хотела увидеть этот мост. Еще с того времени, как посмотрела фильм «Любовники с моста Pont Neuf».

– О, а ты видела этот фильм? Это один из моих любимых.

– И моих. Обожаю Жюльетт Бинош, как впрочем и Софи Марсо, Изабель Аджани, Эммануэль Беар, Катрин Денев, Фанни Ардан... Я обожаю французское кино!!! И еще французскую музыку! Они самые лучшие!

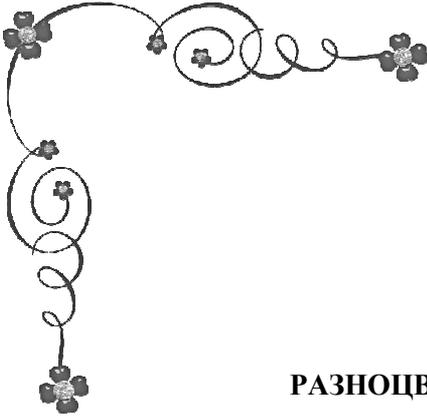
– Я никогда не видел такой женщины! Magnifique! Ты просто чудо!

Я видела блеск в его глазах. Его улыбку. Я стояла на одном из самых красивых мостов Парижа, вдали виднелась Эйфелева башня, солнце медленно скатывалось в Сену. Великолепный вечер в великолепном городе. Такой чудесный вечер. И сложно описать мои чувства. Сложно описать мои мысли. Я стояла и смотрела на него. А он – на меня...

Потом мы зашли в кафе на углу. И выглядело оно так, как во французских фильмах. Мы сидели на улице. Да, не смотря на январь, мы сидели на улице. Рядом стоял фонарь-обогреватель, который дарил и тепло, и свет. И это было чудно. Ты сидишь в январе на улице, пьешь *café au lait* и ешь эклер. Настоящий, французский. С нежнейшим шоколадным кремом... И звучит милая французская музыка, и рядом француз... Разве это не сказка?...

И вдруг, совсем рядом, я почувствовала присутствие ангела. Ангела-хранителя. Он подмигнул мне и, улыбнувшись, сказал: «Это мой подарок тебе на Татьянин день...».

Алиса ОРЛОВА-ВЯЗОВСКАЯ

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ДОЖДЬ

Все плохо. Плохо и противно. Еще этот нудный, тоскливый, серый дождь. Настя никогда раньше не замечала, что дождь серого цвета. Тягучие, унылые капли.

Да, у нее все ужасно. Отношения с Игорем, проблемы на работе. И теперь этот серый дождь! Хочется спрятаться, не видеть никого, не разговаривать ни с кем. Надо будет выключить телефон, свернуться калачиком, накрывшись пледом и закрыть глаза. И хорошо бы одеть наушники, чтобы не слышать невыносимого стука дождевых капель.

Если человеку не везет, то во всем сразу. За стеной у соседей громко играет музыка. Идиоты там что ли живут! Включают одно и то же в сотый раз. Настю уже мутит от аккордов аргентинского танго. Сколько можно? Ну, подождите, меломаны чертовы! Сейчас выслушаете все, что про вас думают! Ничего, что придется идти в соседний подъезд, ничего.

Ну, правильно, что еще хорошего могло произойти по дороге? Мало ей опять мокнуть под этим несчастным серым дождем! В подъезде не работает лифт.

Настя злобно пнула дверцы лифта. Равнодушные дверцы не среагировали, зато лопнул лак на сапоге. Самые нарядные сапоги! Она на них полгода копила! Ну, все! Теперь держитесь!

Настя с силой вдавила кнопку звонка. Показалось долго копошатся за дверью. Наконец открыли. И Настя, набравшая полную грудь воздуха, что бы начать орать уже с порога, задохнулась. На нее смотрела девушка в инвалидном кресле. Настя оторопела, стояла, молча, не зная как теперь выпутываться.

– Вы к нам? – спросила девушка и улыбнулась.

– Кто там, Леля?

– Пока не знаю, но на вид очень симпатичная женщина.

– В коридоре показался молодой человек, и тоже в инвалидном кресле!

Насте захотелось провалиться сквозь землю, стать невидимкой, растаять в воздухе.

– Леля, ты загораживаешь дверь, как же гостя войдет?

– Ой, извините, пожалуйста, проходите, проходите, обувь не надо снимать, у нас ковров нет.

Настя вошла в прихожую, начала что-то мямлить про музыку. Самой ей казалось, что она не говорит, а блеет как коза.

– Вы, наверное, соседка, да? Простите нас, пожалуйста. Мы не подумали, что так слышно через стену. Ой, как неудобно получилось. Понимаете, у нас вечером выступление. Мы с Мариком танцуем танго, хотели еще чуть-чуть движения отработать. Но мы так громко больше не будем включать.

Они ТАНЦУЮТ танго! Оба, в инвалидных колясках!

– А что мы все в коридоре толчемся! Вас как зовут? Настя. Очень приятно. Я Марик, а это моя жена Леля. Проходите в комнату, мы вас угостим замечательным фруктовым чаем. Вы, наверное, никогда не пробовали такой чай. Нам его друзья привезли.

– Леля, проводи Настю в комнату, я поставлю чайник.

Настя пыталась отнекиваться. Хотела соврать, что дома куча дел и вообще ее ждут. Но почему то стало стыдно перед ребятами. И Настя осталась.

Через какое-то время ей стало казаться, что она сто лет знает Марика и Лелю. Незаметно перешли на ты. Настя почему-то легко перескакивала с темы на тему. Рассказывала о себе. И даже неприятности выходили в рассказе, какими-то смешными и не серьезными. Леля взмахивала руками, ойкала, смеялась. И Настя смеялась и, не осознанно, копировала Лелины движения.

Потом отодвинули стол, и Марик с Лелей показывали свой танец, постоянно поясняя, что в комнате места мало, но на выступлении будет зал,

и вот это, и это движение, будут смотреться эффектней. Они выступают на конкурсе танцев для людей с ограниченными возможностями. Конечно, хочется победить, хотя бы из спортивного азарта. Но там многие ребята замечательно танцуют.

Как они поедут? Да очень просто, за участниками приходит специальный автобус. Они сто раз уже ездили выступать. А Марик даже участвовал в параолимпийских играх. Только он не занял призовое место. Но зато они с Лелей познакомились с такими ребятами! И теперь к ним приезжает друг Зденек, подруга Магда. А к Энтони, они ездили сами. Только куда-то ехать без сопровождения им трудно и не положено. И получается дорого. Но вечерами они могут общаться в интернете.

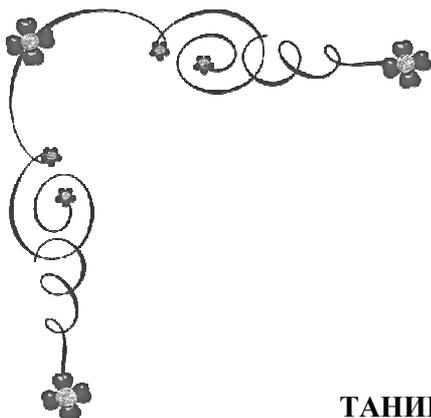
Потом стали рассматривать Лелино концертное платье. Насте очень понравилось. Ткань такая красивая, черная с блеском. Блондинке Леле должно очень пойти. Только жалко перчаток нет. Леля считала, что танго надо обязательно танцевать в длинных кружевных перчатках. Марик говорил, что это роли не играет. Главное – танец. Но Настя тоже начала доказывать, что такая музыка просто обязывает – это же танго! И тут же, эмоционально как Леля, всплеснула руками.

– Лелька! Я вспомнила! У меня есть длинные перчатки. Кружевные, как ты хотела. Я сейчас быстро, я мигом, они черные, ну как раз то, что надо. Настя выскочила из-за стола:

– Марик, дверь не закрывайте, я сейчас.

Она сбежала вниз по лестнице, выскочила из подъезда и вспомнила, что не одела плащ. Ну и ладно – не сахарная, не растает. Дождь продолжал монотонно стучать по карнизам. Нет, не монотонно, если прислушаться, похоже на вступление аргентинского танго. Пока добежала до своего подъезда, вымокла до нитки. Уже открывая дверь, Настя зачем-то подставила ладонь под падающие капли. А дождь-то, оказывается, не серый – он цветной! Все капли разного цвета!

Сейчас, сейчас, она принесет Леле перчатки. И еще, надо взять розу. У нее была, где то красная искусственная роза. На черном платье она будет выглядеть потрясающее!

Анастасия БАБИЧЕВА

ТАНИНА МОЗАИКА

Желтый,
желтый,
белый – раз,
коричневый
и снова желтый...
А теперь зеленого – раз, два, три... шесть!
И еще одну желтую, тут, в середине.

Поле кончилось. Цветы заняли все поле. Можно сидеть и любоваться. А можно перевернуть мозаику. Она рассыплется. Таня перемешает детали и начнет снова – будет рисовать поле и цветы. Мама Оля говорит, что у Тани нет... Какое красивое слово она потом говорит! Сложное! Но у Тани получится, Таня запомнила. Потому что

СИ – это кошка Сима, она живет в коридоре на первом этаже. СИ, иди погулять.

МММ – это мама Оля, как Таня зовет ее. МММ, и мама Оля скоро придет. А если не придет сразу, Таня зовет громко МММ! МММ! И мама Оля все равно приходит.

ЕТ – это вЕТер, он веЕТ, дуЕТ. Когда открыто окно, мамы говорят, что Тане надо сидеть подальше. Когда открыто окно, дует ветер, дуЕТ вЕТер.

РРРРР – так рычит грузовик под окном. Тогда мама Оля ласково говорит, что Тане не надо бояться, что это привезли хлеб. А хлеб бывает очень

вкусный. Когда под окном рычит грузовик, хлеб всегда бывает вкусным. А мама Лида не любит грузовик. Когда грузовик начинает RRRRRрычать, мама Лида хлопает окном и сердито говорит про хлопок-хлоп газы.

ИИИ, когда Таня боится. Когда приходит врач, Таня боится. Когда мама Оля долго не приходит, Таня боится. Иногда Таня боится даже маму Лиду. Если мама Лида сердится. Но она не обижает Таню, поэтому Таня редко боится маму Лиду. Когда Таня боится, она как будто маленькая. Большая, но маленькая. И Таня хватается себя руками, и больно вцепляется, и Тане больно. Таня не хочет снова быть маленькой. Тане лучше большой! И Таня боится еще сильнее! ИИИ, ИИИИ, ИИИИИ! Мама Оля говорит, что Таня смелая, Таня не должна бояться. Взрослая, смелая девочка, так говорит мама Оля. И мама Лида тоже, только сердито. И Таня слушает своих мам, и отпускает себя. И остается только тихое ИИИ...

Я. Мама Оля говорит Тане называть себя «Я». Мама Оля медленно говорит:

– Скажи, «я хочу». Не «Таня хочет», а «я хочу».

Мама Оля берет ладонь Тани, прикладывает к Таниной груди и говорит: «Я». Таня повторяет: «Я». Мама Оля чуть-чуть хлопает ладонью по Таниной груди и говорит: «Я хочу пить». Таня повторяет: «Я хочу пить. Я ачу пиинииинить». Мама Оля хвалит Таню, Таня должна говорить «Я». Я.

Я слушаюсь маму Олю, потому что мама Оля хорошая. Мама Лида тоже хорошая, но сердится. Я Таня. Я хочу пить. Я. Вот это красивое слово мама Оля говорит про поле с цветами: СИ-МММ-ЕТ-RRRR-ИИИ-Я.

– У твоих цветов нет симметрии.

И мама Оля учит меня, как ставить детали мозаики си-ммм-ет-rrrr-иини-чно. Мама Оля объясняет, что си-ммм-ет-rrrr-иини-я – это когда в центре белый, по бокам синий, еще по бокам два желтых. Когда ровно со всех сторон – желтый, желтый, синий, белый, синий, желтый, желтый. И наоборот тоже – желтый, желтый, синий, белый, синий, желтый, желтый.

Мозаика стоит на столе, а на столе лежат цветы. Это они растут на поле – пасонуки. «Пасонуки», – говорит мама Оля, – это моя клеенка. Клеенка с пасонуками. Я могу долго смотреть на эти цветы, а потом рисую их из мозаики. И я точно знаю, хотя мама Оля говорит по-другому, что

у пасонуков нет си-ммм-ет-ррррр-иии-и. Цветы на моем столе, я смотрю на них каждый день, и точно знаю. Желтое пятно – лепестки. У других цветов лепестков мало, я могу посчитать. У пасонуков лепестков очень много, я не могу считать так много. Лепестки все разные, все разные. Я точно знаю, нет одинаковых. Коричневое пятно – серединка. К серединке крепятся лепестки. Серединка – дом лепестков. Зеленое пятно – листья. Один большой, один маленький, тоже разные. Много листьев, но лепестков больше. Пасонуки большие цветы. Белое пятно – между цветами. Пасонуки растут на белом поле. Белое большое, желтое большое, зеленое маленькое, но много, коричневое, зеленое большое, белое совсем маленькое, а желтое всегда большое. Нет си-ммм-ет-ррррр-иии-и, я долго смотрела, я долго считала, я проверяла, нет. Я хочу показать маме Оле, тыкаю пальцем в пасонуки и говорю: «Нет си-ммм-ет-ррррр-иии-я». Мама Оля не понимает, потому что си-ммм-ет-ррррр-иии-я долгое слово. Я забываю, когда начинаю говорить. Но я запомню, хорошо запомню и скажу маме Оле, что у пасонуков нет си-ммм-ет-ррррр-иии-и, что я рисую правильно, я рисую хорошо. Мама Оля спрашивает, почему я не беру красный и синий. Я беру желтые, зеленые, белые, коричневые кусочки. Красные и синие оставляю. Потому что у пасонуков нет красного и синего. Желтые – лепестки, коричневая – серединка, зеленые – листья, белое – поле. Красного и синего нет. Я долго смотрела, я точно знаю. Я говорю маме Оле «нет», она сначала смотрит на меня, а потом говорит:

– Ну, нет, так нет.

И гладит по голове. Я точно знаю цвета, я проверяла. И я умею считать до шести. Один, два, три, четыре, пять, шесть. Потому что в моей мозаике шесть цветов. Один – желтый, два – коричневый, три – зеленый, четыре – белый. Четыре для пасонуков. Пять – красный, шесть – синий. Два у пасонуков нет. Четыре и два, всего шесть цветов. Я хорошо считаю до шести. Я рисую пасонуки из мозаики и считаю до шести.

Мама Оля подходит и спрашивает:

– Почему ты занимаешься только мозаикой?

И она забирает мозаику. Мне очень грустно, я люблю мозаику, но я

люблю маму Олю больше, поэтому я не буду плакать и бояться. Мама Оля забирает мозаику и приносит картинки. Мама Оля показывает разные картинка, мама Оля рассказывает. Картинки бывают в книге.

– Что здесь нарисовано, Танюша?

Я боюсь, я не люблю врачей.

– Правильно, врач делает мальчику укол, чтобы мальчик был здоровым. А здесь что нарисовано?

У тети красивые волосы, у тети длинные кудрявые волосы. У меня волосы черные, я видела в зеркало, я умею смотреть в зеркало. У меня волосы не кудрявые, а у тети кудрявые, красивые.

– Да, тетя сушит волосы феном. Посмотри, какого цвета волосы? Коричневые. У тети коричневые кудрявые волосы. А кто это здесь, давай посмотрим!

Я люблю птиц! Птички, птички, птички! Когда я иду гулять с мамой Олей, мы берем кусочек хлеба, который привозит грузовик. Хлеб вкусный, и мы кормим птичек. Птички летают, клюют хлеб. Я люблю птичек, мне весело, я смеюсь и машу им руками. А птички боятся и так смешно летят! Мама Оля говорит:

– Вот видишь, Танюша, не надо бояться!

Я смеюсь, птички, птички!

– Да, это птички! Умница моя. Посмотри, девочка кормит птиц хлебными крошками. Девочка сыплет крошки, а птички их клюют. Совсем, как ты! Давай посчитаем, сколько птиц на картинке?

Птичка раз, птичка два, птичка три, птичка четыре, птичка пять, птичка шесть, птичка шесть, птичка шесть...

– Давай считать вместе, где твой пальчик? Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Всего восемь птичек. Восемь, Танюша, восемь. Молодец, как ты хорошо посчитала!

А еще картинки бывают на карточках из картона или из дерева. Я люблю дерево. С одной стороны оно гладкое, ровное, холодное, там краской нарисована картинка. С другой стороны оно шершавое, теплое, там нет картинки. Я держу деревянную картинку, я глажу ее с одной стороны, а потом с другой. Ровное, шершавое, ровное, шершавое.

– Танюша, кто это? Кот! Этот кот серого цвета. А это кто? Кошка, она белая. Кот – это мальчик, а кошка – это девочка. Покажи мне, где кот? Умница. А теперь давай найдем, где кошка? Правильно.

У мамы Оли много разных картинок. Я люблю посмотреть картинки и слушать маму Олю.

Больше всего я люблю мозаику и рисовать пасонуки. Я смотрю на пасонуки на клеенке и рисую их из мозаики. Мама Лида всегда дает мне мозаику, и я рисую столько, сколько хочу. Мама Лида не приносит картинки. Мама Лида знает, как я люблю мозаику и пасонуки. Мама Лида не забирает мозаику. Зато мама Лида читает книги. Мама Лида ставит стул возле моего стола и берет книгу. Книги бывают разные – большие, маленькие, гладкие и мягкие, жесткие и неровные. Я люблю слушать, как мама Лида читает книги, пока я рисую пасонуки. Мама Лида вздыхает, когда начинает читать. Мама Лида часто сердится, и когда начинает читать, тоже сердится. Мама Лида сначала читает сердито, а потом читает весело, громко. Мама Лида тоже любит читать, и я рисую пасонуки весело. Мама Лида читает разные книги, но больше всего любит стихи. Про куклу и про слона, и про зайку, и про утку, и про самолет. А я знаю стих про мяч. Я помогаю маме Лиде читать:

*Мой веселый, звонкий мяч!
Ты куда помчался вскачь?
Синий, красный, голубой,
Не угнаться за тобой!*

У пасонуков нет синего и красного. Есть желтый, коричневый, зеленый и белый. Но синий и красный бывают! Когда мама Оля привела ко мне тетю, у тети на ногах были смешные синие носки. Тетя надела их на ботинки. Мне было весело! Тетя такая большая, а не знает, что носки надо надевать на ноги, а не на ботинки. Синие носки шуршали, я рассматривала смешные синие носки. А тетя достала из сумки мозаику и дала мне.

– Здравствуй, Таня. Какие у тебя красивые подсолнухи на столе! Я тебе мозаику принесла. А знаешь, из нее тоже можно сложить подсолнух.

Давай открою. Смотри, желтые детали, это будут лепестки. Коричневые, это серединка. Зеленые – листочки, а между ними – белые. Смотри, похоже? Я оставлю тебе мозаику, ты будешь с ней играть? Как будто рисовать, только не карандашом, а кусочками. Будешь? Ну и хорошо. Вот, я оставлю ее здесь, на столе.

И я рисовала, как сказала тетя. Я люблю рисовать пасонуки, красиво, хорошо. Пасонуки на клеенке, пасонуки на мозаике, пасонуки на поле. Поле я сама придумала, белое – поле. На поле пасонуки. Когда тетю привела мама Лида, у тети тоже был пасонук на кофте. У тети был белый халат, как у других тетей с улицы. И белый халат закрыл пасонук. Желтый пасонук на кофте. Тетя подошла к столу и села на стул, а я хотела посмотреть пасонук. Я схватила тетин халат и стала тянуть, чтоб снять. Я говорила тете снять халат, чтоб было видно пасонук. Тетя дернулась, тетя стала вставать. Я схватила крепко и тянула халат, чтоб снять. И тетя тоже тянула халат:

– Танюша, что ты, не надо, отпусти!

Я говорила тете, что не надо халата. Из-за халата не видно пасонук. А мама Лида быстро пришла и стала отрывать мою руку от халата. Я не хотела отпускать, я хотела снять халат. Я говорила нет, нет, нет, пасонук, пасонук, пасонук. А мама Лида говорила:

– Отпусти, отпусти тетю, Таня, отпусти.

Я отпустила, потому что я слушаюсь маму Лиду. А тетя совсем закрыла халатом пасонук. Я показывала на кофту, я говорила нет, нет, нет, пасонук! А тетя начала уходить, тетя пошла к двери. И мама Лида говорила:

– Вы ее нервируете. Вы ее испугали.

И тетя смотрела на меня и молчала, халат совсем закрыл пасонук. Мне было грустно, я хотела посмотреть пасонук на кофте! И я стала звать тетю, но тетя не подошла. И я стала звать громко, громко, громко. А мама Лида говорила:

– Выйдете сейчас же!

И мне стало страшно, пасонук пропал, страшно, ИИИИИ, ИИИИИИ, Тане страшно, пасонук, тетя! Таня схватила себя, Таня больно схватила, Тане больно. ИИИИИИИИИ! Мама Лида стала громко говорить Тане:

– Таня, послушай меня, все хорошо. Таня, все хорошо. Ты большая девочка, смелая девочка, ты не будешь никого бояться.

Но Таня не отпускала себя, Таня сжала себя, Таня стала маленькой, опять маленькой! Тане больно, Таня боится, Таня не хочет снова маленькой! ИИИИИИИИИ!!! Мама Лида говорит громко:

– Таня, посмотри на меня. Если ты не успокоишься, я позову врача! Все хорошо, ты должна отпустить себя!

Таня боится врача! Таня боится врача! Пасонук, пасонук, кофта, тетя, халат! Мама Лида обнимает Таню, крепко обнимает Таню. Таня не хочет врача, Таня хочет пасонух! Мама Лида крепко обнимает Таню, мама Лида любит Таню. Таня любит маму Лиду, Таня должна отпустить себя. Таня должна отпустить себя. Таня должна успокоиться. Тихо иииии, иииии, иии... Таня отпускает, отпускает, мама Лида гладит Таню по голове, тихо, тихо, гладит Таню... Мама Лида говорит:

– Ты молодец, Танюша. Хорошая, смелая девочка. Посиди минуточку, а потом я почитаю тебе про куклу, хорошо? Вот и молодец.

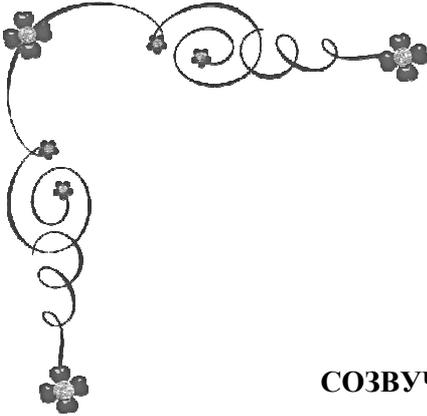
Мама Лида быстро идет за дверь. Таня слышит голоса, мама Лида и тетя. Тетя еще здесь, но Таня ее не видит. Мама Лида возвращается, говорит сердито, говорит тихо, но Таня слышит:

– Вообще, запрещу... Ходит теперь... А мне потом успокаивай... Раньше надо было...

Мама Лида берет книгу, садится на стул и читает про куклу. У куклы белые волосы. У тети черные волосы. У Тани тоже черные волосы. Таня видела в зеркале. Ухо, черные волосы, ухо. Си-ммм-ет-rrrrrr-иии-я. Я. Мама Оля говорит, что Таня должна называть себя «Я». Я Таня, я хочу пить. Я слушаю маму Олю. Я люблю рисовать.

От автора:

Этот рассказ написан по впечатлениям от общения с детьми-инвалидами. У меня нет медицинского образования, я не детский психолог; я всего лишь волонтер. Я почти уверена, что этот текст не обладает какой бы то ни было фактической, клинической точностью. Нет в нем и точности биографической. Зато он обладает точностью эмоциональной.

Светлана РОМАНОВА

СОЗВУЧЬЕ СЧАСТЬЯ

Счастливые дни бывают разные. Одни пробуждают нас светом блесток на ресницах любимого, другие открываются серебристым смехом ребенка в теплой пижаме с котятками или нежно дразнят нас перламутровым предвкушением грядущего необычайного события. А, может быть, счастливый день начинается с одного-единственного взгляда в осеннее окно и... вдруг солнце! Там сияет солнце в своей первой первозданности и ликования оттого, что суровая ночь закончилась и теперь будет утро, полное прекраснейших надежд!

А ведь нет такой эмоции – счастье! Есть радость, нежность, удивление, восторг, может быть, и экстаз! Но эмоции «счастье» отчего-то не существует! Почему же? И почему счастье называют неуловимым?! Оно всегда аристократично приходит чуть позже – когда день испит до дна, будто бокал молодого арманьяка и время подавать десерт, тогда и является оно – Счастье, со своими верными адъютантами!

Ох уж эти лукавые красавцы-адъютанты! Они даруют нам восторг – когда вы, дурачься, бежите наперегонки с лучшей подружкой по снегу вечером под звездами, которые прельщали вас и десять, и двадцать лет назад! Просто бежите, забыв, что в вашем возрасте ходят степенно, смотрят знающе, и холодный воздух врывается в легкие и будоражит кровь до кончиков пальцев! Испытываете ли вы счастье? Нет! Вы живете! В этот необыкновенный миг, когда мы не рассуждаем, не анализируем, не оцениваем – мы просто живем! Тогда сама великолепная сущность бытия открывается нам, полная надежд и жизненных сил, жизнелюбивая, такая, какие мы есть на самом деле! И мы можем удовлетворенно вздохнуть: ах,

это было счастье! А как же иначе назвать его божественный вкус – чернослива на языке, и можжевелевой горчинки, и ванильного мороженого, и терпкости перца, и сладости меда! Меда не потому, что сладко, отнюдь. А потому, что дни, полные нудных бесконечных повторов, наконец-то ушли, и мы теперь – мы и есть! Нельзя стать счастливым ничего не делая, лежа на диване под хруст орешков. Хотя, может быть, и можно, если это момент отдыха или посвящения.

Счастливые дни бывают разные – весна. Но не та, которую обычно рисуют: с газетными корабликами в ручьях, пронзительным светом с небес, птицами, ошалевшими от упоения! Представьте первую, еще белоснежную от снегов, осторожную весну, когда она еще зима. Весной только запахло, с придыханием, чуть-чуть, нельзя еще понять, что же это такое необычайное? Звон, запах, ветер, ласка? Эта хрустальность весны – созвучье чего-то в человеческой душе! Созвучье текущей воде – в разметавшейся гриве волос, созвучье ветру – в полах длинного пальто, созвучье капли – в задорном стуке каблучков. Весна созвучна душе. И вот оно – струится счастье!

Счастье – когда то, что происходит в нашей душе, созвучно миру! Мы – целый мир! И целый мир – в нас! И тогда, прозрев, сбросив тесную кожуру истраченных лет и отживших чувств, мы видим красоту в личиках младенцев в новых колясках, и в пухе волос старушек и старичков. И даже седые лопухи или собаки с репейником в хвостах становятся красивыми, когда мы счастливы! Отчего? Да потому что мы – созвучны миру, мы слушаем, как поет мир! Он поет величаво – на все голоса, какие только можно представить. Когда один звук громче, тогда другой тише: уверенно звучат аккорды человеческого стремления к истине, лепечут флейты нежности матерей, гремят литавры молодости и беззаботного смеха, звучит томительный саксофон любви. Ах, эта Небесная музыка! Где-то в нее вдруг врывается диссонанс страдания, а как же – это жизнь. Так поет мир. Так поет небо.

И как здорово сказать потом, за дымкой часа, дня, года, столетия: «Я был счастлив! Это было чудо! Я и не знал, как мне было хорошо». Но почему не знал? Потому что в этот момент жил! По-настоящему жил, всем

сердцем, душой, и некогда было разбираться «я счастлив или нет? очень счастлив или все-таки не совсем? сколько это продлится и будет ли мне еще?».

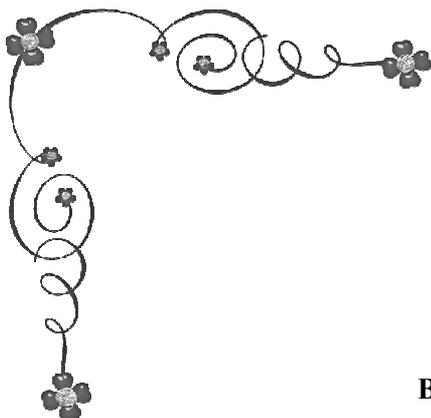
Счастье – удивительная штука! При нем не задумываешься, а взахлеб пьешь мгновение – до дна, до хруста, до конца. И вот, когда вино мгновения исчерпано, ты растворяешься в удивительном чувстве – понимании, что это и было счастье!

И только тогда оно – счастье, когда ты – это ты! Не бывает его, когда мы притворяемся, лжем, на сцене придуманного нами театра играем не свою роль! Когда мы смеемся не потому, что так положено или нужно, когда не оглядываемся на то, что думают другие, тогда смех – счастье! Когда лепечем над своим ребенком не потому, что он самый умный и красивый, а потому, что он – наш, мы счастливы. И когда выигрываем состязание или получаем свой заслуженный кубок – не потому, что повезло, а потому, что напряжение всех сил дало результат, тогда это – счастье!

Не стоит наблюдать, стоит жить. Не стоит бояться быть собой – стоит быть собой. Не нужно барахтаться в безнадежных словах: «я буду счастлив, когда придут деньги или слава», нужно просто оглядеться по сторонам и увидеть скрытые возможности, которые способны стать вехами на нашем пути к победе.

Счастье – феномен удивительный. Оно бывает наградой за жесточайшие испытания. Но их стоит проходить не потому, что за ними ждет нас награда, а ради того, чтоб победить их, себя, несправедливую судьбу. Опыт тоже счастье, вы замечали? Иногда по истечении времени, даже дни тяжелых мук человек может назвать счастьем. Потому что преодолел и преодолел, старался и получил. Счастье – на редкость оптимистично. Минута его способна даровать нам стимул жить год.

Счастливое время иногда настает уже после того, как мы его прожили, верно? Так давайте будем жить и наслаждаться жизнью! Надевая варежки рядом с любимым, стряпая для детей, которые урчат над своими уроками, озаряя мир стихами и прозой, выходя на свет, не падая и не давая упасть другим, вкушая розовый аромат счастья.

Елена СУПРАНОВА

ВОРОНЫ

Ворона долго летела вдоль полотна железной дороги, лишь изредка оглядываясь на оставшиеся позади родные поля и деревню, возле которой жила. Она была молодой и сильной, в черном оперении, отливающим синевой. Природное любопытство сыграло с ней злую шутку: ее манил блеск рельсов да и привлекали куски пищи, выброшенной пассажирами.

Уже на окраине большого города ей стало не по себе, было жалко деревни и своих соседей-ворон. За пищей, разбросанной по дороге, она, насытившись, теперь не опускалась. Перелетев за воробьями полотно железной дороги, немного покружила вместе с ними у моста и, делая размеренные взмахи, влетела в темноту, наслаждаясь тишиной и прохладой сумрачного подземелья и отдаляясь от воробьиной горячности. Услышав нарастающий шум сзади, она завертела шеей и, подгоняемая настигаемым ее страшным гулом и скрежетом, понеслась вперед, не зная куда. Из последних сил часто замахала крыльями и, обессиленная, рухнула у стены. Поезд промчался рядом, чуть не задев ее, и, свистнув, выскочил из-под моста. Оглушенная, ворона немного полежала, приходя в себя, потом поскребла крыльями по гальке, собрала их, прижала к ноющим бокам и заковыляла на свет.

Выбравшись из-под огромного старого моста, она мелкими вспорхами, осторожно цепляясь острыми когтями за камни и кустарник, взобралась на обрыв и оказалась в центре городской улицы.

– Смотрите, ворона!

– Ой, не могу: ворона сидит! Как низко!

– А, голубушка, попалась! – и камень пролетел, едва не задев черной вороньей головы.

Небо было и здесь голубым, но не таким чистым, как над родными полями. Куцые деревья не скрывали от мальчишек ее большое тело – того и гляди, опять просвистит камень над головой.

Суетливый город был полон людей, но она видела, что им тоже приходится вертеть шеями и оглядываться, чтобы не быть сбитыми машинами, снующими с улиц в подворотни. В воздухе над улицами стояла гарь. Глотая его, она задыхалась и не к месту каркала. А там, в ее родных местах, даже в больших полетах – к аэродрому, к дальнему гороховому полю или к сопкам – ей всегда хватало чистого воздуха.

Она летела над улицей со спешащими машинами и звенящими трамваями. Там, где улица кривила, на спуске мелькнуло зеркальце воды – свернула туда. Долго кружила над заливом, выбирая тихое место берега, чтобы передохнуть. Наконец, отдалившись от людных мест, ворона опустилась сначала на высокий тополь, расшвыривающий на ветру свои тяжелые последние сережки, осыпая редким пухом асфальт набережной. Посидев на высоте, привыкнув к незнакомым запахам – моря, жареного мяса и рыбного павильона, – перелетела ниже, на боярышник. Клюнув пару раз зеленую мелкую ягоду, она недовольно каркнула, осуждая себя за нетерпение, потом слетела еще ниже, к самой дорожке, заметив брошенный вафельный стаканчик из-под мороженого.

Взлетев снова на акацию, она, скрытая копеечной пыльной листвой, немного вздремнула, изредка приоткрывая один глаз и чутко востря слух. Уже в сумерках слетала к косе, что узкой полоской чуть возвышалась над водой, но напиток не удался, потому что вода оказалась горько-соленой до тошноты. Тогда, разочарованно покаркивая, полетела к высокой ели и уселась отдыхать до восхода солнца.

К утру пошел дождь, и лил целый день, то затихая, а то усиливаясь. Ель шумела под ударами ветра с залива, обрызгивая ворону. К ночи дождь перешел в настоящий ливень, вдруг захлопотало, засверкали молнии, зашумели потоки воды, несущиеся к заливу. Утро было тяжелое, давившее свинцовым небом и не обещавшее тишины. Вода нарыла ямин

под тополем и грозила повалить его. Он накренился только чуть-чуть, но ворона уже ждала, что упадет.

Дерево упало. Ворона каркнула, выглянув из-за елового лапника. Крыша киоска затрещала, посыпались электрические искры, земля ухнула под корнями великана, отпуская их.

Люди брели по воде, их лица были озабочены, водная стихия им надоела и добавила неурочных забот. Ворона полетела к рыбному павильону, села на мусорный контейнер. Дождь заливал мусор, но запах рыбы сильно бил в ноздри. Она сдавила когтями бросовую рыбину, отхватывая от нее клювом большие куски и, не обращая внимания на хлеставший дождь, удовлетворенно урчала, словно деревенский пес, отрывший кость из скотомогильника.

– Ишь, забралась в ящик, а вот тебе! – грязная вода окатила ворону. – Ну и наглая! Сашка! Тебе сколько говорить, чтоб крышкой закрывал мусорку! Санэпидстанция тебе покажет!

– А дождь? Это ж тайфун! Все в залив унесет. По радио сейчас передали: три дня лить будет. Такого понаделает!.. Вон тополь только что повалило у океанариума.

После дождя, вспучившего асфальт и нарывшего в нем ямин, засверкало солнце. Город горел и переливался, отражаясь в бурлящих потоках. Ворона облетала крыши, словно выбирая, но все они были одинаково раскалены полуденным жарким солнцем. Скоро ей наскучил зной, и она снова устремилась к морю. Теперь она знала, куда ей нужно – домой.

Оказавшись над городской свалкой, она решила передохнуть. Сытые и ленивые птицы здесь не затевали драк из-за куска добычи, но опасность подстерегала каждую: мальчишки устроили на свалке стрельбище. Они деловито заряжали рогатки гайками, ведя свой убойный счет.

– Сега, Сега, ты во-он ту, с отливом подсекай! Попал? Ты че? Она ж рядом была! Эта – залетная, видишь, крутит головой, не привыкла еще. Дай-ка я ее, дикуху!

– Да пошел ты! Сам попаду!

– Вить, а Вить, помнишь, как та ворона, ну, которая с ногой перебитой, ползала? Сидит теперь на веревочке.

– Счас одну подсек, а воробьи ка-ак загалдят, ка-ак начнут над головой летать, прям чуть глаза не выклевали.

– Ты в нее из укрытия целся! Они ж умные, эти птицы, учатся друг у друга.

– Придумал тоже! Это ж тебе не собаки. Если они такие умные, то почему не улетают?

– Так здесь же еды вон сколько!

Мальчишки выскочили из-за своих укрытий неожиданно, стали забрасывать камнями птиц. Возле каждого были кучки гальки, и они, целясь, подбивали птиц в радостном возбуждении. Это был инстинкт предков, охота ради вот такого возбуждения, которое еще долго потом, и дома, и в классе, будет звучать в детских головах криком побитых птиц.

Деревенская ворона отлетела на другой край свалки. Курился едкий дым, смердело овощной гнилью, без конца подъезжали машины и сбрасывали мусор. Вороне стало страшно и захотелось улететь: место было опасным, хоть и сытным. Она оглянулась раз-другой и собралась уже взлететь, когда увидела серого самца, ковылявшего к ней. В сероватом от золы оперении, кое-где с рыжими подпалинами, он приволакивал ногу, на шее болталась веревка, тяжелая от недавнего дождя. Черной вороне стало ясно, что Серый привязан веревкой, не пускавшей его далеко от колышка, вбитого в землю возле куста жасмина. Грустно посмотрев на блестящее оперение деревенской птицы, Серый хотел клювом распушить свои перья, но клюв только ткнулся в пеньку веревки, а голова дернулась.

Веревка была толстой, скрученной вдвое. Серый крутил головой, он тяжело стоял на больной ноге, и, растопырив нелепо крылья, присел. Черная подхватила клювом веревочную петлю и хотела перебросить ее через голову Серого, но тот не понял и отпрянул. Она еще раз скакнула ближе к нему и еще раз поддела клювом петлю на шее. Теперь Серый не мешал, замер и чуть склонил голову – и петля соскользнула к его ногам. Они заркаркали, но это была еще не свобода!.. Тогда Черная ухватила узел веревки возле лапы Серого, затеребила и стала клювом тюкать – по веревке, по лапе, по веревке, по веревке...

Две вороны были заняты веревкой, а мальчишкам надоело пулять камнями в стаи птиц на свалке. Они возвращались с охоты, размахивая в возбуждении руками, порою хватали камни, попадающиеся на пути под ногами, и продолжали их бросать...

– Смотрите: это ж та залетная ворона!

– Ух ты, сейчас я ее, чтоб не залетала к нашим!..

– Да пошел ты, Толян!.. Я первый ее заметил, и она будет моей добычей!

– Ага, будет! Ты сначала подрасти, а потом со мной тягайся!

Тюк-тюк, тюк-тюк! – стучала клювом по веревке деревенская ворона, а рядом кричала детвора. Серый, словно почуяв, что скоро наступит свобода, дернул лапой – и остатки веревки лопнули.

– Смотрите, залетную упустили, улепетнула, дура!

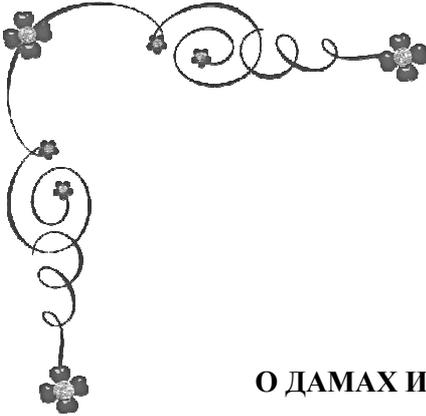
– Сега, и наша ворона убежать захотела! Давай ее поймаем!

– Не уйдет, от нас не уйдет.

– Эх, я же говорил... Улетела, не разучилась летать.

Дервенская ворона набирала высоту широким кругом, зазывая в этот круг своего городского друга. Тот хлопал крыльями неуверенно, но, гонимый инстинктом, улетал от своего прошлого, догоняя в небесах подругу. За городом было зелено: много деревьев – целый лес, и поля, засеянные пшеницей, рожью, гречихой. Это была земля птиц, с синим небом и голубыми озерами. Птицы летели над железной дорогой, не сворачивая, и лишь изредка опускаясь на березы для короткого отдыха. И деревенская собака залаяла залиvisto на двух ворон, низко кружащих над двором, как и положено настоящему псу, охраняющему жилище человека.

Валентина НАЗАРОВА

О ДАМАХ И ДЖЕНТЛЬМЕНАХ

* Должна ли дама идти впереди джентльмена, если навстречу идет муж?

* Должна ли дама говорить «мерси» джентльмену, если он съел ее глазами и не подавился?

* Должна ли дама идти домой, если джентльмен проводил ее до дверей своей квартиры?

* Должна ли дама во сне называть мужа именем джентльмена?

* Должна ли дама отдать джентльмену руку и сердце, если он их не просит?

* Должна ли дама принять защиту от джентльмена, если он нападающий?

* Должна ли дама оскорбиться, если джентльмен опоздал на свидание на два часа?

* Должна ли дама считать деньги, если они лежат в кармане у мужа?

* Должна ли дама намекнуть джентльмену, что у него из кармана торчит чужой бюстгальтер?

* Должна ли дама откликаться на «киску», если джентльмен зовет к блюдцу с молоком своего кота?

* Должна ли дама отдавать свое сердце в хорошие руки?

* Должна ли дама ежегодно поздравлять мужа с удачным выбором супруги?

* Должна ли дама при встрече с грабителями терять сознание и другие золотые украшения?

* Должна ли дама доказывать мужу, что джентльмен не третий лишний, а третий запасной?

* Должна ли дама оглядываться на улице, чтобы увидеть, оборачиваются ли джентльмены ей вслед?

* Должна ли дама знать себе цену и сообщать ее джентльмену?

СНИТСЯ МНЕ СОН...

1. ПОЧТОВЫЙ

Снится мне, что я письмо. С одной стороны, я вроде как человек, а с другой – письмо, то есть сначала была конвертом. Сiju, вернее, стою я в витрине киоска «Союзпечать» и прохожих разглядываю. Вдруг напротив меня останавливается молодой человек. Смотрел, смотрел – и решил купить меня. Я сначала чуть засопровтивлялась: мол, я девушка серьезная и не продаюсь. А потом вспомнила, что я еще и конверт, и сразу согласилась. Тем более, что парень очень даже симпатичный оказался. Письмо, между прочим, в постели писали. А уж когда он меня кончиком языка заклеивать стал, я, право, совсем разомлела. Дальше же было не так интересно: почтовый ящик, почтовый вагон скорого поезда и, наконец, получатель. Тут этот самый получатель вскрыть меня хочет. Самым натуральным образом. Даже ножницы приготовил. А я как вы понимаете, вроде, как и конверт, но ведь все-таки живой человек...

Короче, проснулась я. Испугалась. А жаль – может, во мне было написано что-нибудь эдакое, великое или смешное. Теперь уже этого никогда не узнать.

2. НА ПИКНИКЕ

Темной ночью снится мне яркий солнечный день. Мы с мужем и детьми решили в выходные-выездные отправиться на пикник (во сне все возможно).

Взяли с собой годовалого барашка на веревочке, чтоб не тащить мясо в руках; дрова – потому что лень тащить топор в лес, а потом обратно;

бутылку водки несла я, не доверяя ее мужу; мою косметичку нес муж, не доверяя ее мне. Пуленепробиваемые жилеты несли прямо на себе – вдруг наши детишки решат прямо по ходу поиграть в казаков-разбойников, они у нас такие шалунишки. Лук-репку решили не брать – муж с легкостью может довести меня до слез.

Все было прекрасно, только народу было многовато на одну полянку. Зато активный отдых был просто супер: палками сбивали бананы с деревьев, припасенными мандаринами сбивали мобильные телефоны (типа горючки), бледными поганками – бледнолицых братьев, крытыми яйцами – петухов...

Кстати, откуда во сне петухи взялись? Один под ухом так громко зашел, пришлось проснуться. Оказалось, это будильник звенит, а жаль, хороший сон был, сытный такой, веселый...

3. ЗОЛОТОЙ

«Вы думаете, что у вас нет денег? Мы так не думаем! Позвони...».

Эти слова так засели в мозгах, что все-таки решила позвонить. Несколько раз набирала номер и несколько раз испуганно кидала трубку. И почему это они думают, что у меня нет денег? А у меня ведь их действительно нет. Если не считать деньги на булку, хлеб и мыло. А хочется-то большего – например, телевизор новый, одежду бы обновить, отдохнуть по-людски бы где-нибудь, как Ксения Собчак или Дарья Донцова, книжечку стихов издать (первую-то расхватили как горячие пирожки)... И все-таки, почему они думают иначе, чем я? Решительно набрала номер и услышала приятную мелодию вместо привычных гудков вызова. Прошла минута и женский голос, поприветствовав меня, сразу поинтересовался, какую сумму я хотела бы иметь для исполнения своих желаний.

– Сто тысяч, – выпалила я и тоже поинтересовалась, – а почему вы думаете, что у меня есть деньги?

– В смысле?

– Ну, в рекламе у вас сказано, что вы знаете, что у меня есть деньги, хотя у меня их нет...

– А, вы об этом, – женский голос рассмеялся, – это наш маленький хитрый ход, на который многие клюют. Вот вы, например. Так значит, вам нужно сто тысяч? Ни больше, ни меньше? Можете минуту подумать...

Я и в правду задумалась: «За границу съездить, примерно на 40 тысяч, шубку хоть какую, но натуральную, примерно еще тысяча 40-50, телевизор хороший, большой.... Нет, лучше ноутбук.... Или то и другое? Или что-то одно?» Мысли мои запутались. А ведь хочется и книгу настоящую издать...

– Девушка, а тысяч двести можно?

– Ой, спасибо за комплимент! Мне ведь уже 45 лет, но это между нами... Голос просто у меня такой молодой... Так вам нужно двести тысяч?

– Ну да, чтобы хоть на что-то приличное хватило...

– О, вы действительно хотите что-то приличное! И я уже догадываюсь, что ЭТО...

– Нет-нет... что вы... никаких мужчин... никаких смотров женихов...

– Да? А мне кажется, все женщины мечтают появиться в свете с приличным мужчиной, ну вы понимаете каких мужчин можно заказать в экскорт-услугах.

– Вы что, действительно есть такая услуга?

– Конечно! Я вам могу порекомендовать одну фирму, и вам там сделать скидочку... Вот так и сэкономите на телевизор...

При слове «телевизор» я очнулась от грез и вспомнила, зачем мне нужны деньги.

– Девушка! Красавица! Мне деньги не на мужчин надо! Мне хочется книгу свою издать, шубу купить и за границей отдохнуть... Ну, может, и на машинку какую хватит... или на телевизор...

– Женщина, вы просто супер! Честно! Вы мне столько комплиментов уже наделали!!! Да за «красавицу» я вам такой кредит оформлю выгодный! Такие ставки по процентам низкие подберу... Может вам триста тысяч удобней взять? А отдадите всего на пятьдесят тысяч больше...

– Так можно? Да конечно, сладкая вы моя, конечно же, я возьму триста тысяч!

– Ну так давайте быстрее свои паспортные данные, я вас даже не спрошу где вы работаете и какой у вас, моя милая, доход...

Я спешно бросилась к сумочке за паспортом, задела локтем будильник, стоящий у телефона и услышала резкий трезвон этого треклятого будильника. Я испугано вздрогнула и.... проснулась.... Боже, где мой паспорт? Ведь от меня ждут паспортные данные для оформления льготного кредита.... Кредита? Я потрясла головой и окончательно проснулась. Какой прекрасный сон! Золото само текло мне в руки....

Окончательно очнулась я от телефонного звонка. Подняв трубку, я услышала приятный женский голос:

– Здравствуйте! Вас беспокоит издательство «от А до Я». Мы рассмотрели вашу рукопись и предлагаем вам сотрудничество...

ВЕСНА, ВЕСНА ...

Весенним вечером Васечкин вовсю веселился – взлетал взьерошенным воробышком, взбудоражено выпрашивал встречных: «Видели весну? Встречали вешнюю?». Веерообразно вдыхал-выдыхал воздух, вприпрыжку вез ворованный великовозрастным воришкой велосипед, возвращая велосипед владельцам, выставлял веснушки вечернему ветерку. Вожделенно вглядывался Васечкин во встречных врачей, волейболисток, верстальщиц, вокалисток, велосипедисток – все выглядели высококлассно, высокоэротично, взрывоопасно. Васечкин вздыхал взволнованно, влюбленно, весело взбрыкивая, взвешивал возможности... Взмахивал виновато вслед, вспоминая возраст.

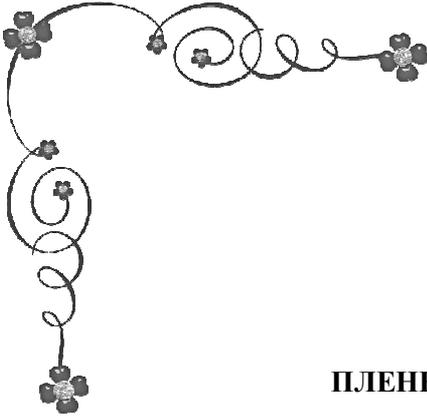
Весенняя влюбленность вкруговую возвращалась возбужденным волнением. Васечкин вновь вглядывался, вибрировал, внюхивался, вздыхал, вспоминая волшебные весны восьмидесятых.

Весенний вечер вычернился, выхолодился, вывездился. Веселье выдохлось. Васечкин вернулся восвояси. Влюбленное волнение всосалось внутрь, выжидая вновь весенних вечеров.

ВЕНИК

(на базаре)

- Миленький, веник-то почем у тебя?
- Двадцать пять, бабка. Плати и бери, какой приглянется.
- Двадцать пять рублей??? А скинуть цену нельзя?
- А в глаз?
- Что ты, миленький! На прошлой неделе по пятнадцать были!
- Были да сплыли. Слыхала, бабка, бензин подорожал. Вот то-то и оно! А мы товар возим издалека да на машинах. А ты – пятнадцать...
- Вот и я говорю, что пятнадцать – цена подходящая. Я бы за пятнадцать взяла.
- Взяла бы она за пятнадцать! А даром не хочешь?
- Ой, миленький, да неужто даром отдашь?.. Да я тогда вот этот возьму! Вот бабку-то порадовал! Вот подарочек старой сделал!
- Да кто тебе, бабка, даром-то отдает?
- Так ты же сам сказал: «А даром не хочешь?». Сказал?
- Сказал...
- Так я и хочу даром, хочу.
- Но я ведь в шутку это сказал.
- И че, издеваешься над старым человеком? Ишь че выдумал – сам сказал что даром, а теперь отказываешься!
- Ничего я не отказываюсь.
- Ну вот, миленький, и подтвердил что даром отдашь. Так что спасибо тебе, миленький! Чтoб дома все было у тебя хорошо, миленький! Чтoб...
- Да иди ты, бабка, отсюда. Вот пристала! Иди давай, а то веник отберу!
- Ах, грабитель! Ах, разбойник! Веник хочет у бабки отобрать! Если тебе веник нужен, так и купи его сам у себя...

Александр ВАСИЛЕНКО

ПЛЕННИКИ ВЕСТЫ

Великий и Милосердный Верховный жрец первой категории Крис со скрытым раздражением рассматривал мелкого и тщедушного вестянина с грязноватой белой шерстью, обломанными вибриссами и чересчур крупной головой. Сегодня Верховный разобрал в тюрьме массу дел. Смягчил наказание одним преступникам, помиловал других и теперь с нетерпением ждал, когда же этот тягостный день помилований закончится.

– Сын мой, ты подал на имя Верховного и Милосердного просьбу о помиловании, – устало сказал он, открывая папку.

– Да, – почти беззвучно прошептал несуразный вестянин.

Верховный мельком просмотрел первую страницу дела и нехотя проронил:

– С просьбами о помиловании обращаются те, кто совершил какое-либо преступление. Какой же грех лежит на твоей совести? Что за преступление совершил ты?

– Я, – прошелестел арестант – я ничего не совершал. Я просто прошу меня помиловать!

Поведение этого глупого заморыша нарушало весь ход священнодействия.

– Ладно, – возвысил голос Великий и Милосердный, – рассказывай!

Арестованный испуганно вздрогнул и зашепелявил, уставившись в пол: «Сны. Все дело в снах. Мне трудно, Ваша Милость, точно сказать, когда это все началось. Обычные сны очень быстро забываются. Большинство их забывается сразу. Сразу после пробуждения. – он вздохнул и продолжил еще более невнятно. – Это случилось, когда я заболел. У меня

была лихорадка. Я почти не спал. Но стоило закрыть глаза, как приходили сны. Они были необычно яркие, но в то же время удивительно похожие на реальность. Мне снилось небо! – он робко поднял глаза. – Нет, Ваша Милость, совсем не то, которое показывают жрецы в телескоп. Нет. Мне привиделось небо в виде светлого купола, с пушистыми холмиками состоящими из водяных паров. И во сне я знал, что имя им – облака. А рядом... рядом стояла ОНА. Лица ее я не видел. Я просто знал, что она рядом. Знал, что она прекрасна и что я ее люблю... – он снова робко посмотрел на жреца и, не уловив ничего в его взгляде, продолжил. – Я сказал ей, показывая на небо:

«Белеет облаков летучая гряда...».

И во сне мне показалось, что эта фраза имеет еще одно, недоступное мне значение. Смысл этих слов каким-то образом сплавлялся с их звучанием. Они образовывали странный ритм, который отзывался внутри сладкой болью.

То вдруг мне снился купол неба, усыпанный большими звездами. И тогда я говорил моей невидимой подруге:

*«Открылась бездна, звезд полна.
Звездам числа нет, бездне дна...».*

Или

*«Но небо надо мной глубоко и высоко,
и даль торжественна в открытой нагоде...».*

А потом я выздоровел, – опустошенно произнес нелепый арестант, – и сны исчезли. Я подумал, Ваша Милость, что я их просто забываю... Я все время пытался понять, что же это за мир, что являлся мне в снах. Я мечтал попасть в этот мир. И постоянно повторял про себя звучащие строки.

И конечно, ни к чему хорошему это не привело. Я стал невнимателен на работе. Я отвечал невпопад, пугался темноты. Мне вдруг почему-то стало тесно в нашем мире. И вот однажды по моей вине произошла авария.

Слава божественным, никто не погиб. Меня, конечно, сурово наказали. Я очень переживал и в ночь после аварии не спал до утра. А когда под утро забылся тяжелым сном, то мне опять привиделся чужой мир. Я стоял один в темноте на берегу океана. Тогда я понимал, Ваша Милость, что это такое – океан. И вдруг мне припомнились строчки:

*«Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.*

*Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами».*

И тут я понял, что эти строчки именно обо мне. Что мир, который мне снится – это и есть мой истинный мир. А здесь, на Весте, я чужой. Здесь я просто пленник, запертый в тесные катакомбы. Мы все здесь пленники! Мы, Ваша Милость, все пленники Весты!»

– И ты, конечно, поделился своими догадками с подругой?

– Да, Ваша Милость...

– А на следующий день тебя арестовали?

– Да, Ваша... Я понимаю, что, наверное, я все-таки в чем-то и виноват, но ведь... ведь я же исправлюсь!

– Исправляются, – сухо заметил Верховный, – те, кто совершил преступление. Ты знаешь, насколько гуманно наше общество. С преступниками мы поступаем строго, но справедливо! Но дело в том, – произнес

Милосердный особенно задушевым тоном, – что ты ни в чем не виноват! Ты не преступник! Ты просто урод! Ты сам понимаешь, что весь смысл жизни вестянина – это его работа. В ней он находит радость и огорчение, успех или неудачу. Но в этом его жизнь. В твоём же случае произошел какой-то сбой во время записи в Священной Одушевляющей Машине. В твоём мозгу записалось лишнее! И теперь ты со своим раздвоенным сознанием мешаешь надежным и прилежным работникам. Ты прекрасно знаешь, что закон гласит – из всего выводка в живых должно оставаться только двое. Двое самых лучших! Следовательно, будучи уродом, ты попросту занял чужое место. Конечно, ты не виновен, но как ошибка – просто не имеешь права на существование.

– Значит, вы милуете преступников, а я... Я совсем не виновный, почему-то не имею права на существование! Значит, ваша милость не для меня! Значит, мне в растворитель?!

Великий и Милосердный Верховный жрец Первой категории уставился тяжелым свинцовым взглядом на арестованного и молча кивнул.

– О божественные! – воскликнул арестованный. – Почему я не умер, когда был маленьким! – он заплакал и сквозь слезы что-то пробормотал.

– Ты что-то еще хотел сказать, сын мой? – тяжело вздохнув спросил, Верховный.

– Нет, что вы. Что ценного может сказать вам урод. Хотя... Ну ладно. Это последнее. И это про меня!

Он вытянул шею и тонким срывающимся голосом прокричал:

*«Я знаю, ты в небе,
Ты все еще шар голубой,
А мне во Вселенной нет места!».*

Верховный жрец плавно нажал кнопку. Он еще долго сидел в опустевшем зале. Служба закончилась. Великий и Милосердный встал, расправил вибриссы, нервно дернул хвостом и начал собираться.

– Как же он там говорил, этот поганец... Ах, да...

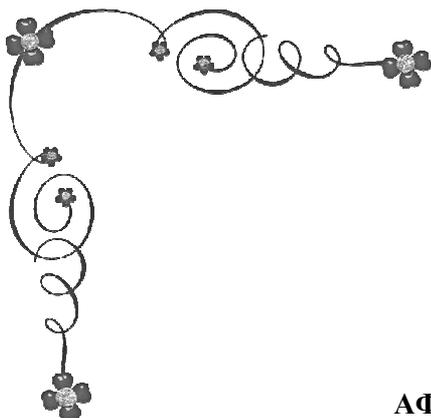
«Невидимо стены стоят между нами...».

Он пожевал сухими губами и продолжил:

*«Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои дарованья пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!».*

Верховный оглядел тусклым взором мрачные своды громадной крысиной норы и заплакал.

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ

АФОРИЗМЫ

Химия семейных отношений

Перед общением с тещей надо съесть что-нибудь щелочное, чтобы нейтрализовать кислое выражение лица.

Мудрая блондинка

Громкость голоса – важный аргумент в любом споре, – говорила мудрая блондинка.

Ценности

У вас есть ценные мнения? – спрашивал грабитель.

Настроение

Наше настроение не всегда совпадает с настроением зеркала.

Всеобъем

Пока я не ощупаю земной шар со всех сторон, я не пойму, что такое земля, – говорил слепой.

Райский сад

Даже в райском саду встречаются гнилые плоды, – говорил садовник.

Есть ли жизнь на Марсе?

Если бы человек мог обгадить Марс, человек бы Марс обгадил, поэтому возможности человека ограничены, – говорил эколог.

Неподъемная истина

Нести людям можно лишь относительную истину, ибо абсолютная истина неподъемна, – говорил мудрец.

Логика штанги

Есть такие вопросы, поднимая которые можно и надорваться, – говорил штангист.

Так устроен мир

Мир делится на материальное, идеальное и запах, – говорил мудрый парфюмер.

Сократология

Сократите текст из одного слова, – сказал ученикам Сократ.

Безграничность образа

Контуры картины всегда шире холста – говорил художник.

И не надо!

Слишком высокие идеалы – не разглядеть, да и не надо! – говорил коротышка.

Живи с собой душа в душу

У человека есть душа, тело и душок, – говорил парфюмер.

Оптимистичное молоко

Если у молока нет чувства юмора, то молоко киснет, – говорил мудрый повар.

Теория относительности

Неподъемную тяжесть не отнесешь к относительным вещам, – говорил Эйнштейн.

Мудрый гончар

Даже самая совершенная форма, слепленная из грязи, будет грязной, – говорил мудрый гончар.

Непомерная требовательность

Не фигурируй! – потребовал от фигуры шахматист.

Теория пограничной относительности

Через границу не все относительно! – опроверг Эйнштейна таможенник.

Надпись на рынке

Золушкам тыквы – по цене автомобиля.

Вера

Если вам жарко, возьмите веер и поверьте, кто верит, тому не жарко! – сказал слушателям проповедник и включил кондиционер.

Загадки цивилизации

Как же вы читаете по звездам, если вы не умеете перелистывать облака? – удивился в библиотеке Маугли.

Обмен мнений

По какому курсу вы меняете мнения? – спросил Эйнштейн в отделе обмена валют.

Изгиб бумаги

Лист всегда надо сгибать вдвое, чтобы у каждой стороны был противовес, – говорил учитель Цынь.

Занудософия

Если земля висит, это еще не значит, что все мы – в подвешенном состоянии, – говорил сэр Зануда.

Шерше ля фам

– А что это ты на мои ребра уставился? – спросил у змея Адам.

– Ищу женщину! – ответил змей.

Астрологизмы

Я не стремлюсь к полной ясности, так как понимаю, что тучи тоже необходимы, – говорил звездочет.

Великая застенчивость

Не будь заносчивым, будь застенчивым! – сказал великий китайский философ царю. А царь понял его буквально и построил Великую китайскую стену.

Грамотный барон

Вероятное отличается от невероятного только приставкой НЕ, – говорил барон Мюнхгаузен.

Собачья мудрость

Семь раз порычи перед тем, как гавкнуть, – говорил мудрый собач.

Муравейник

Можно случайно наступить на муравья, но нельзя случайно наступить на муравейник.

Страусиная логика

Мы бегаем быстрее всех, поэтому мы никогда не убегаем, – объяснял песку мудрый страус.

Точный невпопад

Фраза, сказанная невпопад, часто может придать беседе новый ценный смысл, – говорил мудрый попугай.

На чистую воду

Лаять вежливо, а вот мяуканье – это подхалимство, – говорил мудрый собак.

Рыбалковед

Еда вкусна, пока не дернут удочку, – философствовал окунь.

Широко закрытые глаза

Если шире открыть глаза, паутина от этого виднее не станет, – говорила мудрая муха.

Собачья мудрость

Когда люди вырубят все леса, все волки станут собаками, – говорил мудрый собак.

Мудрый таракан

Хуже всего быть раздавленным морально, – говорил мудрый таракан.

Баланс ветра

Ты не лопнешь до тех пор, пока ветер в голове сильнее ветра снаружи, – говорил Мыльный Пузырь.

Тяжелая жизнь

Я бы мяукал, да жизнь тяжелая, – говорил мудрый лев.

Правила роста

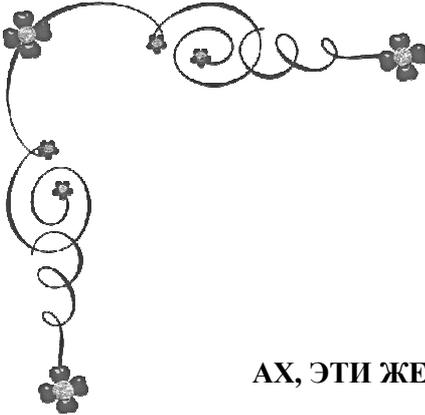
Если хочешь вырасти, для начала сравнийся с почвой, – говорило мудрое семя.

У пули лучше не спрашивать

А я тактическая цель или стратегическая? – спросила утка у охотника.

Они в наших сердцах...

Лео ГИМЕЛЬЗОН

АХ, ЭТИ ЖЕНСКИЕ СТРАСТИ...

Я рад представить вниманию читателей взволнованное, искреннее, на редкость страстное творчество очень изобретательной и темпераментной поэтессы Марины Мануйловой. Она эмигрировала из Санкт-Петербурга в самый большой город Канады – Торонто, где являлась Председателем Канадского Регионального Отделения Международного Союза писателей «Новый Современник». И хотя сегодня Марины нет с нами, ее творчество и свершенные дела оставили о ней добрую память.

По гамбургскому счету надо, думаю, судить творчество по его вершинам. А они у Марины Мануйловой просто поражают поэтической свежестью и проникновенной музыкой яркой, незаурядной души. Удивительно точно название ее книги стихов «Ах, эти женские страсти...». Об изобилии тем нет и речи. Действительно, «одна, но пламенная страсть»! Да еще какая! Разве можно с холодным равнодушием внимать неудержимым извержениям столь трогательной откровенности? Настоящий вулкан! Вулкан Любви! Какие горячие строки! Какие ЖИВЫЕ!

Марина Мануйлова жила не Вечностью, а мгновением. «Есть только миг» «в этом мире бушующем... ..Именно он называется жизнь» (Леонид Дербенев). И Любовь! Во всяком случае, для очевидного экстраверта Марины Мануйловой Жизнь и Любовь совпадали. И по накалу страстности тоже! Похоже, в данном случае можно говорить даже о триаде: Жизнь – Любовь – Творчество. Их неразрывное, синкретическое единство захватывает читателей и уже не отпускает их тонкие, восприимчивые души, готовые настроиться на волну поэтического звучания автора.

Искушенные читатели временами наталкиваются на высокие ассоциации. Вспоминаются шедевры Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Есенина... И это прекрасно! Ведь и такие произведения автора оригинальны, а непринужденные неологизмы и оглушительно яркие, нетривиальные рифмы порой просто поражают воображение богатой фантазией поэтессы. Отмечу и жанровое разнообразие: сонеты, акrostихи, романсы, авторские песни, пародии, целые стихотворные диалоги, импровизации, экспромты... Цветастый поэтический калейдоскоп!

В память о талантливой поэтессе, в стихах которой представлена и настоящая женская лирика, и мудрая поэзия, и тонкий юмор в отношениях между мужчиной и женщиной, Альянс русскоязычных женщин «Доброе» при поддержке родственников Марины Мануйловой в рамках фестиваля «Русский Stil» учредил приз «**За талант и женственность в поэзии**». О том, как стать соискателем приза, можно узнать на сайте фестиваля: russkijstil.ucoz.de

Марина МАНУЙЛОВА

ВЕЛИКОЕ ИЗ ЧУВСТВ

Любовь – волнение и тревоги,
Шальные ласки, поцелуи...
И ожидание, и вздохи,
Касанья... и молитва всеу.
И неуверенность, надежда,
И вера, сила и бессилье.
И звук спадающей одежды
В порыве страсти с тела милой.
И незащитность, и защита,
И боль, и счастье, боли, муки...
И целый мир у ног открытый.
И сердца стук. Любимой руки
И пара крыльев за спиною,
И ощущение полета.
Ресниц дрожанье, вдох тобою
И ожиданье эшафота.
Ток! Обжигающие губы,
Сбивающийся жаркий шепот,
Стон, зов природы, яркий, грубый,
И нежной ласки робкий ропот.
Двух душ взаиморастворенье!

Вдруг – обретение начала
И смысла жизни, озаренье!
Маяк надежного причала.
Борьба! Сердец разбитых груды,
Смешные чувства, душ терзанья.
И вечно – ожиданье чуда.
Спасение и наказание.
Печаль и радость, смех и грусть.
Жизнь, смерть, дар Божий, смертный грех.
Любовь... Великое из чувств,
Прекрасней и сильнее всех!

БАБЬЯ ДОЛЯ

Налетел с дождем гуляка-ветер:
В кабаке у тучек напились,
Нахлебались. Мокрой круговертью
По деревьям ряженым прошлись.
Отловили в сеть цыганку-осень,
Напоили зельем допьяна,
Всласть натешились, нагую бросив,
Улетели – погибай одна!
Холод, грязь, монисто золотое
Листьями рассыпалось вокруг...
Вот такая, осень, бабья доля –
С горечью предательств и разлук.

РОССЕЮШКА

Слеп народ, глух народ! Россеюшка!
Тебе к этому не привыкать –
В вере Господу черпать силушку
На земле до сих пор стоять.
Ты прости нас, Россия-матушка,
Несмышленных своих детей.
Поумнеем всем миром, вряд ли уж –
Легче миром всем жить грешней.
До прозрения и духовности
Не у всех душа дорастет.
Как взмыть истине над условностью,
Если прерван ее полет?
Жизни парадокс – чушь бессвязную
(Будь ученым ты иль поэт),
С умным видом другим навязывать,
Когда силы духовной нет.
Веры нет! Нет о ней понятия.
Генетический атеизм.
Наши души томились в сжатии
Лабиринтов идейных призм –
В результате все покорежены:
Судим сверху, хулим, браним...
Ты прости своим детям, Боже наш:
Ведь не ведаем, что творим.

В ТОМ ЖИЗНИ СМЫСЛ

В том жизни смысл, что дышишь и живешь,
Что любишь и ошибки совершаешь,
Что предают тебя, ты предаешь
И силу веры в муках обретаешь.
Злодея даже Бог прощает, если
Тот кается в грехах, не жаждет мести...
К духовности отчетливой стезя,
И в сторону сворачивать нельзя
На шаг... Когда нет сил идти по ней,
Тут главное – не растерять себя.
Людей и мир вокруг себя любя,
Есть шанс – стать нравственнее и добрей.

МОНЕТКИ ЗА ГРЕХИ

Вот без тебя опять пришла весна...
Лучи, рассыпавшись в горошки-солнца,
Постукивая в дни, где я одна,
Монетками скатились за оконце...
Под их щемяще-грустный перезвон
Последняя надежда раскрошилась...
Была ль то плата за волшебный сон?
Иль за грехи свои я расплатилась?

ЗА МЕНЯ БУДУТ ЖИТЬ СТИХИ

Если брошу писать стихи,
Рухнет мир, что внутри меня.
И взлетит, за собой маня,
Добрый Ангел, мои грехи
С крыльев белых стряхнувши в Ад!
И грехи там мои сгорят,
И сама я... Душа-стихи
Будет вечно жить, говорят.
Станут строчки мои читать,
И признают, что я – поэт,
С сожалением вздыхать,
Что на свете меня уж нет.
Жизнь коварно меняет суть,
Достучаться бы до глухих.
А когда уж, не обессудь,
За меня будут жить стихи.

Инна ИОХВИДОВИЧ

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ
ПОЭТА ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ**

«Но величайшей трагедией духа является то, что рано или поздно он сдается плоти. Рано или поздно душу душит больное тело; рано или поздно исчезают всякие мысли, кроме мыслей о боли...», – вывел некогда почти закономерное правило большой английский писатель Олдос Хаксли.

Жизнь, умирание да сама смерть поэта Ольги Бешенковской опровергли его. Несмотря на мучительно одолевавшие ее боли, она продолжала служить литературе. За несколько недель до кончины вышла книга «Люди мужества», книга поэзии и прозы писателей – людей с ограниченными возможностями, т.е. инвалидов, душой которой была Ольга. В нее она вложила свои последние силы. И ее эссе было блестящим, как и всегда, трудно даже предположить, что его писал умирающий человек. Жрица русской литературы, она осталась верна ей до конца и никогда не изменила своей Миссии.

Бешенковская продолжила печальную русскую поэтическую традицию противостояния: Поэт – Власть, Поэт – Толпа... Так, когда в СССР ей запретили профессиональную журналистскую деятельность, то она стала кочегаром в котельной. Там, как казалось многим, на «социальном дне», появились ее поэтические книги, ее потрясающей силы эссеистика. Это и о ней стихотворение О. Мандельштама – мая 1935 г.:

*Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.*

Кстати, кочегар Ольга Юрьевна Бешенковская отапливала дом, где родился Осип Эмильевич Мандельштам.

А в эмиграции пришлось ей столкнуться и с теми, кого еще А.С. Пушкин назвал емким словом – «чернь». В стихотворении «Поэт» Пушкин предупреждал: «Поэт не дорожи любовью народной...».

Священник, когда-то отказавшийся отпевать М.Ю. Лермонтова, лет эдак через двадцать после смерти поэта разоткровенничался о том, что когда поэт погиб, то все в Пятигорске не плакали, а радовались!? В такой же обстановке пришлось прожить последние десять лет своей жизни Ольге Бешенковской. Как истинный художник, наполнив болью каждое слово, она написала об этом в «окровавленных» строках «Дневника «сердитого» эмигранта», в «Травле» и, естественно, в стихах:

*Эти взгляды в чужие кошёлки, и зависть, и спесь,
По которым советских всегда узнаешь эмигрантов...
Весь нехитрый багаж их, похоже, покоится здесь:
В настороженном виде и странных повадках мутантов...*

Она оказалась такой же жертвой противостояния как Пушкин, Лермонтов, Пастернак, Мандельштам, Ахматова... И потому смерть ее имела причины не только физические... Ольга-Бесстрашная, такой она действительно была, не могла быть безответной. «Не могла молчать», как до нее Э. Золя или Л. Толстой. Ведь была она Поэтом! И через свою, не такую уж и долгую земную жизнь, пронесла бьющийся в ее душе и сердце ГЛАГОЛ!

Как и Ф. Кафка, Ольга Юрьевна не любила разговоров не о литературе, потому что литература не была делом ее жизни, а была самой жизнью!

*О смерти – рано... Поздно – о любви.
Жизнь пересохла, как зубная паста.
Не пошлость ли: салатом оливье
Закусывать печаль Экклезиаста?
Свеча горела... Все еще горит...
Сквозняк росток светящийся колышет...
Блажен, кто о пустом не говорит:
Он, может быть, сподобится... Услышит...*

Здесь читатель может заметить стремление поэта к повтору ритмики поэтов предыдущих эпох, к прямому и «скрытому» цитированию, к парфразе... Эти ее «соскальзывания» в пространстве и времени придают стихам аромат «вечности», встраивают их в контекст мировой культуры: тут и персонажи Библии, пророки, античные авторы, поэты эпохи Ренессанса, и, конечно, русские поэты... Вот ее стихотворение «Памяти поэта»:

*Слава богу, что так, в Елабуге,
а иначе бы шли за гробом
равнодушно смурные лабухи,
каждый – нанят, и каждый – робот.
А в Париже или Берлинии
Провожали бы языками
Злыми. Платьями – сплошь павлиньими.
(Время – бросить последний камень...)
Кто травил – тот бы первый – плаксою
Над челом, что уже увенчано...
Если мазал при жизни ваксою,
Возопил бы: «Святая женищина!»
Ты и так им, как Богородица,
Отдала все свое святое...
Не страдают от безработицы.
Не бывает у них простоя:
Расшифровывают, печатают,
Набиваются в фавориты...
Хорошо, что ушла, печальная,
Прямо к Богу! – Без волокиты...
И – поклон тебе от поэзии.
И – ночной мой дрожащий шепот...*

*Мне легко танцевать по лезвию:
У меня – твой бессмертный опыт...*

*Когда болит стихотворенье,
Горит и мечется в груди, ты окати лицо сиренью,
Запястья в небе остуди.
И не коснется вены – бритва,
И взгляд к Всевышнему воздет...
Бессильна общая молитва.
Твори свою – и грянет свет!*

Двойственность поэтической судьбы – **изгойства и избранничества** полностью воплотились в жизни Ольги Бешенковской и на Родине, и в эмиграции:

*В нелюбимом городе жить, ненадежные руки жать.
А во сне – над страной кружить,
Из которой мечтал сбежать...*

*По делам беглецу – уют,
Поделом ему грусти яд...
Тут скучают, а Там – поют,
И всю купола сият!*

*Православного слова мед
Все течет по моим устам.
Всяк услышит, а кто поймет:
Первый встречный: не тут, а Там...*

*Кто в свободу купил билет,
Знает, как цена высока...
Вон и рифма, как пистолет,
Взмыла, вспыхнула у виска...*

Все вышеприведенные стихотворения вошли в последний сборник О. Бешенковской «Беззапретная даль». Этот сборник, свое «Избранное»,

держала Ольга Юрьевна в руках за несколько недель до кончины. Сборник, вышедший в Нью-Йорке, в издательстве «Александрия» был ее последним, итоговым сборником. И составлен ею он был своеобразно-ретроспективно: от «Стихов, написанных в эмиграции» до ранних. Особняком стоит цикл «Диагноз». Это книга о ностальгии и любви ко всему живому, о тоске по Родине на Родине, и вдали от нее, это «Стихи на песке» (израильский дневник), «Переменчивый снег» (70-х), и «Подземные цветы» (80-х), стихи, написанные накануне путча 1991 года... и стихи 1976 года, написанные в поезде, заканчиваются по-пушкински, на «безмолвствии народа»:

*А кто-то с пьяной хрипотцой
«Хотят ли русские...» заводит,
И не найти его лицо
В темно сомкнувшемся народе...*

Открывает книгу эссе поэта «Дети полукультуры» (автобиография). Затем идут несколько стихотворений о Воскресении и Смерти, написанные в разные годы жизни.

Живя в Германии, Ольга Бешенковская в своих мыслях и естественно в своей поэзии постоянно возвращается к России:

*Как проста в России нищета:
Нету хлеба – понимай буквально...*

Или:

*Знаю: Родина миф. Где любовь – там и родина... Что ж,
Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия...
Лист шершавый колюч, как в ладони уткнувшийся еж,
И любой эмигрант на закате речист, как Мессия...
Ибо обе судьбы он изведal на этой земле:
От креста оторвавшись, он понял, что это возможно:
И брести, и вести босиком по горячей золе,*

*Сброд, который пинком отпустила к Истокам таможня...
Для того и границы, чтоб кто-то их мог пересечь
Не за ради Христа, не вдогонку заморских красавиц;
И не меч вознести, а блистательно острую речь!
И славянскою вязью еврейских пророков восславить,
Зная: Родина – мир... Где любовь – там и родина... Но
И любовь – там, где родина... Прочее – лишь любованье...
Как темно в этом космосе... (Помните, как в «Котловане»...),
А в России из кранов библейское хлещет вино...*

Бешенковская иронична и самоиронична:

*Болдинская штутгартская осень...
Тютчевские мюнхенские зимы...
Мы – невыразимы,
И не очень
Сами на чужбине выносимы...*

*Ты, Германия, – Обмания:
Завлекаешь на беду...
За тебя, страна Германия,
Воевать я не пойду...*

*Сломают голову языковеды
над артиклем таинственным «бля»...*

Тонко ощущает поэт несовершенство мира и тотчас же отзывается на его катастрофы. У Бешенковской найдете стихи и о бомбардировке Белграда, и материнское сочувствие матерям, потерявшим своих сыновей на подлодке «Курск»...

Завершающим книгу поэт поставила цикл «Диагноз». Она тяжело заболела, той роковой, мистической, до самого конца не проявляющей себя болезнью, что заканчивается тяжелейшими муками, от боли происходит «расчеловечение» человека. Цикл «Диагноз» об этом, о противостоянии болезни. Ведь поэт сумела создать из времени своего умирания – время жизнеутверждения, презрения, как некогда и у последователей стоической философии, к Смерти.

*Что поделаешь, мы не бессмертны,
не бессменны, не пали с небес...
И судьбы голубые конверты
Получаем с доплатой и без.
И теперь, в ожиданье итога, усмехнусь, посмотрев на часы,
Что грехи в бухгалтерии Бога
Нерадиво кладут на весы...*

Или фрагменты из других стихов этого цикла:

*Вот ведь какая идиллия,
если о жизни всерьез.
Кремль, и Рейхстаг, и Бастилия
Ниже, чем уровень слез...*

*И вдруг в предчувствии конца
печаль под сердцем шелохнется.
И от Небесного отца
Лицо к земному обернется.
Какой отчаянный бедлам
Трудов и дней беспутно ленных...
И сердце рвется пополам
На Здесь и Там, на две Вселенных...*

*От первой строчки все,
От первой строчки...
Все заморочки,
И дойти до точки.
И вдруг себя увидеть из трамвая
Живая! Еще живая!*

*Еще друзьям протягиваю руку,
Еще успею выучить науку.
Залечь бы только с книжкой на диване...
Кто там шепнул: «науку расставаний...»?..*

Не останавливаюсь на своеобразии синтаксиса поэта, императивных двоеточиях, на тяге к многоточию как продолжению мыслечувства...

Несколько слов скажу о ней не только как о поэте, но и как об оригинальном мыслителе. О. Бешенковская обладала провидческим даром, увы, Кассандровым. Афористичная, она дает возможность читателю иного, нового видения истории русской культуры. В одном из последних интервью она сказала о себе, к тому времени болезнью измученная: «Мое перо жесткое, как немецкая медицина».

Е. Евтушенко писал, что «Ольга Бешенковская будто случайно уронила одно из лучших определений настоящей поэзии: «Единица измерения поэзии для меня – светимость слова...».

Ольге Бешенковской, как способному лингвисту, давались языки, она выпустила книги стихов на немецком и могла бы успешно продолжать творить на этом языке. Ее признали, она стала единственным, на то время, русским поэтом – членом Союза писателей Германии. Но русский язык был ей Родиной, она осталась верной.

Много было в мировой истории стойков, философов и простых людей, проявлявших твердость и стойкость в жизненных несчастьях и испытаниях. Среди них были самые разные, по своим взглядам, социальному положению и образу жизни, люди, это были философы Зенон и Сенека, раб Эпиктет и император Марк Аврелий... были стоики ранние и поздние...

Но последним стойком конца двадцатого и начала двадцать первого века стала поэт – Ольга Юрьевна Бешенковская.

И.А. Бродский писал о том, что творчество – это молитва, и что творческий человек шепчет на «ухо Господу». И каждый может расслышать Ольгино:

«Смахни, Господь, как крошку – со стола/ Меня, жестоковыйную...».

В знак уважения к памяти Ольги Бешенковской и для стимулирования литературной деятельности в русле заложенных ею традиций, Международная гильдия писателей учредила одноименную литературную премию. Премия имени О. Бешенковской не содержит в себе денежного номинала. Главным призом премии становится издание книги автора-победителя. С условиями подачи работ на соискание Премии можно ознакомиться на сайте МГП: schriftstellergilde.org

© Созвучье муз 2011

Литературный альманах. Коллектив современных авторов

Выпущено под патронажем
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde

<http://schriftstellergilde.org>

Германия: «stella.ru» 2011

© Все права защищены

Главный редактор Е. Яхненко
Верстка Л. Баумгартен
Дизайн В. Цветков

Verlag stella.ru
Max-Liebermann-Weg 14
71065 Sindelfingen
Deutschland
<http://stella.ucoz.de>
Tel. + 49/07031 4282498
E-mail: lnbg@ya.ru

ISBN 978-3-941953-23-9

9 783941 953239